

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

ІХ

ПЕТРОПОЛИСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

ІХ

ЦИКАДЫ

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

—————
Copyright 1935 by Ivan Bunin.

ЦИКАДЫ

ЦИКАДЫ

На дачѣ темно, — часъ поздній, — и все окрестъ струится непрерывнымъ журчаніемъ. Я сдѣлалъ длинную прогулку по обрывамъ надъ моремъ и легъ въ камышевое кресло на балконѣ. Я думаю — и слушаю, слушаю: хрустальное журчаніе, наводненіе!

Ночная бездонность неба переполнена разноцвѣтными висящими въ немъ звѣздами, и среди нихъ воздушно свѣтитъ прозрачный и тоже полный звѣздъ Млечный Путь, двумя неравными дымами склоняющийся къ южному горизонту, беззвѣздному и поэтому почти черному. Балконъ выходитъ въ садъ, усыпанный галькой, рѣдкій и низкорослый. Съ балкона открывается ночное море. Блѣдное, млечно-зеркальное, оно латаргически-недвижно, молчитъ. Будто молчать и звѣзды. И однообразный, ни на секунду не прерывающийся хрустальный звонъ стоитъ во всемъ этомъ молчаливомъ ночномъ мірѣ, подобно какому-то звенящему сну. Завороженный самимъ собой, онъ растеть, ширится и однако не увеличивается, ни до чего не дорастаетъ — и ничѣмъ не разрѣшается. . .

О чемъ я думаю?

«Рѣшился я испытать разумомъ все, что дѣлается

подъ солнцемъ; но это тяжелое занятіе дасть Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они мучили себя. . . Богъ сотворилъ людей разумно, но, увѣ, люди пустились въ большую затѣйливость.» И Екклезіастъ отечески совѣтуетъ: «Не будь слишкомъ правдивъ и не умствуй слишкомъ.» Но я все «умствую.» Я «слишкомъ правдивъ.»

О чемъ я думаю? Когда я спросилъ себя объ этомъ, я хотѣлъ вспомнить, о чемъ именно я думалъ, и тотчасъ-же подумалъ о своемъ думаньи и о томъ, что это думанье есть, кажется, самое удивительное, самое непостижимое — и самое роковое въ моей жизни. О чемъ думалъ я, что было во мнѣ? Какія-то мысли (или подобіе мыслей) объ окружающемъ и желаніе зачѣмъ-то запомнить, сохранить, удержать въ себѣ это окружающее. . . Что еще? Еще чувство великаго счастья отъ этого великаго покоя, великой гармоніи ночи, рядомъ-же съ этимъ чувство какой-то тоски и какой-то корысти. Откуда тоска? Изъ тайнаго чувства, что только во мнѣ одномъ нѣтъ покоя — вѣчное тайное томленіе! — и нѣтъ бездумности. Откуда корысть? Изъ жажды какъ-то использовать это счастье и даже эту самую тоску и жажду, что-то создать изъ нихъ. . . Но и тутъ тоска, Екклесіастъ: «Въ будущіе дни все будетъ забыто. Нѣтъ памяти о прежнихъ людяхъ. И любовь ихъ, и ненависть, и ревность давно исчезли и уже нѣтъ имъ участія ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ.» И тутъ я «умствую», и тутъ пускаюсь въ «затѣйливость», ведущую къ бесплодію! Чѣмъ страстнѣй пѣвецъ Пѣсни Пѣсней, тѣмъ вѣрнѣй кончается онъ Екклесіастомъ!

О чемъ я думалъ? Но не важно, о чемъ именно ду-

малъ я, — важно мое думанье, дѣйствіе совершенно для меня непостижимое, а еще важнѣе и непостижимѣе — мое думанье объ этомъ думаньѣ и о томъ, что «я ничего не понимаю ни въ себѣ, ни въ мірѣ» и въ то же время понимаю мое непониманіе, понимаю мою потерянность среди этой ночи и вотъ этого колдовского журчанія, не то живого, не то мертваго, не то безсмысленнаго, не то говорящаго мнѣ что-то самое сокровенное и самое нужное.

— Эта мысль о собственной мысли, пониманіе своего собственного непониманія есть самое неотразимое доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто кратъ больше меня, и, значить, доказательство моего безсмертія: во мнѣ есть, помимо всего моего, еще нѣкое нѣчто, очевидно, основное, неразложимое, — истинно частица Бога.

— Да, но вѣдь это частица того не имѣющаго ни формы, ни времени, ни пространства, что и есть моя гибель. Вкусите и будете, какъ Богъ. Но «Богъ на небѣ, мы же на землѣ.» Вкушая, для земли, для земныхъ формъ и законовъ умираемъ. Богъ безконеченъ, безграниченъ, вездѣсущъ, безымянень. Но эти-то Божескія свойства и ужасны для меня. И если они все растутъ во мнѣ, я для своей человѣческой жизни, для этого земнаго «быванія» и «дѣланія» гибну. . .

Неподвижно темнѣютъ мелкія деревья въ саду.

Между ними сѣрѣетъ галька, бѣлѣютъ бѣлые цвѣты въ цвѣтникѣ, а дальше — обрывы — и млечной плащаницей подымается въ небо море.

Въ этой млечности есть зеркальность; но на горизонтѣ сумрачно, зловѣще: это отъ Юпитера и отъ то-

го, что тамъ, въ южномъ небосклонѣ, нѣтъ почти звѣздъ.

Юпитеръ, золотой, огромный, горитъ въ концѣ Млечнаго Пути такъ царственно, что на балконѣ лежатъ чуть видныя тѣни отъ стола, отъ стульевъ. Онъ кажется маленькой луной какого-то иного міра, и его сіяніе туманно-золотистымъ столпомъ падаетъ въ зеркальную млечность моря съ великой высоты небесъ, межъ тѣмъ какъ на горизонтѣ, въ силу противоположности со свѣтомъ, мрачно рисуется какъ бы темный холмъ.

И непрестанный, ни на секунду несмолкающій звонъ, наполняющій молчаніе неба, земли и моря своимъ какъ бы сквознымъ журчаніемъ, похожъ то на милліоны текущихъ и сливающихся ручьевъ, то на какіе-то дивные, все какъ будто растущіе хрустальной спиралью цвѣты. . .

Только человекъ дивится своему собственному существованію, думаетъ о немъ. Это его главное отличіе отъ прочихъ существъ, которыя еще въ раю, въ недуманіи о себѣ. Но вѣдь и люди отличаются другъ отъ друга — степенью, мѣрой этого удивленія. За что же отмѣтилъ меня Богъ роковымъ знакомъ удивленія, думанья, «умствования» такъ сугубо, зачѣмъ все растеть и растеть во мнѣ оно? Умствуютъ-ли мириады этихъ ночныхъ, степныхъ цикадъ, наполняющихъ вокругъ меня какъ бы всю вселенную своей любовной пѣснью? Онъ въ раю, въ блаженномъ снѣ жизни, а я уже проснулся и бодрствую. Міръ въ нихъ и онъ въ немъ, а я уже какъ бы со стороны гляжу на него. «Пожираетъ сердце свое глупецъ, сидящій праздно. Кто наблюдаетъ вѣтеръ, тому не сѣять. . .»

Я слушаю и думаю. И отъ этого я безконечно одинокъ въ этомъ полночномъ безмолвіи, колдовски звенящемъ мириадами хрустальныхъ источниковъ, неизсякаемо, съ великой покорностью и бездумностью льющихся въ какое-то бездонное Лоно. Горній свѣтъ Юпитера жутко озаряетъ громадное пространство между небомъ и моремъ, великій храмъ ночи, надъ Царскими Вратами котораго вознесенъ онъ какъ знакъ Святого Духа. И я одинъ въ этомъ храмѣ, я бодрствую въ немъ.

День есть часъ дѣланія, часъ неволи. День во времени, въ пространствѣ. День — исполненіе земного долга, служенія земному бытію. И законъ дня повѣлываетъ: будь въ дѣланіи и не прерывай его для осознанія себя, своего мѣста и своей цѣли, ибо ты рабъ земного бытія и дано тебѣ въ немъ извѣстное назначеніе, званіе, имя. А что есть ночь? И подобаетъ ли человѣку быть предъ лицомъ ея въ бодрствованіи, въ томъ непостижимомъ, что есть наше «умствованіе»? Заповѣдано было не вкушать отъ запретнаго плода, и вотъ послушай, послушай ихъ, этихъ самозабвенныхъ пѣвцовъ: они не вкушали и не вкушаютъ! И что иное, какъ не славословіе имъ, вынесли Екклезіасты изъ всей своей мудрости? Это они сказали: «Все суета суется, и нѣтъ выгоды человѣку при всѣхъ трудахъ его!» Но они-же и прибавили — съ горькой завистью: «Сладокъ сонъ работающаго! И нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими, и ѣсть съ веселіемъ хлѣбъ свой, и пить въ радости сердца вино свое!» Что есть ночь? То, что рабъ времени и пространства на нѣкій срокъ свободенъ, что снято съ него его земное назначеніе, его земное имя, званіе, — и что

уготовано ему, если онъ бодрствуетъ, великое искушеніе: бесплодное «умствованіе», бесплодное стремленіе къ пониманію, то есть непониманіе сугубое: непониманіе ни міра, ни самого себя, окруженнаго имъ, ни своего начала, ни своего конца.

У меня ихъ нѣтъ, — ни начала, ни конца.

Я знаю, что мнѣ столько-то лѣтъ. Но вѣдь мнѣ сказали это, то, что я родился въ такомъ-то году, въ такой-то день и часъ: иначе я не зналъ бы не только дня своего рожденія, а слѣдовательно и счета моихъ лѣтъ, но даже и того, что я существую по причинѣ рожденія.

Рожденіе! Что это такое? Рожденіе! Мое рожденіе никакъ не есть мое начало. Мое начало и въ той (совершенно непостижимой для меня) тьмѣ, въ которой я былъ зачатъ до рожденія, и въ моемъ отцѣ, въ матери, въ дѣдахъ, прадѣдахъ, ибо вѣдь они тоже я, только въ нѣсколько иной формѣ, изъ которой весьма многое повторилось во мнѣ почти тождественно. «Я помню, что когда-то, мириады лѣтъ тому назадъ, я былъ козленкомъ.» И я самъ испыталъ подобное (какъ разъ въ странѣ Того, Кто сказалъ это, въ индійскихъ тропикахъ): испыталъ ужасъ ощущенія, что я уже былъ когда-то тутъ, въ этомъ райскомъ теплѣ.

Самообманъ? Самовнушеніе?

Но вѣдь такъ вѣроятно, что мои пращуры обитали именно въ индійскихъ тропикахъ. Какъ же могли они, столько разъ передававшіе своимъ потомкамъ и наконецъ передавшіе и мнѣ почти точную форму уха, подбородка, бровныхъ дугъ, какъ могли они не передать и болѣе тонкой, невѣсомой плоти своей, связанной съ Индіей? Есть боящіеся змѣй, пауковъ «безум-

но», то-есть вопреки уму, а вѣдь это и есть чувство какого-то прежняго существованія, темная память о томъ, напимѣръ, что когда-то древнему пращуру бо-ящагося постоянно грозила смерть отъ кобры, скорпиона, гарангула. Мой пращуръ обиталъ въ Индіи. Почему-же, при видѣ кокосовыхъ пальмъ, склоненныхъ съ океанійскаго побережья, при видѣ голыхъ темнокоричневыхъ людей въ теплой тропической водѣ, не могъ вспомнить я того, что я чувствовалъ нѣкогда, будучи своимъ голымъ темнокоричневымъ предкомъ?

Но нѣтъ у меня и конца.

Не понимая, не чувствуя своего рожденія, я не понимаю, не чувствую и смерти, о которой я тоже не имѣлъ бы даже малѣйшаго представленія, знанія, а, можетъ, и ощущенія, родись я и живи на какомъ-нибудь совершенно необитаемомъ, безъ единого живого существа, островѣ. Я всю жизнь живу подъ знакомъ смерти — и все-таки всю жизнь чувствую, будто я никогда не умру. Смерть! Но каждые семь лѣтъ человѣкъ перерождается, то есть незамѣтно умираетъ, незамѣтно возрождаясь. Значитъ, не разъ перерождался (то есть умиралъ, возрождаясь) и я. Умиралъ — и однако жилъ, умеръ уже многократно — и однако въ основѣ все тотъ же, что и прежде, да въ придачу еще весь полонъ своимъ прошлымъ.

Начало, конецъ. Но страшно зыбки мои представленія времени, пространства. И съ годами все больше не только чувствую, но и сознаю я это.

Меня выдѣлили изъ многихъ прочихъ. И, хотя всю жизнь я мучительно сознаю слабость и недостаточность всѣхъ моихъ способностей, я, по сравненію съ нѣкоторыми, и впрямь не совсѣмъ обычный человѣкъ.

Но вотъ именно поэтому-то (то есть въ силу моей нѣкоторой необычайности, въ силу моей принадлежности къ нѣкоторому особому разряду людей) мои представленія и ощущенія времени, пространства и самого себя зыбки особенно.

Что это за разрядъ, что это за люди? Тѣ, которыхъ называютъ поэтами, художниками. Чѣмъ они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другія, чужія, не только самого себя, но и прочихъ, — то-есть, какъ принято говорить, способностью перевоплощенія и, кромѣ того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью. А для того, чтобы быть однимъ изъ такихъ людей, надо быть особью, прошедшей въ цѣпи своихъ предковъ очень долгій путь существованій и вдругъ явившей въ себѣ особенно полный образъ своего дикаго пращура со всей свѣжестью его ощущеній, со всей образностью его мышленія и съ его огромной подсознательностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ особью безмѣрно обогащенной за свой долгій путь и уже съ огромной сознательностью.

Великій мученикъ или великій счастливецъ такой человѣкъ? И то и другое. Проклятiе и счастье такого человѣка есть особенно сильное Я, жажда вящаго утвержденія этого Я и вмѣстѣ съ тѣмъ вящее (въ силу огромнаго опыта за время пребыванія въ огромной цѣпи существованій) чувство тщеты этой жажды, обостренное ощущеніе Всебытія. И вотъ Будда, Соломонъ, Толстой. . .

Гориллы въ молодости, въ зрѣлости страшны своей тѣлесной силой, безмѣрно чувственны въ своемъ ми-

роощущенія, беспощадны во всяческомъ насыщеніи своею похоти, отличаются крайней непосредственностью, къ старости-же становятся нерѣшительны, задумчивы, скорбны, жалостливы... Разительное сходство съ Буддами, Соломонами, Толстыми! И вообще, сколько можно насчитать въ царственномъ племени святыхъ и геніевъ такихъ, которые вызываютъ на сравненіе ихъ съ гориллами даже по наружности! Всякій знаетъ бровныя дуги Толстого, гигантскій ростъ и бугоръ на черепѣ Будды (и припадки Магомета, когда ангелы въ молніяхъ открывали ему «тайны и бездны неземныя» и «въ мановеніе ока», то есть внѣ всякихъ законовъ времени и пространства, переносили изъ Медины въ Іерусалимъ — на Камень Моріа, «непрестанно размахивающійся между небомъ и землей», какъ бы смѣшивающій землю съ небомъ, переходящее съ вѣчнымъ).

Всѣ Соломоны и Будды сперва съ великой жадностью приѣмлютъ міръ, затѣмъ съ великой страстностью клянуть его соблазны. Всѣ они сперва великіе грѣшники, потомъ великіе враги грѣха, сперва великіе стяжатели, потомъ великіе расточители. Всѣ они ненасытые рабы Майи, — вотъ она, эта звенящая, колдующая Майя, послушай, послушай ее! — и всѣ отличаются все возрастающимъ съ годами чувствомъ Всебытія и неминуемаго въ немъ исчезновенія...

Слабое движеніе воздуха, запаха цвѣтовъ изъ цвѣтника и морской свѣжести неожиданно доходитъ до балкона. И черезъ минуту слышится шорохъ, тихій вздохъ полусонной волны, медленно накатившейся гдѣ-то внизу на берегъ. Счастливая, дремотная, бездумная, покорная, умирающая, не вѣдая того! Нака-

тилась, плеснула, озарила пески блѣдно-голубымъ сіяніемъ, — сіяніемъ несмѣтныхъ жизней, — и такъ же медленно потянулась назадъ, возвращаясь въ колыбель и могилу свою. И несмѣтныя жизни поютъ окрестъ какъ будто еще изступленнѣе, и Юпитеръ, золотымъ потокомъ льющійся въ великое зеркало водъ, блестя въ небесахъ какъ будто еще страшнѣе и царственнѣе. . .

Развѣ я уже не безначаленъ, не безконеченъ, не вездѣсущъ?

Вотъ десятки лѣтъ отдѣляютъ меня отъ моего младенчества, дѣтства. Безконечная давность! Но стоитъ мнѣ лишь немного подумать, какъ время начинаетъ таять. Не разъ испыталъ я нѣчто чудесное. Не разъ случилось: вотъ я возвратился въ тѣ поля, гдѣ я былъ нѣкогда ребенкомъ, юношей, — и вдругъ, взглянувъ кругомъ, чувствую, что долгихъ и многихъ лѣтъ, прожитыхъ мной съ тѣхъ поръ, точно не было. Это совсѣмъ, совсѣмъ не воспоминаніе: нѣтъ, просто я опять прежній, совершенно прежній. Я опять въ томъ же самомъ отношеніи къ этимъ полямъ, къ этому полемому воздуху, къ этому русскому небу, въ томъ же самомъ воспріятіи всего міра, какое было у меня вотъ здѣсь, на этомъ проселкѣ, въ дни моего дѣтства, отрочества!

Въ такія минуты не разъ думалъ я: каждый мигъ того, чѣмъ я жилъ здѣсь когда-то, оставлялъ, таинственно отпечатлѣвалъ свой слѣдъ какъ бы на какихъ-то несмѣтныхъ, безконечно-малыхъ, сокровеннѣйшихъ пластинкахъ моего Я — и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ вдругъ ожили, проявились. Секунда — и онѣ опять меркнутъ во тьмѣ моего существа. Но пусть, я знаю,

что онъ есть. «Ничто не гибнетъ, — только видоизмѣняется.» Но, можетъ, есть нѣчто, что не подлежитъ даже и видоизмѣненію, не подвергается ему не только въ теченіи моей жизни, но и въ теченіи тысячелѣтій? Великое множество такихъ отпечатковъ передано мнѣ моими предками, пращурами. Богатство способностей, гений, талантъ, — что это какъ не богатство этихъ отпечатковъ (и наслѣдственныхъ, и благопріобрѣтенныхъ), какъ не та или иная чувствительность ихъ и количество ихъ проявленій въ лучѣ того Солнца, что откуда-то падаетъ на нихъ порою?

Недавно, проснувшись случайно на разсвѣтѣ, я вдругъ поразился мыслью о своихъ годахъ. Казалось когда-то, что это какое-то особое, почти страшное существо — человекъ, прожившій сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ. И вотъ такимъ существомъ сталъ наконецъ и я. Что-же я такое, сказала я себѣ, чѣмъ именно сталъ я теперь? И, сдѣлавъ, маленькое усиліе воли, взглянувъ на себя какъ на посторонняго, — какъ дивно, что мы это можемъ! — я, конечно, совершенно живо ощутилъ, что я и теперь совершенно тотъ же, кѣмъ былъ и въ десять, въ двадцать лѣтъ.

Я зажегъ огонь, посмотрѣлъ въ зеркало: да, есть уже сухость, опредѣленность чертъ, есть серебристый налетъ на вискахъ, нѣсколько поблекъ цвѣтъ глазъ. . . Но что съ того?

И я особенно легко всталъ, вышелъ въ другія комнаты, еще чуть свѣтлѣющія, еще по ночному спокойныя, но уже принимающія новый, медленно рождающійся день, слабо и таинственно раздѣлившій на уровнѣ моей груди ихъ полутьму.

Покой, особый, предразсвѣтный, царилъ еще и во

всемъ томъ огромномъ человѣческомъ гнѣздѣ, которое называется городомъ. Молчаливо и какъ-то по иному, чѣмъ днемъ, стояли многооконные дома съ ихъ многочисленными обитателями, столь какъ будто разными и столь одинаково преданными сну, безсознанію, беспомощности. Молчаливыя (и еще пустыя, еще чистыя) лежали подо мной улицы, но уже зелено горѣли газовые огни въ ихъ прозрачномъ сумракѣ. И вдругъ опять испыталъ я то непередаваемое чувство, которое испытываю всю жизнь, когда мнѣ случается проснуться на ранней зарѣ, — испыталъ чувство великаго счастья, дѣтски довѣрчивой, душу умиляющей сладости жизни, чувство начала чего-то совсѣмъ новаго, добраго, прекраснаго и близости, братства, единства со всѣми живущими на землѣ вмѣстѣ со мною. Какъ я понимаю всегда въ такія минуты слезы Петра Апостола, который именно на разсвѣтѣ такъ свѣжо, молодо, нѣжно ощутилъ всю силу своей любви къ Иисусу и все зло содѣяннаго имъ, Петромъ, наканунѣ, ночью, въ страхъ передъ римскими солдатами! Я опять пережилъ совершенно какъ свое собственное это далекое евангельское утро въ Элеонской оливковой рощѣ, это отреченіе Петра. Время исчезло. Я всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ: ахъ, какой это ничтожный срокъ — двѣ тысячи лѣтъ! Вотъ я прожилъ полвѣка: стоитъ только увеличить мою жизнь въ срокъ разъ и будетъ время Христа, апостоловъ, «древней» Іудеи, «древняго» человѣчества. То же самое солнце, что когда-то увидѣлъ послѣ своей безсонной ночи блѣдный, заплаканный Петръ, вотъ-вотъ опять взойдетъ и надо мною. И почти тѣ-же самыя чувства, что наполнили когда-то Петра въ Геосиманіи, напол-

няютъ сейчасъ меня, вызывая и на мои глаза тѣ же самыя слезы, которыми такъ сладко и больно заплакалъ Петръ у костра. Такъ гдѣ-же мое время и гдѣ его? Гдѣ я и гдѣ Петръ? Разъ мы такъ слились хотя бы на мгновеніе, гдѣ же оно, это мое Я, утвердить и выдѣлить которое такъ страстно хотѣлось мнѣ всю жизнь? Нѣтъ, это совсѣмъ, совсѣмъ ничего не значить, — то, что я живу на землѣ не во дни Петра, Иисуса, Тиверія, а въ такъ называемомъ двадцатомъ вѣкѣ! И сколько я жилъ въ воображеніи чужими и далекими жизнями, чувствомъ, будто я былъ всегда и всюду! А гдѣ грань между моей дѣйствительностью и моимъ воображеніемъ, моими чувствами, которыя есть вѣдь тоже дѣйствительность, нѣчто несомнѣнно существующее?

Всю жизнь, сознательно и безсознательно, преодолеваю, разрушаю я пространство, время, формы. Неуголима и безмѣрна моя жажда жизни, и я живу не только своимъ настоящимъ, но и всѣмъ своимъ прошлымъ, не только своей собственной жизнью, но и тысячами чужихъ, всѣмъ, что современно мнѣ, и тѣмъ, что тамъ, въ туманѣ самыхъ дальнихъ вѣковъ. Зачѣмъ-же? Затѣмъ-ли, чтобы на этомъ пути губить себя, или затѣмъ, чтобы, напротивъ, утверждать себя, обогащаясь и усиливаясь?

Есть два разряда людей. Въ одномъ, огромномъ, — люди своего, опредѣленнаго момента, житейскаго строительства, дѣланія, люди какъ-бы почти безъ прошлаго, безъ предковъ, вѣрныя звенья той Цѣпи, о которой говоритъ мудрость Индіи: чтó имъ до того, что такъ страшно ускользають въ безграничность и начало и конецъ этой Цѣпи? А въ другомъ, очень

сравнительно маломъ, не только не дѣлатели, не строители, а сущіе разорители, уже познавшіе тщету дѣланія и строенія, люди мечты, созерцанія, удивленія себѣ и міру, люди «умствованія», уже втайнѣ откликнувшіеся на древній зовъ: «Выйди изъ Цѣпи!» — уже жаждущіе раствориться, исчезнуть во Всеединомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще люто страждущіе, тоскующіе о всѣхъ тѣхъ ликахъ, воплощеніяхъ, въ коихъ пребывали они, особенно-же — о каждомъ мигѣ своего настоящаго. Эти люди, одаренные великихъ богатствомъ воспріятій, полученныхъ ими отъ своихъ безчисленныхъ предшественниковъ, чувствующіе 'безконечно далекія звенья Цѣпи, существа, дивно (и не въ послѣдній-ли разъ?) воскресившія въ своемъ лицѣ силу и свѣжесть своего райскаго краотца, его тѣлесности. Эти люди райски чувственные въ своемъ міроощущеніи, но Рая уже лишены. Отсюда и великое ихъ раздвоеніе: мука ухода изъ Цѣпи, разлука съ нею, сознаніе тщеты ея — и сугубаго, страшнаго очарованія ею. И каждый изъ этихъ людей съ полнымъ правомъ можетъ повторить древнее стенаніе: «Вѣчный и Всеобъемлющій! Ты нѣкогда не зналъ Желанія, Жажды. Ты пребывалъ въ покоѣ, но Ты самъ нарушилъ его: Ты зачалъ и повелъ безмѣрную Цѣпь воплощеній, изъ коихъ каждому надлежало быть все безплотнѣе, все ближе къ блаженному Началу. Нынѣ все громче звучитъ мнѣ Твой зовъ: «Выйди изъ Цѣпи! Выйди безъ слѣда, безъ наслѣдства, безъ наслѣдника!» Такъ, Господи, я уже слышу Тебя. Но еще горько мнѣ разлученіе съ обманной и горькой сладостью Быванія. Еще страшитъ меня Твое безначаліе и Твоя безконечность. . .»

Да, если-бы запечатлѣть это обманное и все же не-сказанно сладкое бываніе хотя бы въ словѣ, если уже не во плоти!

Въ древнѣйшіе дни мои, тысячи лѣтъ тому назадъ, мѣрно говорилъ я о мѣрномъ шумѣ моря, пѣлъ о томъ, что мнѣ радостно и горестно, что синева небесъ и бѣлизна облаковъ далеки и прекрасны, что формы женскаго тѣла мучительны своей непостижимой прелестью. Тотъ-же я и теперь. Кто и зачѣмъ обязалъ меня безъ отдыха нести это бремя — непрестанно высказывать свои чувства, мысли, представленія, и высказывать не просто, а съ точностью, красотой и силой, которыя должны очаровывать, восхищать, давать людямъ печаль или счастье? Кѣмъ и для чего вложена въ меня неутолимая потребность заражать ихъ тѣмъ, чѣмъ я самъ живу, передавать имъ себя и искать въ нихъ сочувствованія, единенія, сліянія съ ними? Съ младенчества никогда ничего не чувствую я, не думаю, не вижу, не слышу, не обоняю безъ этой «корысти», безъ жажды обогащенія, потребнаго мнѣ для выраженія себя въ наибольшемъ богатствѣ. Вѣчнымъ желаніемъ одержимъ я не только стяжать, а потомъ расточать, но и выдѣлиться изъ милліоновъ себѣ подобныхъ, стать извѣстнымъ имъ и достойнымъ ихъ зависти, восторга, удивленія и вѣчной жизни. Вѣнецъ каждой человѣческой жизни есть память о ней, — высшее, что обѣщаютъ человѣку надъ его гробомъ, это память вѣчную. И нѣтъ той души, которая не томилась бы втайнѣ мечтою объ этомъ вѣнцѣ. А моя душа? Какъ истомлена она этой мечтой, — зачѣмъ, почему? — мечтой оставить въ мірѣ до скончанія вѣковъ себя, свои чувства, видѣнія, желанія,

одолѣть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанетъ для меня въ свой срокъ и во что я все таки не вѣрю, не хочу и не могу вѣрить! Неустанно кричу я безъ словъ, всѣмъ существомъ своимъ: «Стой, солнце!!» И тѣмъ страстнѣе кричу, что вѣдь на дѣлѣ-то я не устрояющій, а разоряющій себя — и не могущій быть инымъ, разъ уже дано мнѣ преодолевать ихъ, — время, пространство, формы, — чувствовать свою безначальность и безконечность, то есть это Всеединое, вновь влекущее меня въ себя, какъ паукъ паутину свою.

— А цикады поютъ, поютъ. Имъ тоже оно дано, это Всеединое, но сладка ихъ пѣснь, лишь для меня горестная, — пѣснь, полная райской бездумности, блаженнаго самозабвенія!

Юпитеръ достигъ предѣльной высоты своей. И предѣльнаго молчанія, предѣльной недвижности передъ лицомъ его, предѣльнаго часа своей красоты и величія достигла ночь. «Ночь ночи передаетъ знаніе.» Какое? И не въ этотъ ли сокровенный, высшій часъ свой?

Еще царственнѣе и грознѣе сталъ необъятнѣй и бездонный храмъ полнозвѣднаго неба, — уже много крупныхъ предъутреннихъ звѣздъ вошло на него. И уже совсѣмъ отвѣсно падаетъ туманно-золотистый столпъ сіянія въ млечную зеркальность летаргіей объятаго моря. И какъ будто еще неподвижнѣе темнѣютъ мелкія деревья, ставшія какъ бы еще мельче, въ этомъ скудномъ южномъ саду, усыпанномъ блѣдною галькой. И непрестанный, ни на секунду не смолкающій звонъ, наполняющій молчаніе неба, земли и моря своимъ какъ-бы сквознымъ журчаніемъ, сталъ еще болѣе похожъ на какіе-то дивные, все какъ будто растущіе

хрустальными винтами цвѣты. . . Чего-же наконецъ достигнетъ это звенящее молчаніе?

Но вотъ онъ опять, этотъ вздохъ, вздохъ жизни, шорохъ накатившейся на берегъ и разлившейся волны, и за нимъ — опять легкое движеніе воздуха, морской свѣжести и запаха цвѣтовъ. И я точно просыпаюсь. Я оглядываюсь кругомъ и встаю. Я сбѣгаю съ балкона, иду, хрустя галькой, по саду, потомъ бѣгу внизъ, съ обрыва. Я иду по песку и сажусь у самаго края воды и съ упоеніемъ погружаю въ нее руки, мгновенно загорающіяся мириадами свѣтящихся капель, несмѣтныхъ жизней. . . Нѣтъ, еще не настала мой срокъ! Еще есть нѣчто, что сильнѣе всѣхъ моихъ умствованій. Еще какъ женщина вождельнно мнѣ это водное ночное лоно. . .

Боже, оставь меня!

Приморскія Альпы, 17. IX. 25.

NOTRE-DAME DE LA GARDE

Вагонъ былъ полонъ рабочими, — было воскресенье.

Противъ меня сидѣлъ каменщикъ, длинный и худой, какъ Донъ-Кихотъ, весь спеченный солнцемъ, морщинистый, заросшій сѣрой щетиной, испачканный известкой, вѣвшейся въ его одежду, въ рыжую обувь и въ руки, и не спѣша жеваль, поочередно отрѣзая кривымъ ножичкомъ то ломтикъ сизой тугой колбасы, то кусокъ бѣлаго хлѣба. Все въ немъ было по южному сухо, коряво, все жестко и грубо, — одни глаза, безразлично и устало смотрѣвшіе на меня, были кротки и укоризнены.

Остальные были молодежь, итальянцы и провансальцы. И всѣ они, не смолкая ни на минуту, быстро и непонятно говорили, раздражались хохотомъ и орали, громко шлепали другъ друга. Они то и дѣло, кто въ лѣсъ, кто по дрова, затягивали «Интернаціональ» или хоромъ кричали: «à bas la guerre!» — хотя никакой войны нигдѣ не было и не предвидѣлось, — и захватски свистали.

На остановкѣ въ Сэнь-Рафаэлъ по вагону прошли съ опущенными глазами двѣ монахини, кланяясь и

предлагая купить бумажный цвѣтокъ и, въ придачу къ нему, взять маленькую картиночку — изображение Марсельской Божьей Матери Заступницы, Notre-Dame de la Garde. Какъ ровень и чистъ былъ прекрасный цвѣтъ ихъ молодыхъ, нѣжныхъ лицъ, отгвѣненныхъ черными капюшонами, какъ смиренны и дѣвственны склоненныя рѣсницы, какъ цѣломудренны прямо, аттически падающія линіи черныхъ рясы, подпоясанныхъ длинно-висящимъ жгутомъ! Ихъ встрѣтили и проводили уханьемъ, визгомъ и мяуканьемъ. Я вышелъ вслѣдъ за ними, прошелся по платформѣ. . . Стѣны станціи пестрѣли цвѣтистыми плакатами античныхъ руинъ, средневѣковыхъ соборовъ; былъ тутъ автокаръ, полный туристовъ, поднимающійся по извилистай, идеально-живописной Альпійской дорогѣ, былъ идеально-счастливый молодой человекъ, съ открытой головой сидящій на руль въ легкой и длинной машинѣ, уносящей его къ лазурному озеру, къ идеально-свѣтскому курорту. . . Солнце пронизывало листья дикаго винограда, вьющагося по столбамъ платформы, дѣлало зелень свѣтлой и праздничной, и небо ярко, невинно и молодо синѣло межъ ихъ гирляндами. . . Я пошелъ въ конецъ поѣзда, гдѣ прицѣплявали, повидимому, пустой вагонъ, пришедшій съ вѣтки. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ почти пустъ. Я вскочилъ въ него и едва успѣлъ сѣсть, какъ поѣздъ тронулся дальше.

Въ вагонѣ сидѣло только двое: удивительной полноты молодая женщина, возлѣ которой пламенѣли двѣ корзины съ крупными томатами, а напротивъ нея — престранная для французскаго вагона фигура, одна изъ тѣхъ личностей, отъ которыхъ уже давно отвыкъ мой глазъ: старичокъ-странникъ. Женщина, несмо-

тря на полноту и черные усики, цвѣла красотой и тѣмъ преизбыткомъ здоровья и великолѣпной, пурпурно-лиловой крови, которыя встрѣчаются, кажется, только въ Провансѣ. А старичокъ былъ легенькій, сухенькій, съ босыми, темно-желтыми отъ загара ножками, съ рѣдкими и длинными безцвѣтными волосами, въ которыхъ сквозилъ коричневый черепъ, въ бѣломъ балахончикѣ и съ двумя бѣлыми мѣшечками по бокамъ, надѣтыми крестъ на крестъ: совсѣмъ бы русскій старичокъ, если бы не тонкость и чистота чертъ лица. И онъ сидѣлъ и вслухъ, но такъ, точно въ вагонѣ кромѣ него никого не было, читалъ. Онъ бѣгло, дружелюбно, спокойно взглянулъ на меня и продолжалъ читать:

— *Seigneur, ayez pitié de nous!*

— *Jesus-Christ, ayez pitié de nous!*

Онъ читалъ то, что было напечатано на оборотѣ картинки, которую вмѣстѣ съ бумажнымъ цвѣткомъ раздавали монахини: *Litanies de Notre-Dame de la Garde*. Поездъ гремѣлъ, но онъ читалъ ясно и съ такой превосходной простотой произношенія, что слышно было каждое слово. И такъ же, какъ это произношеніе, былъ простъ и звукъ, выраженіе его голоса. Только все время голосъ его крѣпъ и все болѣе приобреталъ убѣдительность, увѣренность, что его слышать Тѣ, къ Кому обращался онъ.

— *Père céleste qui êtes Dieu, écoutez nous,* — говорилъ онъ Богу почти такъ, какъ если бы онъ говорилъ: «*Monsieur le ministre, écoutez moi*», но именно почти такъ, то есть не совсѣмъ такъ. Онъ не умолялъ, онъ только почтительно просилъ, но все-таки

съ отгѣнкомъ молитвы, обращенія къ Отцу Небесному:

— *Esprit Saint qui êtes Dieu, ayez pitié de nous!*

— *Sainte Marie, Immaculée dans votre Conception, priez pour nous!*

Женщина отвернулась къ жаркому окну, за которыми шли сады и виллы Булюриса, — на глаза ея навернулись слезы. У меня по головѣ прошелъ легкій холодокъ. . . Да, да, ну пусть ихъ нѣтъ, — *Jesus-Christ, Père céleste, Sainte Marie. . .* Вѣдь все равно были, есть и во вѣки будутъ чувства, коими эти литаніи созданы. Есть неистребимая и сладостная потребность покорности и даже униженія передъ тѣмъ высшимъ, что мы имѣемъ въ себѣ самихъ, совокупностью чего надѣляемъ мы смертнаго или Божество и чему мы поклоняемся, возвышая самихъ себя, поклоняясь всему тому высшему, что есть въ насъ. Есть въ насъ нѣкій Духъ, неизмѣнно и отлично отъ плоти чувствуемый нами — *Saint Esprit qui est Dieu*, нѣчто такое, что для насъ непостижимо, что намъ, смертнымъ, кажется безсмертнымъ, вѣчнымъ, И есть, несомнѣнно есть въ нашемъ порочномъ, человѣческомъ непорочность какъ-бы нечеловѣческая, неизмѣнно насъ трогающая, восхищающая, — такъ какъ же можетъ не восхищать Образъ этой непорочности чистѣйшій и совершеннѣйшій, пусть даже опять-таки самими нами, въ силу нашей горячей потребности, созданный? А старичокъ, замедляя голосъ, невольно возвышалъ его и говорилъ все проникновеннѣе:

— *Sainte Marie, saluée par l'Archange Gabriel, priez pour nous!*

— Sainte Marie, glorifiée dans votre Assomption, priez pour nous!

И торжественно и свѣтло звучали слова: *saluée, glorifiée*. Развѣ слова всѣ одинаковы? Развѣ не живутъ они таинственнѣйшей и разнообразнѣйшей музыкой, жизнью?

Когда-то мнѣ было странно французское обращеніе къ Богу, къ Божьей Матери, къ Спасителю на вы, потому что еще чужда была Франція и мертвъ была языкъ католической церкви. Потомъ я не только привыкъ къ этому обращенію, но почувствовалъ въ немъ, въ его галльскомъ рыцарствѣ, какое-то особое очарованіе.

Старичокъ читалъ:

— Notre-Dame de Grace, priez pour nous!

— Notre-Dame de la Garde, Reine et Patronne de Marseille, priez pour nous!

Reine et Patronne, Царица и Покровительница... Развѣ не великое счастье обладать чувствомъ, что есть все-таки Кто-то, благостно и безкорыстно царствующій надъ этимъ Марселемъ, надъ его грѣшной и корыстной суетой и могущій стать на его защиту въ бѣдѣ, въ опасности? И кто эта Reine?

— Матерь Господа нашего Иисуса, за грѣхи міра на крестѣ распятаго, высшую скорбь земную пріѣвшая, высшей славы земной и небесной удостоенная!

Я тоже взялъ у монахинь цвѣтокъ и картинку. Теперь я вынулъ эту картинку и сталъ разсматривать: она была прелестна въ своей наивности и традиционности, эта столь обычная, ремесленная статуя Богоматери, съ Ея юнымъ, благостнымъ и спокойнымъ Лицомъ, съ маленькой короной на головѣ и большегла-

зымъ Младенцемъ, довѣрчиво простирающимъ къ міру свои дѣтскія ручки съ Ея рукъ, съ Ея лона. И я вспомнилъ далекое счастливое время, когда я впервые видѣлъ эту статую въ дѣйствительности: было весеннее утро, и высоко въ блѣдно-голубомъ небѣ стояла Она, Reine de Marseille, недоступная земнымъ горестямъ и волненіямъ, но неизмѣнно къ нимъ участливая, — рѣяла на высокой колокольнѣ песочнаго цвѣта, издалека видной съ путей морскихъ, вознесенной на желтый каменистый пикъ надъ всей гаванью, надъ всѣмъ городомъ со всѣми его предмѣстьями и надъ всѣми его нагими, пустынными окрестностями, говорящими уже о близости Испаніи. Я смотрѣлъ на картинку и мысленно повторялъ за старичкомъ:

— Вы, Кто первая встрѣчаете благословіемъ прибывающихъ и послѣдняя провожаете имъ отходящихъ. . .

— Неисчерпаемое сокровище наше. . .

— Никогда не оставляющая наши мольбы напрасными. . .

— Нами именуемая нашей Добрай Матерью. . .

— Покровительница рыбаковъ и корабельщиковъ. . .

— Вѣрный путеводитель проповѣдующихъ Слово Божіе язычникамъ. . .

— Охраняющая въ битвахъ нашихъ воиновъ. . .

— Въ чье святилище входимъ мы съ такой радостью. . .

— Благодатная Звѣзда морей. . .

— Маякъ Блισταющей, указующій намъ среди бурь гавань спокойную. . .

— Вы, на рукахъ своихъ несущая Повелителя вѣтровъ и бурныхъ волнь. . .

— Это хорошо, не правда-ли? — прерывая чтеніе, обратился ко мнѣ старичокъ такъ, точно мы были всю жизнь знакомы.

— Очень хорошо, — отвѣтилъ я отъ всей души.

Онъ это почувствовалъ и спросилъ, какъ добрый учитель понятливаго школьника:

— А почему?

И тотчасъ же отвѣтилъ самъ:

— Потому, что здѣсь выражается все самое прекрасное, что есть въ человѣческой душѣ.

— Да, — сказала я. — И нѣтъ казни достойной для того, кто посягаетъ хотя бы вотъ на такія картинки.

Онъ поглядѣлъ на меня, подумалъ.

— Вы англичанинъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, русскій.

Онъ легонько улыбнулся.

— Да, конечно, не англичанинъ. Я такъ и думалъ. Англичане никогда не сидятъ, напримѣръ, въ вагонѣ просто, ничего не дѣлая: или пристально смотрятъ въ окно, точно изучая что-то, или читаютъ. . . Ну, да, вы русскій. И я знаю, сколько страданій и гоненій терпитъ теперь Россія. . .

И, опять подумавъ, помедливъ немного, сталъ дочитывать:

— Утѣшительница скорбныхъ душъ и прибѣжище бѣдныхъ рыбаковъ. . .

— Посредница милосердная между небомъ и нами. . .

— Врачующая недуги, насъ изнуряющіе. . .

— Надежда наша въ жизни и Сопутница въ часъ смертный. . .

— Бдящая надъ колыбелью нашей и благословляющая нашу могилу. . .

— Царица земли и небесъ, молитесь за насъ!

И онъ перекрестился, вздохнулъ и просто и убѣжденно сказалъ, пряча картинку за пазуху:

— *C'est très bon, ça!*

— *Ah! oui, —* прошептала полная женщина съ застѣнчивой улыбкой сквозь сіявшія на глазахъ слезы: — *notre berceau et notre tombe. . .*

За окномъ слѣпило солнце и море. Былъ тунель, грохоть, тьма и вонь каменнаго угля, потомъ опять блескъ, лазурь, свѣжесть морского воздуха, краснолиловыя скалы и синіе, синіе заливы. . . Вдругъ раздался трескъ и сверкнули брызги стекла, — вдребезги разсыпалась бутылка, вылетѣвшая изъ окна и ловко угодившая въ телеграфный столбъ. . .

Это забавлялась молодежь.

Приморскія Альпы, 1925.

ПОРУГАННЫЙ СПАСЬ

— Нѣтъ, господинъ, не всякъ Бога славить, а Богъ себя явить. А когда и за что — одному Ему извѣстно. Сколько именитыхъ иконъ и соборовъ, сколько мощей хотъ, скажемъ, въ нашей мѣстности! А вотъ было-же такъ: заболѣла смертной болѣзнью дочка одного нашего купца, дѣвочка, и, Господи, Царица Небесная, чего только этотъ купецъ для своего чада не дѣлалъ! И докторовъ-то изъ Москвы выписывалъ, и молебны самые дорогіе служилъ, и къ мощамъ, ко всѣмъ чудотворнымъ иконамъ въ Москву и къ Троицъ возилъ, и всѣ наши мѣстныя святости подымалъ, — ничего не помогаетъ! А дѣвочка все свое твердитъ: буду здоровая непременно, исцѣлюсь, молъ, обязательно, только не отъ этого ото всего, а отъ Поруганнаго Спаса. — Ну, прекрасно, говорятъ ей отецъ-мать, вѣримъ и надѣмся, только что это за Поруганный Спасъ и гдѣ Онъ находится? — А это, говоритъ, я во снѣ видѣла, Богъ мнѣ такое видѣніе далъ. — И того лучше, отвѣчаютъ ей, но какой-же Онъ и гдѣ? — А вы, говоритъ, ищите, вездѣ ходите и ищите. Я и сама не знаю, гдѣ Онъ. Знаю только, что поруганный и въ большой хулѣ и бѣдности, брошень куда-то какъ по-

пало и ужь давно, еще при царицѣ Василисѣ. — При какой такой царицѣ Василисѣ? Такой, молъ, и царицы никогда не было. — Ну, ужь этого я ничего не знаю, говорить. Знаю только, что Онъ совсѣмъ маленькій, въ одну пядь и вродѣ простой дощечки черной, съ богохульной надписью, — только и всего. Главное то, что надо черезъ всякую силу искать и обязательно найти. . . И что-жъ вы думаете, господинъ? Вѣдь нашли и вѣдь исцѣлилась! Всѣ чердаки по всѣмъ домамъ и по всѣмъ церквамъ облазили, подъ всѣми крышами колокольными ходили, всѣ мусоры голубинные разрыли, а нашли-же наконецъ того. И нашли-то гдѣ? Видѣли часовенку пониже базара? Лѣтъ тысячу небось, стоитъ, гнѣемъ и всякое непотребство въ ней безсовѣстнымъ народомъ дѣлается, а въ ней, въ мусорѣ, и нашли. И какъ только маленько, значить, обчистили, промыли, протерли и принесли въ этотъ несчастный домъ, дали дѣвочкѣ помолиться хорошенько на Него, приложиться къ Нему и на грудь къ себѣ взять, сразу-же дѣвочка заплакала, зарыдала, затряслась отъ великой радости — и на ноги поднялась. Вскочила, бросилась къ отцу-матери и кричить не своимъ голосомъ: «Милые мои родители, я теперь совсѣмъ здоровая! Зовите священниковъ, давайте молебень служить! Это Онъ самый и есть, — Спасъ Поруганый. Гляньте, что на Немъ написано!» — И что-жъ вы думаете? Вѣдь и это правда оказалось. Обернули и прочли: «Не годится на Него молиться, годится горшки накрывать. . .»

Ѣдемъ шагомъ, извозчикъ, рассказывая, сидитъ бокомъ и вертитъ цыгарку, глядя въ развернутый кيسетъ. Кончивъ рассказъ, онъ бормочетъ: «Прости, Гос-

поди, мое согрѣшеніе!» — и, закуривъ, смотритъ въ даль. Лѣтнія долгія сумерки, Ростовъ Великій давно спитъ. Вдали все еще брезжитъ свѣтъ зари, но городъ давно пустъ, безлюдень, — одинъ караульщикъ съ колотушкой въ рукѣ медленно бредетъ по длинной пыльной улицѣ. Тепло, тихо, грустно.

И несказанно прекрасны очертанія церкви надъ сумракомъ земли, на чуть зеленоватомъ далекомъ закатномъ небѣ.

Парижъ, 1926.

ОБУЗА

Послѣ ужина пили чай, жадно и торопливо просматривали газеты, только что привезенныя съ почты. Все то же, все та же жуткая чепуха! Потомъ всѣ постепенно разошлись спать. Остался одинъ и все читалъ, возмущаясь и волнуясь. Вдругъ случайно взглянулъ на окна: за переплетами старыхъ рамъ — красота старыхъ сосенъ и елей, романтическая путаница ихъ хвои, вѣтвей, сучьевъ и синее небо апрѣльской лунной ночи. Быстро всталъ, прошелъ въ лакейскую, взялъ картузь и палку, вышелъ на крыльцо: что за ночь!

Крыльцо и вся эта сторона дома въ лунной прозрачной тѣни, впереди — просторный свѣтлый дворъ и озаренныя стѣны и старыя крыши надворныхъ построекъ. Сбѣжалъ съ крыльца легко, молодо, повернулъ къ саду: ночь свѣжая, но сухая, полная луна стоитъ высоко, небо совершенно чисто. Вошелъ въ аллею — она еще голая, извилистыя короткія тѣни спокойно лежатъ на сухой землѣ, по которой такъ пріятно идти. Далеко насквозь виденъ голый садъ.

Изъ аллеи повернулъ на дорожку между кустами сирени и акацій: свѣтлая ночь сіяетъ въ уютѣ сада, надъ его полянами, на которыхъ стоятъ низкорослыя

старыя яблони, уже затвѣтшія. Луна смотритъ съ высоты прямо въ лицо. Вдали направо, во флигелѣ, уже много лѣтъ догнивающимъ въ саду безъ призора, свѣтится огонекъ. Иду на него.

Поднявшись на крылечко и отворивъ дверь изъ сѣней въ прихожую, не сразу понимаю, что это такое: адъ какой-то! Прихожая вся полна ѣдкаго дыму, въ дыму багрово коптитъ на столѣ лампочка, а изъ дымной печки красными языками вырывается пламя. Старикъ, сидя на полу на колѣняхъ, топить. Онъ энергично, съ сухимъ трескомъ, ломаетъ костлявыми руками бурьянъ, пихаетъ его въ печку, и огонь вмѣстѣ съ клубами дыма то и дѣло вышибаетъ назадъ.

Я хлопнулъ дверью, входя, я подхожу къ самой печкѣ, но старикъ или не слышитъ, или не хочетъ слышать. Онъ не оборачивается, ломаетъ, пихаетъ и глядитъ съ тѣмъ страннымъ вниманіемъ, съ которымъ люди всегда глядятъ на огонь. Онъ въ замызганномъ, ссохшемся отъ времени полущубчишкѣ и въ моей старой шляпѣ. Глаза у него отъ дыму красны, какъ раны, плачутъ, но онъ, не обращая на это вниманія, глядитъ. Лицо морщинистое, китайское, съ ошипанной сѣдой бородкой.

— Здравствуй, Ефремъ. Что-же не спишь, одинъ сидишь?

Онъ точно сразу просыпается и дико взглядываетъ на меня. Потомъ крѣпко, отрывисто:

— Какъ одинъ?

— Да какъ-же, всѣ давно спятъ, одинъ ты сидишь.

— Я не одинъ.

— А съ кѣмъ же?

— Съ Богомъ.

— А затопилъ почему?

— Почему! Легъ было, да холодно. Застылъ весь. Тебѣ хорошо въ теплыхъ хоромахъ.

— И трубу, вѣрно, не открылъ какъ слѣдуетъ — ишь сколько дыму напустилъ.

— Не достану я ее открыть, какъ слѣдуетъ. Открылъ какъ попало, затопилъ и сажу. . . Вотъ такъ и живу, ночь въ день оборачиваю. Да. Другіе померли, а меня земля забыла. Что-жъ дѣлать! Хочешь, не хочешь — живи!

— Это правда. А у тебя, вѣдь, кажется, и родныхъ никого нѣту?

— Захотѣлъ родныхъ!

— И дѣтей не было?

— Были, да сплыли. А жена — на кой она мнѣ лядь?

— Все вдвоемъ-то лучше.

— Съ лучкомъ! По могиламъ вдвоемъ не лежать.

— Такъ. Значить, плохо дѣло?

— Чужая печка холодна.

— А на свою не хочешь. Кто-жъ виновать? Вѣдь у тебя, говорятъ, свой домъ есть.

— Самъ же и виновать. Дома во сто разъ скучнѣе. Забота да обуза. Забота да скука, только и всего. . . А тутъ я какъ птица. Всталъ и ушелъ, только и всего.

Помолчавъ:

— Да и домъ то мой — одни чурки. И земли нѣту.

— Ну вотъ, теперь лучше, говорятъ, будетъ. Теперь революція. Слышалъ, небось?

— Какая еще такая революція?

— Такая, чтобы, значить, всѣмъ стало лучше.

— Никогда этого не будетъ.

— Какъ не будетъ? Вотъ тебѣ, напрымѣрь, земли дадутъ.

Онъ вдругъ бросилъ ломать и пихать, сѣлъ, отвалившись назадъ, на ноги, и, обернувшись ко мнѣ, заговорилъ уже яростно:

— Знаю. Ну, знаю, слышаль. Царя, говорятъ, смѣстили?

— Да, смѣстили. А что-жъ, развѣ плохо?

— Я этого не знаю. И знать не хочу. Одно нарушенье.

— Нарушенье чего?

— Всего. Черти, дураки! Жили легко, безъ заботы. А теперь, значить, обо всемъ голову ломай?

— Да вѣдь земли дадутъ.

— Обѣшшаютъ! Всего обѣшшаютъ! А мнѣ она, можетъ, безъ надобности? Спросили развѣ меня?

И, отвернувшись, опять сталъ смотрѣть на прогорающій огонь и, опять начавъ ломать бурьянъ, заговорилъ уже спокойнѣе, хотя все еще сердито:

— Мнѣ хорошаго нечего ждать. Мнѣ теперь, слава Богу, ничего не надо. А господъ нельзя безъ послѣдствія оставить. Ихъ тоже надо принять къ свѣдѣнію. Развѣ они умѣютъ работать? И рады бы, да не умѣютъ. А притѣснять сдуру нельзя. Говорятъ — они теперь сами пахать будутъ! На-поле, говорятъ, всѣхъ ихъ будемъ выгонять! Чего съ дурацкой головы не выдумаютъ? Какое это распоряженіе? Это что-жъ — чтобъ птица плавала, а рыба летала? Это, значить, притѣснять? Нѣтъ, тутъ хорошаго никогда не будетъ. Они, сволочь, измываться хочутъ. (Повышая голосъ): А мнѣ чего ее силкомъ навязывать? Мнѣ ихняя земля не нужна, это одна обуза. Моя земля (стуча пальцемъ

въ полѣ), моя земля вотъ гдѣ! Мнѣ теперь одна дорога. Мнѣ грѣхи надо отмаливать, на свободѣ жить. А то что это было? То молодой былъ, то, въ лѣта вошелъ, все погоди да успѣется, а теперь вотъ и силы нѣту, до церкви не дойду! Такъ-то и съ нимъ, съ оканымъ, будетъ.

— Съ кѣмъ?

— Со всякимъ.

И, нахмурившись, замолчалъ. Потомъ вдругъ опять повернулся и внезапно, со старческой милой улыбкой, сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— И умеръ бы, можетъ, да умереть-то — попу три рубля, да то да се. . .

И съ улыбкой, еще болѣе задрожавшей:

— А тамъ ну-ка спросятъ, отчего не пьяный померъ, безъ всякаго удовольствія. . .

— Значить, есть такой указъ, чтобы пьяному туда являться?

— А какъ же? Обязательно! Обязательно, чтобъ немножко замолаживало, повеселѣй, да пооткровеннѣе, въ однихъ порточкахъ!

И вдругъ опять разсердился и опять закричалъ:

— А про эти дѣла я ничего не знаю! Не знаю и знать не хочу!

Я долго смотрѣлъ на него. Онъ молчалъ, глядя въ огонь.

— Ну, до свиданья, — сказалъ я наконецъ. — Ложись спать, спокойной ночи.

— Налезусь еще въ землѣ, успѣется, — отрывисто бросилъ онъ, не поворачивая головы. — Иди, иди, прощай. . .

Я вышелъ и, опять черезъ садъ, пошелъ на гумно,
въ поле.

Далеко насквозь виденъ голый садъ.

Низко стоитъ и мистически-радостно смотритъ изъ-
за дальнихъ вѣковыхъ березъ, бѣлѣющихъ стволами
возлѣ вала, крупная зеленая звѣзда.

Приморскія Альпы, 1925.

ВЪ САДУ

Вечеромъ пріѣхалъ Иванъ Василичъ Чеботаревъ, липецкій мѣщанинъ, снявшій въ усадьбѣ садъ.

Это небольшой старичекъ въ тепломъ глубокомъ картузѣ и въ голубой, слинявшей отъ времени чуйкѣ («двадцать осьмой годъ съ плечъ не спускаю!»). Всегда горбится — наигралъ себѣ эту манеру въ какомъ-то большомъ соотвѣтствіи со всѣмъ своимъ характеромъ. Сколь старъ, опредѣлить невозможно: «я его такимъ споконъ вѣку помню», говорятъ про него въ Липецкѣ, но выносливъ, неутомимъ на рѣдкость и горбится вовсе не отъ старости, хотя и любитъ пожаловаться на нее и вообще на свои недуги. Наблюдательнень поразительно, жизненный опытъ имѣетъ громадный. Курчавится сѣрая жесткая борода, курчавы черно-сѣрыя брови и волосы на носу. Смотритъ чаще всего въ землю, взглядываетъ исподлобья. Въ живыхъ черныхъ глазахъ и въ губахъ постоянная снисходительная усмѣшка.

Мужикъ, привезшій его на барскій дворъ со станціи, неловко, нелѣпо остановилъ телѣгу какъ разъ посреди двора. Иванъ Василичъ легонько покрутилъ головой на его глупость, не безъ труда (или притворя-

ясь, что ему трудно) слѣзь, откинулъ полу чуйки, отвернулся и, еще больше сгорбившись, вытащилъ изъ кармана шароваръ очень большой и очень засаленный кошелекъ. Мужикъ тупо глядѣлъ на сѣрые волосы, курчавившіеся на его шеѣ. Онъ-же неспѣша отсчиталъ мѣдяками восемь гривенъ и, подумавъ, прибавилъ еще двѣ копѣйки, на могоарычъ:

— Держи, любезный. Съ прибавочкой за старанье.

Потомъ, запахнувшись, пошелъ, слегка шаркая, въ садъ, прошелъ по аллеѣ къ шалашу, къ караульщикамъ, которыхъ онъ прислалъ изъ-подъ Липецка еще въ концѣ мая:

— Здорово, братушки. Ради, не ради, принимайте хозяина.

Караульщики, умиленно улыбаясь, низко, подобострастно раскланялись:

— Милости просимъ, добраго здоровьица, Иванъ Василичъ. Въ аккуратъ къ самоварчику!

Самоварчикъ дымилъ по всей аллеѣ густымъ дымомъ и уже кипѣлъ. Иванъ Василичъ сѣлъ на лавку возлѣ шалаша, снялъ картузъ, положилъ его возлѣ себя, предварительно сдунувъ съ лавки, пригладилъ сѣрые курчавые волосы, оглянулся:

— Ну, какъ? Все въ порядкѣ?

— Пока плохого нѣту, Иванъ Василичъ. Караулимъ, стараемся. . .

Чай подали ему (тоже осторожно, почтительно) въ толстой чашкѣ съ синими разводами, сахаръ въ жестянкѣ изъ-подъ килекъ. Онъ выпилъ двѣ чашки и сталъ вертѣть цыгарку, усмѣхаясь и глядя въ землю.

— Ну, и слава Богу, что пока все хорошо, — сказалъ онъ, закуривая и распространяя сладкій запахъ

«отборной» махорки. — Ну, и слава Создателю... А я, братушки, къ вамъ денька на два вырвался. Приѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ на душѣ. У васъ тутъ рай. А у меня — избавь Богъ. Въ домѣ ремонтъ, со штукатурками скандалъ безконечный... несроднаго я характеру съ нынѣшнимъ народомъ! Ни совѣсти, ни чести, хоть плюй въ глаза, все Божья роса. Въ головѣ одинъ обманъ да орленый штофъ. А сами живемъ, какъ цыгане, сбились всей семьей въ одной горницѣ, а я этого не могу. На столѣ весь день русская картина: самоваръ не убранъ, возлѣ самовара тарелка съ заваренной горчицей. Бабушка третъ ее щербатой ложкой и, понятно, въ три ручья плачетъ отъ ней. Ухъ, говоритъ, и крѣпка же будетъ! А на кой лядъ мнѣ эта крѣпость, съ похмелья я что-ли, позвольте спросить? А подъ ногами, на полу, внуки, куча поганыхъ игрушекъ. А жена насѣдкой квохчетъ, все больна чѣмъ-то, а дочь скучаетъ, Божій свѣтъ не миль, а почему — неизвѣстно: горе отъ ума Грибоѣдова, видимое дѣло. А я этого не могу, я человекъ эластичный, у меня отъ этого шумъ въ ухахъ дѣлается.

— Ужъ чего хуже! — сочувственно подтвердили караульщики. — Отъ этого шума, говорятъ, вошь на человека кидается.

Иванъ Василичъ помолчалъ; потомъ поднялся и пошелъ за шалашъ.

— Вошь, не вошь, а не радость, — сказалъ онъ, возвращаясь оттуда, поплеывая на кончики пальцевъ и опять садясь. — За весь день ни покоя тебѣ, ни удовольствія. А ночью сны одоѣваютъ и, что ни увидишь, все будто, по бабушкѣ, не къ добру выходить: я, моль, нынче во снѣ лилицу видѣлъ, а она и привя-

жется: охъ, не хорошо, охъ, это къ обману, къ непріятности. А позвольте спросить, что у нея къ пріятности? Я, говоритъ, въ сонникъ читала: видѣть во снѣ автомата къ неблагополучію. Но позвольте, бабушка, при чемъ тутъ абтоматъ? А вотъ при томъ-то, говоритъ. Да, но никакого автомата я не видалъ да и гдѣ. они, эти автоматы, у насъ въ Липецкѣ? Все равно, говоритъ. И пойдетъ строчить: видѣть во снѣ ельникъ — къ непріятности, очки надѣвать — къ непріятности, сидѣть подъ балдахиномъ — къ горести, пить теплую воду — къ печали, пить деревянное масло — къ смерти, ѣсть блины — къ смерти, ѣсть воронье мясо — къ пожару, ѣсть драчену — къ разлукѣ, брить бороду — къ убытку, пѣть томнымъ голосомъ — къ зубной боли, еврея видѣть — къ вредному знакомству. . . Одно слово, гитай моя голова!

И онъ даже легонько рукой махнулъ.

— Выходить, по ее, что одно хорошо: видѣть во снѣ, что декохтъ пьешь, — это будто къ успѣху. А съ прислугой какая мука? — Нанялъ дѣвку: такъ не то что сготовить, — свиньямъ дерьма съ хоботьемъ не замѣситъ и опять же какъ профанъ глупа. Морда сиськой, сама какъ мясопотамъ какой. А тутъ еще соѣдъ тронулся — лавочникъ Шуриновъ, знаете, небось?

— Какъ не знать, — сказали караульщики. — Съ чего-жъ это онъ? По его достатку только жить бы да жить!

— А вотъ подите-жъ, — сказала Иванъ Василичъ. — Въ отдѣлку спятилъ. Какъ ни заглянешь — сидитъ за прилавкомъ въ жилеткѣ, голову на руку пристроилъ и читаетъ. На стѣнѣ картину прибилъ: лѣсъ зе-

лennyй, дремучій, ели лохматыя, избушка подъ ними, а на лавочкѣ подъ ней угодникъ, а передъ угодникомъ — медвѣдь, ручку ему лижетъ. Ой, говорю, Николай Иванычъ, зачитаешься — въ карманѣ не досчитаешься, печалиться — хвостъ замочалится. А онъ въ отвѣтъ на это чуть не въ слезы: эхъ, Иванъ Василичъ, не объ карманѣ, говоритъ, намъ съ вами думать надобно. — А объ чемъ-же, моль? — А объ томъ, говоритъ, что нонче ты съ друзьями, а завтра съ червями, нынче въ порфирѣ, а завтра въ могилѣ: жизнь наша яко цвѣтъ травный мимо идетъ. Что такое, къ примѣру, вампиръ впивающій? А между тѣмъ это есть смерть. Вотъ, говоритъ, гляньте, что тутъ написано: «Горе тебе, человѣче, прошли дни твоей юности въ неразуміи, а также и лѣта мужества протекъ ты въ нерадѣніи. Видишь-ли, какой я есть страшный могильный скелетъ? Но я былъ нѣкогда, какъ ты теперъ, и, подобно тебѣ же, расширялъ свои владѣнія, пока непреклонная смерть не заключила меня въ свои желѣзные объятія. Зри мѣсто вѣчнаго покоя, жилище тихое мертвецовъ, для гражданина и героя, для всѣхъ адамовыхъ сыновъ!»

— Понимаете, — сказала Иванъ Василичъ, поднимая голову: — любому Филърету не уступить, а на самого глянешь — даже жуть беретъ: ну, прямо буйволь дикій, а не человѣкъ! — Ахъ, не ладна наша земля, братушки, — сказала онъ, крутя головой. Сумасходный мы народъ, съ жиру бѣсимся. Теперъ, говорятъ, его ужъ подъ опеку хотятъ взять, да въ Тамбовъ въ желтый домъ наладить. Да и что-жъ съ нимъ иначе дѣлать? Теперъ, говорятъ, одно твердить: амигдалъ да онагръ, велбудъ да тля, скимень да вретти-

ще. . . А чего ему не доставало, чѣмъ онъ недоволенъ? И всѣ мы вотъ такъ-то: все не по нашему, все не хорошо да недостаточно. Амигдалъ! Бѣду давеча по селу со станціи, а впереди — здо-оровый болванъ: рубаха распояской, голова взлохмачена, разодралъ гармонью на три версты и оретъ на всю округу: «Охъ, разорю усе имѣнье, самъ заруюсь у камня!» — Шутки шутками, а, видимо, не спроста мы такъ-то шутимъ: дошутимся!

— Ну, а что-жъ въ городѣ говорятъ? — спросилъ одинъ изъ караульщикова. — Когда-жъ эта война кончится? Правда, будто и французскій царь на нашего колебается?

— Этого не слыхалъ, — сказалъ Иванъ Василичъ. — Врать не хочу. Этого не слыхалъ. Да тамъ, говорятъ, и царя-то никакого нѣту. Опять же они и союзники наши, эти самые французы. Правда, поумнѣе насъ чуточку будутъ, — все норовятъ подъ нѣмца не свою, а нашу дурацкую башку подставить, молъ, помри ты нынче, а я завтра, ну, а все таки союзники.

— Колебайся, не колебайся, — съ притворной развязностью и, видимо, желая угодить Ивану Василичу, сказалъ другой караульщикъ: — колебайся, не колебайся, все равно имъ, этимъ царямъ, теперь шабашъ. Куда-жъ имъ противъ нашего, противъ нашей державы? Вонъ вчера приходилъ одинъ какой-то сволочь со станціи, — я, говоритъ, по своимъ дѣламъ мимо васъ въ Ростовъ пробираюсь. . . А послѣ того и зачалъ меня настрачивать: будто царица у насъ очень больна, а больна потому, что ей Вильгельма очень жалко, и будто завелся тамъ какой-то мужикъ, страшный распутный будто-бы. . . Ну, завелся и завелся,

говору, — на здоровье. Да народъ, говоритъ, изъ-за этого очень волнуется. Опять брешешь, говорю, это, можетъ, господа волнуются, а мнѣ чего волноваться? Намъ это даже лестно очень. Да и послалъ его куда подалѣ, гдѣ онъ у матери былъ, и балакать съ нимъ больше не сталъ. Не можетъ того быть, чтобы наша не взяла!

— Не знаю, не знаю, — сказалъ Иванъ Василичъ, глядя въ землю. — Не знаю, а вѣрить не вѣрю. Вѣрю, какъ говорится, только звѣрю, собакѣ да ежу, а прочему погожу. Думаю, что наврядъ, братушки, наврядъ наше возьметъ. Побѣдить одинъ тотъ, у кого невры хорошіе. А нашъ братъ что? Спервоначалу ухъ какъ горячо беремъ, а потомъ и въ кусты, ну его, моль, къ чорту, надоѣло. Это какъ горшокъ базарный, изъ паршивой глины: нагрѣвается въ одинъ секундъ, да въ одинъ секундъ и стынетъ. — Нѣтъ, ихній солдатъ съ соображеніемъ, со смекалкой. У него въ ранцѣ карты, планы всякіе, прейскуранты, какіе надо, и фляжка съ ромомъ, — онъ знаетъ, по какой мѣстности идетъ! А, главное, онъ обо всемъ разсудить можетъ и про отечество понимаетъ, а у нашего что въ головѣ? У нашего въ головѣ мухи кипятъ и настрочить его на всякій скандалъ трынки не стоитъ. — Нѣтъ, мы не можемъ, — рѣшительно сказалъ Иванъ Василичъ. — И никакого согласья у насъ нѣтъ и отроду не было. Я вонъ нынче пріѣхалъ на вокзалъ, а тамъ безобразіе. Станціи начальникъ кричитъ и пассажиръ кричитъ. Тотъ ему: «Да вы кто такой, позвольте спросить? Можете вы тутъ кричать?» А пассажиръ на него: «А я васъ въ свою очередь прошу не кричать! Я — грузоотправитель!» — Ну, думаю, и вышелъ дуракъ. Подума-

ешь, чинъ какой: я грузоотправитель, я васъ въ свою очередь прошу! А какая такая очередь? Спроси его, что это значить, а онъ и самъ не понимаетъ. — Нѣтъ, — сказалъ Иванъ Василичъ, поднимаясь: — бытъ у насъ большому чорту въ стулѣ!

— Это обязательно, — подтвердили караульщики въ одинъ голосъ. — Такая поидеть, что праху не останется!

— Ну, значить, и давайте, пока что, на боковую, — сказалъ Иванъ Василичъ. — Сбѣгайте-ка на барское гумно, украдьте соломки, да постелите мнѣ въ салашу помягче, пожалѣйте хозяйскую старость...

Приморскія Альпы, 1926.

БОЖЬЕ ДРЕВО

14 іюня.

Садъ въ нынѣшнемъ году снялъ у насъ мѣщанинъ Богомоловъ. Стеречь его прислалъ своего земляка, од-
нодворца изъ-подъ Козлова.

Явился этотъ однодворецъ въ усадьбу и поселился въ шалашѣ въ главной аллеѣ какъ-то совсѣмъ незамѣтно. Мы узнали о его существованіи только вчера. Пошли гулять, вошли въ аллею и видимъ, что подъ липой противъ шалаша дымится костерчикъ, а на него стоитъ смотреть какой-то мужикъ. Подходимъ ближе — мужикъ шутиливо, съ усмѣшкой опускаетъ руки по швамъ, вытягивается:

— Господамъ дворянамъ почтеніе!

Мы пріостановились:

— Добраго здоровья. Караульщикъ?

Онъ снялъ шапку и уже безъ всякой шутиливости, низко, истово поклонился:

— Такъ точно. Буду караулить, вамъ и хозяину угожать.

— Такъ. . . Надѣвай шапку-то.

— Ничего, и безъ шапки постоимъ. Богъ лѣсу, и то не сравниль.

— А откуда ты и какъ величать тебя?

— Козловскій однодворецъ, Знаменской волости, сельца Прилѣпы. А звали Яковомъ. Яковъ Демидычъ Нечаевъ.

И все такъ ладно, бодро. Что однодворецъ, сразу замѣтно — по говору. Возраста неопредѣленнаго, — лѣтъ подъ пятьдесятъ, должно быть, хотя можно дать и меньше, — наружности довольно обычной, но чѣмъ-то очень пріятной. Посконная рубаха, такіе же портки, на ногахъ лапти, — все не новое, поношенное, но опрятное. Глаза живые, немного насмѣшливые и прищуренные, умудренные наблюдательностью и житейскимъ опытомъ, въ соотвѣтствіи съ небольшою кое-гдѣ сѣдьющей бородой, которая еще курчавится и, видно, была когда-то черной. Но въ звукѣ грудного голоса и во всей повадкѣ есть въ то же время что-то молодое, простодушное. Представившись, надѣлъ шапку и опять усмѣхнулся:

— Вотъ чаекъ сабѣ налаживаю. Самоварчикя, признаться, нѣту, да эта одна баловство, и изъ чугуничка попьемъ. . .

Мы заглянули въ шалашъ, — тамъ, конечно, все какъ полагается: красная подушка и затертый, ссохшійся отъ старости полушубокъ на соломѣ, ржавая одностволка въ уголкѣ, обрубокъ широкаго пня при входѣ, а на немъ горбушка чернаго хлѣба, толстая чайная чашка, самодѣльный ножичекъ. . .

— Домокъ, какъ у зайца тяремокъ, — еще разъ пошутилъ онъ. — Милости просимъ гостями быть. . .

Въ саду было сумрачно отъ тучъ, съ поля дулъ мягкій вѣтеръ. Мы взглянули сквозь листву на небо:

— А какъ думаешь, будетъ дождь?

Онъ, прищуриваясь, тоже поднялъ лицо кверху:

— Кабыть такъ. Маяго кобелька нынче что-й-то весь день не видать, весь день на гумнѣ мышкуя. А это ужъ обязательно къ дожджу, она, мышъ-крыса усякая, передъ дождемъ сильнѣй пахня. Ну, що жъ, и помоча маленько, авось не сахарные, не растаемъ. . .

Говоръ старинный, косолапый, крупный. Онъ говоритъ: що, каго, яго, маяго, табѣ, сабѣ, таперъ, но все какъ-то такъ, что слушать его большое удовольствіе.

Когда мы отошли и пошли по аллеѣ дальше, онъ сталъ собирать въ травѣ сухую листву и сучки и, подбрасывая ихъ въ огонь, сталъ негромко напѣвать (вѣрнѣе, приговаривать):

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка,
Гдѣ жъ ты бывала,
Гдѣ жъ ты лятала?

Мы невольно засмѣялись — такъ ловко у него это выходило — и опять пріостановились:

— Какъ, какъ?

— А вы развѣ ня знаятъ? — отвѣтилъ онъ, тоже засмѣявшись. И тотчасъ же безъ всякаго смущенія, съ видимой охотой, слегка поднялъ свой грудной голосъ:

Гдѣ жъ ты бывала?
Гдѣ жъ ты лятала?

И сталь пошевелевать плечами, покачивать головой:

Нихто совушку ня зналъ,
Нихто еѣ не спозналъ,
Спознали два луня,
Спознали два друга:
— Ты привѣтъ меня, луня,
Поди замужъ за меня!

— А она, значить, не желаетъ, не хочетъ, — сказалъ онъ, смѣясь, и опять запѣлъ шутивно и жалостно:

А она не хоча
Да какъ захохоча!
Назадъ сторонилась,
У лѣсъ завалилась —
Кверху ногою,
Объ пень головою...
Ахъ, что жъ это въ лѣсѣ?
Каго это бѣся?

15 іюня.

Погода все хмурится, отъ скуки ѣздили въ Осинные Дворы, за коноваломъ. Передъ вечеромъ опять пошли въ аллею, къ шалашу. Посидѣли, поговорили съ Яковомъ. Спрашиваемъ:

— А ты, значить, куришь, Яковъ Демидычъ?

— Я-то? — сказалъ онъ. — А я все могу. Могу

курить, могу и цѣльный годъ такъ ходить. Мая душа прямая, все прямая, и медь, и тотъ преть. На гулянкахъ и покурить не плохо.

— А на счетъ водочки какъ?

— А я человекъ мірской. Що Илья, то и я, що Евсей, то и всѣ. Кто жъ отъ неѣ откажется? Не пьютъ на небеси, а тутъ кому ни поднеси. Зашель такъ-то праздникъ престольный — отчего жъ нямножко не погулять, не потратиться? Я ня жадный, я добродушный. Ихъ, денегъ, жалѣтъ нечего. Понурая голова и съ рублемъ пропадетъ!

Потомъ поговорили о томъ, что и какъ, надо полагать, уродится нынѣшнимъ лѣтомъ въ саду, въ полѣ. Онъ съ удовольствіемъ поддерживаетъ всякій разговоръ. Очень словоохотливъ, однако, не болтливъ. Главная черта его, кажется, заключается въ неизмѣнно ровномъ и отличномъ расположеніи духа. То и дѣло съ неподражаемой легкостью и пріятностью надо всѣмъ подшучиваетъ, подтруниваетъ. Между прочимъ, спросилъ:

— А вы що жъ, господа, только лѣто тутъ, а то все въ Москвѣ?

И сталъ трунить надъ Москвой, надъ воображаемыми московскими бѣлоручками, щеголями — и рассказалъ цѣлую исторію о томъ, какъ будто бы пріѣхалъ однажды въ деревню нѣкій московскій «обуватель», то-есть обыватель, какъ онъ ничего не ѣлъ, не пилъ, брезгуя всѣмъ деревенскимъ, и какъ неудачно сходилъ онъ за нуждой за избу: сѣлъ тамъ да такъ замечтался о московскихъ кушаньяхъ, что собаки ему «причинное мѣсто» оторвали:

— Онъ какъ вскоча: ахъ, що жъ мнѣ, моль, таперь дѣлать, да за ними, — не успѣлъ и штановъ подхватить, — а онѣ по деревнѣ да прямо въ народъ, на улицу, а тамъ дѣвокъ цѣлый карогодъ. . .

Началь разсказъ шутя, отрывисто, но тотчасъ сталъ увлекаться, глаза, брови заиграли, быстро мѣняя выраженіе, изображая то мужиковъ, то чваннаго москвича, то подкрадывающихся къ нему собакъ, а потомъ вдругъ вскрикнулъ, какъ бы отъ внезапной боли, подскочилъ, ударилъ себя по ляжкамъ, затопалъ лаптями, — бросился, значить бѣжать, — и согнулся, повалился впередъ, хохоча вмѣстѣ съ воображаемыми дѣвками:

— Ахъ, батюшки, да що жъ это такое, вотъ срамъ-то, дѣвки!

— А ты былъ когда-нибудь въ Москвѣ? — спросили мы.

— А на що она мнѣ? — сказалъ онъ съ веселой небрежностью. — Мы люди простые, черные. Тамъ, говорятъ, нажива одна, людодерство, всѣ норовять другъ надъ другомъ поверхность одержать, другъ у друга что ни есть ухамить. . . А вы, я слышалъ, на степь ѣздили?

— Да, — отвѣтили мы. — Да это только такъ говорится степь, а это просто ровная мѣстность. У насъ настоящихъ степей нѣту.

— Это правда, у васъ тутъ буераковъ много, — сказалъ онъ. — А вотъ какъ выѣдешь за Елецъ, за Задонскъ, прямо душа радуется, конца краю этой степи не видать, до самага синя-моря идетъ, до Нагая. И чего только нѣту тамъ! И овсы, и ячменя, и твяты (цвѣты) усякіе, и ковыль бѣлый, сѣдатый. . .

Я такъ полагаю, лучше нашей державы во всемъ свѣтъ нѣту!

Потомъ онъ разсказалъ, гдѣ, въ какихъ «странахъ» онъ бывалъ — «за самый Царицынъ подавался», — какіе «народности» видѣлъ, и я все дивился, сколько употребляетъ онъ словъ старинныхъ, древнихъ даже, почти всѣми забытыхъ: изнугряться вмѣсто издѣваться, ухамить вмѣсто урвать, варяжить вмѣсто торговать, огонь «взгнетать» вмѣсто зажигать. . . Нагайцевъ онъ назвалъ кумане, — древнее названіе половцевъ, — конину маханиной. Формы у него тоже свои: «Онъ неладно думалъ объ мужиковъ», сказалъ онъ, напримѣръ, про москвича. А про своего кобелька такъ: — Онъ любитъ воятъ въ темныя ночи.

16 іюня.

Нынче жарко, парить, на дворѣ тепло пахнетъ разогрѣтой муравой, изъ-за ярко зеленыхъ вершинъ сада ослѣпительно бѣлѣютъ великолѣпно круглящіяся облака.

Передъ завтракомъ вышелъ пройтись, иду по аллеѣ, слушая птицъ, на всѣ лады заливающихся въ солнечномъ саду, а впереди Яковъ: тащитъ къ шалашу тяжелое ведро, изъ котораго точно серебряными рыбами выплескивается порой вода, и внизъ по его рубакѣ и порткамъ течетъ пестрая, радостная свѣтъ свѣта и тѣни. Голова опущена, шапка съ затылка сдвинута на лобъ. Догналъ, шутя спрашиваю:

— Что, Яковъ Демидычъ, не весель?

Живо поднялъ голову, глаза тотчасъ заиграли:

— Чѣмъ не весель?

— Да какъ же, — шапка на лобъ, идешь грустный.

— Чѣмъ грузный?

— Да не грузный, а грустный, скучный.

— Скучный? Никакъ нѣтъ. По чемъ мнѣ скучать?

Скучать не годится. День меркнетъ ночью, человекъ печалью. А мнѣ скучать не по чемъ, я завсегда довольный. Вотъ добылъ водицы въ людской избѣ, сейчасъ кашку сабѣ совостожу. . . Я люблю по садамъ сидѣть, люблю, когда вѣтвей много, а у васъ этого вволю, садъ отмѣнный. У васъ тутъ благодать, мнѣ тутъ скучать нечего. Кобель, какъ говорится, жретъ мѣсиво, а и то живетъ весело. А я хрещеный человекъ. — Я, господа хорошіе, — сказалъ онъ уже совсѣмъ твердо, сдвинувъ свободной рукой шапку со лба назадъ и взглянувъ прямо въ лицо мнѣ своими прищуренными бодрыми глазами, — я живу, какъ Богъ велитъ, я, какъ говорится, Божье древо: куда вѣтеръ, туда и она. . .

Я свернулъ за шалашомъ въ солнечную аллею изъ акатника. Облака бѣлоснѣжными зевоподобными главами вставали изъ-за столѣтнихъ березъ на валу, за ложиной все великолѣпнѣе. На припекѣ горячо и сладко пахли травы, цвѣты, крапива. Въ фруктовомъ саду, съ блаженной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флейтовые переливы иволга. . . Отчего такъ особенно прекрасно все старинное, старыя березы, на примѣръ? И я сталъ думать о жизни нашихъ дѣдушекъ, бабушекъ, которая кажется мнѣ всегда такой счастливой. Пройдя аллею, я пошелъ назадъ и опять вернулся къ шалашу. И что же, какъ нарочно услыхалъ? Яковъ, спиной ко мнѣ, сидѣлъ на коряч-

какъ передъ земляной печуркой, которую онъ уже вырылъ подъ липой противъ шалаша, ставилъ въ ярко-оранжевый огонь, распаленный въ ней, чугуничикъ съ водой и опять пѣлъ, — вполголоса, нѣжно и жалобно:

Мой стонъ и грусти люты
Вообрази сабѣ
И вспомни тѣ минуты,
Какъ былъ я любъ табѣ. . .

И, приподнявшись, разогнулся и ладно топнулъ лаптями:

Ахъ, сыпья, горохъ,
На двѣнадцать дорогъ,
Когда буду помирать,
Тогда буду подбирать!

— Яковъ Демидычъ, — сказалъ я, подходя, — гдѣ ты могъ эту пѣсню слышать?

— Какую? — спросилъ онъ, оборачиваясь.

— А вотъ эту, про стонъ и грусти люты? Теперь такихъ пѣсенъ не поютъ, эта пѣсня старинная и къ тому же господская.

— Это правда, — отвѣтилъ онъ, — эта пѣсня томная. Но только я такихъ много знаю. Могу эту сыграть: «Я не помню въ оный часъ твоея досады», а еще «Отъ несклонности твоей духъ во мнѣ метется», а еще «Мнѣ припятства ни по чемъ, не спасусь любви. . .» Могу и про дѣвокъ: «Естьли дѣвки всѣ метрессы, бросимъ мудрости и мы. . .» Вѣдь мы, однодворцы, въ старыя времена тоже, бають, господа были. Надъ нами

барскіе и теперь еще смѣются: ты, молъ, галманъ, чьихъ господъ баринъ?

— Кстати, — сказалъ я, — что жъ ты до сихъ поръ ничего не рассказалъ намъ про себя? Есть ли у тебя семья, дворъ, свое хозяйство. что ты зимой дѣлаешь?

— Да вѣдь вы меня про то не спрашивали, — отвѣтилъ онъ. — А самъ я не насмѣлился. А ну-ка вамъ это безо всякой надобности? А семьи у меня нѣту, первая жана померла давно, а другая ушла, не пожела лала со мной жить, соскучилась, значить. А сыновья, какіе остались, одинъ въ солдатахъ, а другой во дворъ пошелъ, сапожничаетъ, гѣяница и дуракъ, по совѣсти сказать, какихъ мало. . . Пойдите-ка, васъ никакъ къ столу кличутъ?

— Ну, видно, до вечера, — сказалъ я и пошелъ въ домъ.

Божье древо — это очень не плохо сказано.

17 іюня.

Жить, говорить Яковъ, надо такъ, какъ жили дѣды, прадѣды. Новшество, однако, не отвергаетъ:

— Вотъ, скажемъ, таперь все молотилки пошли. Что жъ, это не беда. Бывалыча, какъ станемъ гужомъ, въ двадцать цѣповъ, да какъ вдаримъ вразъ — заслушаешься, до чего ладно выговаривая! Ну, а въ сырую погоду, знамо дѣло, молотилка куда удобнѣй.

Царя ни въ чемъ дурномъ не винить:

— Министры виноваты. Вродѣ какъ господскіе бурмистры въ прежнее время. . .

Богатымъ онъ не желалъ бы быть: объѣшься, обопьешься, будешь по перинамъ валяться, а пухъ человѣку вреденъ, имѣеть будто бы свойство «притягивать». Но жить въ достаткѣ, конечно, не прочь бы.

Смерти не боится, — по крайней мѣрѣ утверждаетъ такъ. Сказалъ съ нарочитой развязностью:

— Вона, чаго еѣ бояться! Все равно, никто жалѣть не будя. Лѣсь по дереву не тужить!

Бесѣдуя, онъ все время пристально работалъ: дѣлалъ себѣ лозниковую дудку, я, говорить, люблю эти дудки и жилейки, буду вамъ играть «Во лузяхъ», лучше этой пѣсни во всемъ свѣтѣ нѣту: «Расцвѣли цвѣты лазоревые, понеслись духи малиновые. . .»

Пишу въ библиотекѣ. Окна въ садъ открыты, подоконники горять на солнцѣ. На подоконникахъ насыпаны и сохнутъ, сладко пахнутъ лепестки розъ. Въ саду — радость, зелень, птицы, прекрасное лѣтнее утро. И все время съ удовольствіемъ вспоминается присутствіе въ усадьбѣ этого милаго человѣка.

18 іюня.

Ѣдемъ въ Субботино, на станцію, встрѣчать городскихъ гостей.

Собираться запрягать стали тотчасъ послѣ завтрака, хотя поѣздъ приходитъ четверть пятого. Впрочемъ, запрягали, какъ всегда, часа два: покуда тарантасъ выкатили изъ каретнаго, покуда его подмазали, покуда сбрую собрали, покуда лошадей вычистили и наполнили. . .

Я, принарядившись, вышелъ изъ дому и пошелъ по-смотреть, исправно-ли переднее колесо, которое уже два раза посылали къ кузнецу. Опять чудесный, праздничный какой-то день. Зной, блескъ, потомъ это дѣтское удовольствіе при мысли о поѣздкѣ. Тарангасъ уже весь такой горячій, что прикоснуться нельзя, лакированныя крылья зеркально сіяютъ, нагрѣтая кожа фартука пахнетъ необыкновенно пріятно... Яковъ съ узелкомъ подъ мышкой и съ валькомъ въ рукѣ шелъ черезъ дворъ къ воротамъ.

— Ай въ городъ? — спросилъ онъ, съ усмѣшкой шурясь отъ солнца и пріостанавливаясь. — Вотъ иду на рѣчку по своему вдовьему дѣлу, постирушечка есть кое какая... А вы въ городъ? Что жъ вы въ такой варъ, въ самую жару средидневную? — сказалъ онъ, испытывая, видимо, большое удовольствіе отъ этой жары и обилія свѣта.

Я отвѣтилъ, что ѣдемъ гостей встрѣчать, на станцію.

Онъ засмѣялся:

— Ну, это еще вволю на станціи насидитесь! Она безпремѣнно опоздаетъ, машина-то. Вѣдь она какъ идетъ? Я такъ-то, когда ѣду по ней, захочу за нуждой сходить, соскочу, посижу сколько надо да еще земляники наѣмся и опять ее догоню... А гостечки, это ничего, хорошо. Я, преждее время, это любилъ, — погостѣвать, попировать у хорошаго сосѣда. У насъ въ старину село богатая была, сходка, бывало, соберется — все тузья, бояре, угошшали радушно, на полный ротъ. Бывало, не выдерешься съ этого пиру, бесѣды: только поднялся, — ну, молъ, спасибо, сосѣдушка, сладокъ медъ, да не по двѣ ложки въ ротъ, ко двору пора! —

опять силкомъ на лавку валять: стой, свать, давай хоть еще по единой, по стремянной выпьемъ!

— Это что же за стремянная такая? — насмѣшливо спросилъ Илюшка, подходя къ тарантасу съ дугой.

— Вотъ и вышелъ Иванъ, — сказалъ Яковъ. — Какъ же ты не знаешь? Это, значить, по самой послѣдней, когда ужъ въ стремя становишься, ко двору ѣдешь. Это вѣдь у васъ, у барскихъ, бѣднаго на пиру обносятъ, ложкой кормятъ, стебломъ глаза колятъ, каждый стаканчикъ считаютъ. . .

19 іюня.

Погоду сглазили, нынче весь день льеть.

Началось еще со вчерашняго вечера. Мы, по счастью, вернулись во время, къ ужину (проѣздивши даромъ, такъ какъ гости обманули). Но едва вошли въ домъ, какъ понесло такимъ вихремъ, что свѣту Божьяго не стало видно. Весь вечеръ бушевалъ настоящій ураганъ, молніи, удары, ливень были ужасные. Я любовался грозой, сидя въ темной библіотекѣ, поминутно оглушаемый громомъ и ослѣпляемый какимъ-то жестянымъ зелено-бѣлымъ пламенемъ, до неправдоподобія свѣтло озарявшимъ комнату, вслѣдъ за которымъ мелькалъ фіолетовый отблескъ, а потомъ заливало чернильнымъ мракомъ. Къ десяти стало понемногу стихать, громъ сталъ отходить, раскатываться все дальше, небо надъ садомъ расчистилось, въ комнату посвѣтлѣло отъ мѣсяца, показавшагося изъ-за сада, изъ-за его мокрыхъ мотающихся вѣтвей. Мѣсяцъ былъ странный — совсѣмъ оранжевый. Въ небѣ надъ нимъ

быстро неслись лиловатымъ дымомъ остатки тучъ. Я заснулъ при открытыхъ окнахъ, съ надеждой на чудесную погоду, — такъ сладко успокоилось все къ полночи и такъ мирно, счастливо щелкалъ соловей въ таинственно-тихомъ саду. Однако, нынче опять льетъ, шумить по крышѣ съ самага утра.

Послѣ вечерняго чаю надѣли длинные сапоги, накинули резиновые плащи и пошли въ шалашъ. Это у насъ уже входитъ въ привычку, да и некуда больше пойти. Аллея размыта, закидана оборванной листвою, сучьями, всюду все пересыщено водою, — трава, земля, зелень деревьевъ, черная солома шалаша. Дождь теплый, но все же не на столько, чтобы сидѣть въ одной рубахѣ. Однако, Яковъ сидѣлъ на сыромъ вѣтру, дувшемъ въ шалашъ, именно такъ, — безъ полушубка и безъ шапки. Пристроившись на своемъ пнѣ, положивъ нога на ногу и приподнявъ правое колѣно, онъ чинилъ себѣ рубаху, неловко, но смѣло дѣйствуя огромной, такъ называемой цыганской иглой. Увидѣвъ насъ, поднялъ голову:

— Вона, какъ нарядились! Ай въ Задонскъ собрались? Жидки вы, господа дворяне, на расправу! А дожжокъ, правда, словно нанялся, прости Господи. Мой кобелекъ и тотъ не вытерпѣлъ: забился въ сарай, весь день почиваетъ. То, бывало, не докличешься, а нонче и Аниска не мила.

— Какая Аниска?

— А ваша, стряпухина. Онъ съ ней такъ сдружился, часу не можетъ безъ ней быть. Набѣгаются, накаются по двору — и подъ водовозку, либо подъ крыльцо: обнимутся и спать, какъ братъ съ сестрой, даже глядѣтъ умильно.

— Умильно-то умильно, — сказали мы, — а вотъ какъ ты ухитрился ночевать тутъ прошлую ночь? Смотри-ка, что у тебя въ шалашѣ, — во всѣ дыры течетъ. Надо сказать работникамъ перекрытъ его, какъ опогодится.

— Нѣтъ, я ночеваль смирно, — отвѣтилъ Яковъ. — Она протекать-то какъ слѣдуетъ стало только нонче. А дожжокъ, это для хлѣбовъ теперъ первое дѣло. Я люблю всякую погоду. Все хорошо, все славу Богу. Вы вчера поѣхали, а я думаю: ой, прихватить моихъ господъ къ вечеру! Ну, и правда, и грозу же разыгралъ Господь! Какъ полыхнетъ, полыхнетъ — хотъ деньги считай. На селѣ, говорятъ, избу зажгло, у сотскаго двухъ ребятъ убило, у князя въ саду самое толстолѣтнее древо повалило. . .

— Ну, вотъ, а ты говоришь, все хорошо, — сказали мы.

— А какъ же быть-то? — возразилъ онъ. — Убило — значить, не подвертывайся. Что, значить, кому назначено, всякому свой жребій, на это обижаться нельзя. Богъ и колосевъ не сравнялъ. Одинъ дуракъ, другой умный, одинъ богатый, другой побирушка, онъ померъ нонче, а я завтра. . .

Потомъ, пристально и съ удовольствіемъ слѣдя за своей работой, поднимая рубаху на свѣтъ и оглядывая, не протерто-ли еще гдѣ, сталъ рассказывать про себя, про свой жребій:

— У насъ дворъ въ старину знаменитый былъ. Да знамо дѣло — стали дѣлиться, ну и изничтожились. Мнѣ земли пришлось всего полторы десятины. Да что жъ, я не жадный. Я своей скудости не стыжусь: чѣмъ дѣвченка виновата, что юпченка маловата? Одна бѣ-

да — дѣтей много было. Жанили рано, а она и наваяла мнѣ ихъ — баба, правда, отмѣнная была. Я съ ней осемнадцать годовъ отжилъ и девять человекъ наплодилъ.

— Значить, любишь это дѣло? — пошутили мы.

Онъ тотчасъ же, въ угоду намъ, подхватилъ шутку:

— Бабь-то? А кто жъ ихъ не любить? Да я и теперь не откажусь, подавай какую хочешь. При старости при такой не гребують никакой, у чужомъ у краю и съ рябой какъ въ раю. Вонъ, бьютъ, господа какія-то ярусныя капли пьютъ, чтобъ, значить, яровитѣй быть, а я и безъ нихъ, какъ дорвусь, въ рукавицахъ не отгащишь: старая кобыла борозды не испортитъ! А дѣтей, говорю, правда, много нарожалъ. Ну, только ихъ почти всѣхъ Богъ по одному прибралъ, мнѣ и стало посвободнѣе. А какъ и жана померла, я семь годовъ вдовцомъ ходилъ. Думалъ, такъ и свѣкую. Анъ сусѣдки зачали сбивать, что жъ ты, молъ, какъ обсьвокъ какой въ полѣ, рубахи некому постирать... Жанись да жанись, я и послухался. Тутъ какъ разъ брата моего старшого убили, я и думаю себѣ...

— Постой, какъ убили? Кто убилъ?

Онъ мотнулъ головой и засмѣялся:

— Казаки убили, пропади они пропадомъ. Они вѣдь страшные жадные, áредные, черти. Братъ, правда, чуточку неладно сдѣлалъ — приловчился у нихъ въ отарахъ овечекъ поворовывать, а они и поймай его. Схоронились такъ-то въ яругѣ, въ балкѣ, а какъ завидѣли, что онъ ярку по полю въ сумеркахъ на себѣ преть, выскочили и давай его нагайками парить, по ушамъ да по чемъ попадя глушить... Такъ до-смерти и засѣкли. Ну, а я въ тую пору и жанился. Думалъ,

думаль, за кого бы, дескать, посвататься? Кто, думаю, за меня за такого пойдётъ, за стараго да вдоваго? Анъ все случай. Зашель разъ къ невѣсткѣ, ко вдовѣ братниной, а тамъ нищенка, дурочка сидить, хлѣбушка зашла попросить. Я еѣ и спрашиваю, смѣху ради: «Что жъ ты, дескать, шатаешься, побирушкой ходишь? Ты бы замужъ шла, ты еще здоровая. Авось, молю, ума большаго тамъ съ тебя не спросятъ.» — «Да что жъ, говоритъ, за хорошую голову пошла бы.» — Ишь ты, молю, какая шустрая! За хорошую! При твоей дурости и бѣдности тебѣ нечего разбирать. Да вотъ тебѣ, къ примѣру, хорошая голова, — дескать я, — пойдешь за меня? Ты, молю, не гляди на мою старость: старъ пестрець, да уха сладка. Ну, а она, понятно, рада радехонька. Кто жъ ее такую-то опричь вдовца возьметъ? Дундукъ, безтолковая, побирушка, а красотой такъ даже я передъ ней король. Повѣнчались наранѣ Успенья, а она пожила осень да зиму, а на Оминой и пятки саломъ подмазала: ушла. Меня, говоритъ, любовники жамками кормили, а ты кобель, у тебя нѣту ничего... Понятно, обыкла шататься, работой скучаетъ, ну и ушла, слава Богу...

— Такъ ты теперь и живешь одинъ? — спросили мы.

— Такъ вотъ и живу, — подтвердилъ онъ, вставая и складывая рубаху съ видимымъ удовольствіемъ отъ додѣланнаго дѣла. — Такъ и живу, бояре хорошіе, — сказаль онъ, легонько вздыхая. — Когда будемъ помирать, тогда будемъ горевать. А пока вотъ по садамъ сижу, а зиму хожу, вѣлну бью по сусѣдскимъ дворамъ. Дома я долго не люблю сидѣть, къ дому у меня охоты нѣту.

— Ну, а дѣти твои? Они дома живутъ?

— Дѣти у меня никуда, — сказалъ онъ. — Одинъ сынъ, слава Богу, на казенныхъ харчахъ, въ солдатахъ, другой хромой, пьяница, сапожникъ. . . Сапожникъ, сапожникъ, а родному отцу безъ пятка латки на сапогъ не положить! А какъ у самого нужда — сейчасъ къ отцу: «Батя, помоги!» Ну, и помогаю по силѣ-мочи. . .

21 іюня.

И вчера весь день лиль дождь. Нынче очень свѣжо, сильный сѣверо-западный вѣтеръ, все небо движется сумрачными и величественными облаками, купоросно ярка зелень сада.

Яковъ вчера отсыпался на печкѣ въ людской, — «прозябъ маленько!» Нынче съ необыкновенной бодростью помогаетъ Николкѣ таскать съ гумна старновку, покрывать шалашъ, выгребать изъ него старую, гнилую, пахучую солому. Шалашъ сталъ теперь желтый, виденъ въ аллеѣ издалека. Аллея вся завалена обломанными бурей вѣтвями съ зеленой листвою. . . Яковъ, конечно, не унываетъ:

— Ничего! Авось не первая волку зима! Мы этихъ бурей не боимся!

И опять умиляется, художественно восхищается на кухаркину дѣвочку, которая, въ одной грязной рубашонкѣ, опять весь день катается съ его кобелькомъ по холодной и мокрой травѣ на дворѣ.

— Онъ все будто грызетъ ее, а она будто боится, отбивается. . . А вчерась что сдѣлала? Видѣла, какъ

работники въ каретномъ себѣ сапоги дегтемъ мажутъ, забѣжала туда и давай помазкомъ себѣ голыя ноги холить! Явилась въ избу — мать такъ и ахнула. . .

Передъ вечеромъ проглянуло съ запада солнце. По низу аллеи, между стволами, стоятъ золотистые столпы чистаго и холоднаго вечерняго свѣта. Шалашъ кончили, — теперь все ново, сухо, въ порядкѣ. Яковъ благодуетъ за «чайкѣмъ».

— А ты Яковъ Демидычъ, сказки разныя, стихи, былины знаешь?

— Это какъ побирušки-то на ярмаркахъ кричатъ? Это я много знаю. Я три лѣта при свѣчной лавкѣ жилъ, ѣздилъ торговаль съ прикащиками по-саламъ, по престольнымъ праздникамъ, — насъ семь подводъ было. Они страсть какъ кричатъ, эти калѣжки переходящія. Какъ поднимаютъ, поднимаютъ «разжалкіе папашечки. . .»

— А ты можешь по-ихнему кричать?

— Вона, еще бы табѣ!

И въ ту же минуту, поставивъ чашку съ чаемъ на землю и закрывъ глаза, откинувъ голову назадъ, сталъ въ носъ, на разные голоса вопить:

— Разжалкіе папашечки, разжалкія мамашечки, подайте Лазарю убогому, безногую! Ваши ножки ходятъ, ваши ручки служатъ, а онъ того не можа, смальства страдая! Ваша подающая рука, которая подаваетъ, та во вѣкъ не оскудѣваетъ! Ваша подаянья на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ, еѣ моль не ѣстъ, ни ржа не точа! Вы подайте не ради нашего прошенія, а ради своей души спасенія! Какъ вы, разжалкіе воспитатели, намъ подадите, вы своей души спасенью угодите! Разжалкіе сестрицы, братцы, мы, какъ пом-

ремь, ничего съ собой не возьмемъ — ни злата, ни сѣребра, ни богатства, ни имѣнія! Смальства онъ, Лазарь, не ходиль, не служиль, согласенъ онъ вамъ за корку служить, каменные горы бить, чѣмъ такимъ несчастнымъ быть! Небесная птица, не можа еѣ безъ крыла по воздуху носить, такъ бѣдный калѣка не можа на своихъ ножкахъ ходить! Разжалкіе наши питатели, вы подайте свое вѣрное подаянне ни другу, ни брату, — подайте самому Господу Богу святу!

Кончивъ, онъ открылъ глаза, засмѣялся и, опять взявшись за чашку и откусывая отъ кусочка сахару, назидательно прибавилъ:

— Вотъ они какъ кричатъ, народъ обманываютъ. Ихъ всѣхъ надо по тюрьмамъ разсажать, они тамъ сытые и на всемъ готовомъ будутъ.

— Ну, а какія ты сказки знаешь? — спросили мы.

Онъ подумалъ, весело глядя въ землю:

— Сказки? Про Конькя-горбункя знаю, про младого Ивана Царевича, какъ онъ по охоту ходиль, свою царевну добывалъ, а еще про этого Алексѣя Божьи чловѣки. . .

И, опять прикрывъ глаза, началъ скороговоркой, мѣшая сказочный ладъ рѣчи съ обыденнымъ:

— У главномъ городѣ у Рымѣ, при первомъ царю при Оноріи, при великомъ князѣ Претемьяну, жилъ, значить, князь со княгинею. Онъ усердно молился, трудился, просилъ себѣ дѣтища у Матери Господи Пресвятой Богородицѣ. Создай мнѣ, дескать, Господи, единую чаду, при младыхъ лѣтъ на посмотрѣніе, при старости на призрѣніе. И вскорости, значить, такъ по его молитвѣ и вышло дѣло. Алексѣй Божьи чловѣки скитался и спасался, а мать съ отцомъ его не

узнали, за побирушку почитали. И возговорить онъ тутъ отцу-матери, состройте мнѣ, дескать, отхожую келью у красномъ зяленомъ саду, гдѣ всякій мусоръ мечуть и помои свиньямъ льютъ. Зачалъ онъ въ кельѣ трудиться со всѣми своими образами, иконами, съ Пресвятой Госпожей Богородицей и тутъ, значить, и вѣкъ свой молодой скончилъ. Отворилъ служка двери, взошелъ на порогъ и гробъ открылъ, а онъ какъ живой лежитъ. И вскричали тутъ отецъ съ матерью промежду себя: «Сынъ нашъ, дескать, возлюбленный, что жъ ты надъ собою сдѣлалъ? Мы бы тебѣ въ лучшемъ видѣ келью отстроили, твою младость успокоили!»

Когда онъ кончилъ и это и, убирая въ шалашъ чугуничкѣ, хлѣбъ, чашку, сказалъ, что теперь хорошо бы водочки стаканчикъ выпить да какой-нибудь закусочки закусить, мы спросили:

— А что ты изъ закусокъ больше всего любишь?

— Изъ закусокъ-то? — отозвался онъ, — Да что жъ, вотъ селедочки не плохо закусить, бараинки жареной, пирожка съ сомовинкой. . . ну, еще какой-нибудь тамъ хвостикъ ветчинки, хунтикъ колбаски вареной. . . Да я, по совѣсти сказать, за весь вѣкъ только одинъ разъ сытый былъ, когда на бойняхъ у купца въ Ельцѣ служилъ. Тамъ и на счетъ этого самого щепоточнаго, на счетъ бабъ, то есть, было вольно. Ну, только я на это не льстился. Дома дѣло другое. Тамъ иной разъ займешься съ какой-нибудь пожилой старушкой, сдѣлаешь ей за работу бездѣлицу какую, ножницы, скажемъ, поточишь, али вялѣкъ, какимъ на рѣчкѣ бѣлье колотятъ, вырубилъ, вотъ и расходъ весь. И самому лестно, и ей удовольствіе. . .

24 іюня.

Дождь, дождь и дождь.

Съ Яковомъ не видались давно, только немножко поболтали вчера вечеромъ.

Сидитъ на соломѣ, ѣстъ кулешъ изъ чугуничка. На плѣ горитъ свѣчка, забитая въ какую-то жестянку, на стѣнѣ шалаша чернѣетъ его большая тѣнь. Снаружи, по шалашу, шуршитъ вѣтеръ съ дождемъ, кругомъ, въ саду, непроглядная чернота. . . Между прочимъ, опять попробовали попытать его насчетъ смерти:

— Вотъ ты говоришь, тебѣ пятьдесятъ седьмой, значить лѣтъ черезъ десять, можетъ, и помирать придется. Думаешь когда-либо объ этомъ, боишься?

— Нѣтъ, не думаю. Двумъ смертямъ не быть, однимъ не миновать. Чаго жъ еѣ бояться!

— Да какъ же не бояться, ты только представь себѣ: вотъ въ такую вотъ ночь да въ гробу, въ могилѣ, на кладбищѣ. . .

Но онъ опять сталъ отдѣлываться шутками, — видно, что разговоръ этотъ ему пока (то-есть, пока онъ здоровъ) совершенно не интересень:

— Да авось туда, въ могилу-то, не протечетъ, мелко не положить. . .

Разговоръ о Богѣ тоже перевелъ на шутку, на сказку о солдатѣ, который попалъ въ рай и остался очень имъ недоволенъ: «А, вонъ оно что, этотъ рай! Да какой же это рай? Ни трубочки, ни водочки! Кабы трубочка, да водочка, да кисеть съ табачкѣмъ, вотъ это иная была бы статья!»

— А намъ думается, — сказали мы, пытая его, — ничего на томъ свѣтѣ не будетъ, ни этого рая, ни ада.

Но тутъ онъ не согласился:

— А какъ же святые-то въ раю живутъ, если его нѣту? Нѣтъ, это вы глупо говорите. Это выходитъ, что и Бога нѣту? Кабы Его не было, вся бы земля пропала. Не даль бы, къ примѣру сказать, Богъ травы, кормовъ, вся бы скотина поколѣла. . .

Потомъ рассказалъ, какъ Христось съ дьяволомъ насчетъ людей дѣлились — «вотъ какъ братья на селѣ дѣлятся»:

— Тебѣ, говорить Христось, пушай мертвые достанутся, — тебѣ же лучше будетъ, мертвыхъ-то вѣдь больше, — а мнѣ, значить, живые. . . А потомъ обдумался да и на попятный: вѣдь какъ же, вѣдь всѣ они, живые-то, тоже когда-нибудь мертвые будутъ? И, значить, сошлись на томъ, что которые упасутся — Ему, Богу, а которые нѣтъ — дьяволу. . .

26 июня.

Дождь. Разговоръ о цѣли жизни:

— Яковъ Демидычъ, для чего ты на свѣтѣ живешь?

— Какъ для чего? Вотъ вашъ садъ караулю.

— Да нѣтъ, я не про то. Для чего ты на свѣтѣ родился, для чего на землѣ существуешь?

— А Господь его знаетъ.

— Значить, не знаешь?

— А кто жъ это знаетъ?

— Да вѣдь надо знать. Надо думать, додумываться.

— Я и думаю.

— Ну, и что жъ ты надумаль?

— Надумаль-то? По совѣсти сказать, не знаю.

— А можетъ, ты живешь только для того, чтобы ѣсть, пить, спать, потомство плодить, жить въ свое удовольствіе?

— Нѣтъ, это я бы заскучаль.

— Значить, ты живешь не для этого? Но тогда для чего же?

— А чтобъ радость была.

— Радость! А это развѣ не радость — сладко ѣсть, сладко пить, съ женой красивой спать, богатымъ и почетнымъ быть?

— Это сама собой.

— Значить, не въ этомъ въ одномъ дѣло?

— Стало быть, что нѣтъ.

— А въ чемъ же?

Думаетъ. Потомъ смѣется:

— Въ чемъ да въ чемъ! Мы вотъ такъ-то возили разъ съ покойникомъ родителемъ хлѣбъ съ поля, а я и пристань къ нему, — что, да какъ, да зачѣмъ, — я тогда еще совсѣмъ коростовый былъ, — а онъ молчалъ, молчалъ да и говоритъ, наконецъ: «Вотъ какъ пущу тебѣ, малый, по ушамъ кнутомъ, тогда узнаешь, зачѣмъ!»

28 іюня.

Завтра уѣзжаю на югъ, хотя ѣхать уже не хочется: опять наступили прекрасные дни.

Нынче Яковъ сказалъ мнѣ:

— А народъ у васъ тутъ глупый, господа хорошіе. Я вчера пошелъ на деревню сѣрничковъ купить, иду

задворками, а на гумнѣ мужикъ стоитъ, а по межѣ ко ржамъ во весь духъ бѣжитъ дѣвочка лѣтъ семи али восьми... Бѣжитъ и навзрыдъ плача, спѣшитъ изоржей телушку выгнать, а онъ стоитъ и оретъ на все поле. Длинный, долговязый, морда злая, скучная — и оретъ безо всякой совѣсти: «Опять телушка во ржи, такъ-то твою такъ? Ты такъ-то за ней глядишь, распротакъ твою такъ?» — Я просто диву дался, до чаго свинья, невѣжа! Можно разѣ такъ-то на свое дитя кричать?

— Ну, вотъ, а ты говоришь, что лучше нашей державы и лучше нашего народа во всемъ свѣтѣ нѣту, — сказалъ я.

— А що жъ? — поспѣшно и бодро отвѣтилъ онъ. — Конечно, нѣту. Только, конечно, насъ учить надо. Кабы подойтить къ этому самому дураку да дать яму, щобъ красныя сопля потекли, небось въ другой разъ не горланилъ бы такъ-то! А еще и то сказать: не всѣ жъ и у васъ подобные. Я вотъ нынче утромъ пастуха у васъ за гумномъ видѣлъ: ну, до чаго хорошъ! — сказалъ онъ, вдругъ засмѣявшись и засіявъ отъ восхищенія. — Сядить на межѣ и портки себѣ жжетъ! Скотина по всему полю разбрелась, а ему и горюшки мало! Вынулъ это стекло жгучее и наводитъ на портки: какъ солнце изъ-за облака выйдетъ — отъ портокъ дымъ столбомъ! Що жъ, ты, говорю, дуракъ, дѣлаешь, ай маленькій? Вѣдь тебя жанить давно пора! А у него ротъ до ушей отъ радости: да ужъ больно, говорить, чудно, дяденька! — А гдѣ жъ ты еѣ взялъ, это самое стекло? — А мнѣ братъ солдатъ принесъ... Нѣтъ, — сказалъ онъ съ удовольствіемъ, — нашъ народъ хорошій, обоюдный!

Я сообщилъ ему, что завтра уѣзжаю.

— Ну, що жъ, — сказалъ онъ весело и равнодушно. — Дай Богъ часть. Живы будемъ, еще, можа, по-видаемся. . . А далеко ѣдете-то?

Я отвѣтилъ, что на югъ, къ морю, купаться.

Онъ весело изумился:

— Какъ купаться? Да вы бы дома-то, въ рѣчкѣ? А какіе же тамъ жители? Наши ай нѣмцы?

— Тамъ больше татары, — отвѣтилъ я.

— А! — сказалъ онъ, немножко насмѣшливо улыбаясь. — Этихъ я люблю. Они, слухъ есть, нами сто лѣтъ владали. А извѣстно — конь ѣздока любитъ. Опять же смирный народъ, ласковый. Скажешь ему: здорово, моль, князь, есть платки? — онъ такъ и вскинется весь: «Есть бачка, есть!» — «А магометовы портки?» — «Тѣфу, не хорошо, грѣхъ такъ-то говорить!» — И больше ничего. Не то что жида — тѣ страшные обидчивые. . . А скучать вы не скучайте — прибавилъ онъ неожиданно, уже давно, видимо, угадавъ, что мнѣ не хочется и немного грустно уѣзжать: — это всегда такъ передъ отъѣздомъ, все будто жалко чего-то, а въ дорогѣ, глядь, и разгулялся и забылъ всѣхъ. . .

И, поднявшись, бодро пошелъ къ огню, который, какъ всегда, пылалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша подъ липой, и на ходу легонько притопнулъ лаптями:

Сова ль моя, совка,

Сова ль моя, вдовка!

Приморскія Альпы, 1927.

ПИНГВИНЫ

Началось съ того, что мнѣ стало опять тридцать лѣтъ, — я увидѣлъ и почувствовалъ себя именно въ этой счастливой порѣ; я опять былъ въ Россіи того времени и во всемъ, что было присуще тому времени, и сидѣлъ въ вагонѣ, ѣхалъ почему-то въ Гурзуфъ... Затѣмъ я почувствовалъ, что меня что-то тревожить. Все, казалось бы, отлично, — ѣду на югъ, сижу спокойно и свободно, въ маленькомъ отдѣленіи перваго класса, въ курьерскомъ, очень доволенъ, что, наконецъ, развязался съ тѣсной и многолюдной, сѣрой и снѣжной Москвой... Но вѣдь Пушкинъ давно умеръ и въ Гурзуфѣ теперь мертво, пусто, вдругъ сказалъ я себѣ — и увидѣлъ, понялъ, что не только въ Гурзуфѣ, но и вездѣ страшно мертво и пусто. Какая-то особенно грустная осень, — тутъ на югѣ была еще осень, — и какой-то удивительно тихій, молчаливый день. Поездъ идетъ быстро и полонъ, но полонъ какъ будто неживыми. И въ тѣхъ необыкновенно ровныхъ степяхъ, гдѣ идетъ онъ, тоже такъ безжизненно, скучно, словно не осталось ни малѣйшаго смысла ихъ существованія. Это и на яву бываетъ: страшно безжизненно, ничтожно кажется иногда все на свѣтѣ...

— Нѣтъ, — подумалъ я, — что-то неблагополучно. Нужно бросить поѣздъ. . .

Я вдругъ вспомнилъ, что очень люблю Бахчисарай, — вѣдь Пушкинъ жилъ и въ немъ когда-то, былъ въ немъ даже ханомъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, — и рѣшилъ выйти въ Бахчисараѣ, ѣхать дальше на лошадахъ, черезъ горы, и такъ не медля и сдѣлалъ. Однако, Бахчисарая я какъ-то не замѣтилъ, а въ горахъ было жутко. Глушь, пустыня, и уже вечерѣеть. Все какія-то каменистыя тѣснины и провалы и все лѣсъ, лѣсъ, корявый, низкорослый и уже почти совсѣмъ голый, засыпанный мелкой желтой листвою: все *карагачъ*, подумалъ я, вкладывая въ это слово какое-то таинственное и зловѣщее значеніе. И лошади бѣгутъ какъ-то не въ мѣру ровно, и ямщикъ на облучкѣ такъ неподвиженъ и безличенъ, что я его даже плохо вижу, — только чувствую и опасаюсь, потому что Богъ его знаетъ, что у него на умѣ. . . Одна надежда на ужинъ въ Ялтѣ, подумалъ я. Спрошу себѣ отварную кефаль и бѣлаго Абрау. . .

И тотчасъ я увидѣлъ Ялту, ея кладбищенски бѣлѣющія среди кипарисовъ дачи, набережную и зеленоватое море въ бухтѣ. Но тутъ стало уже совсѣмъ страшно. Что случилось съ Ялтой? Смеркается, темнѣеть, но почему-то нигдѣ ни одного огня, на набережной ни одного прохожаго, всюду опять тишина, молчаніе. . . Я сѣлъ въ пустой и почти темной залѣ ресторана и сталъ ждать лакея. Но никто не шель, — все было пусто и удивительно тихо. Въ глубинѣ залы совсѣмъ почернѣло, а за большимъ оконнымъ стекломъ, возлѣ котораго я сѣлъ, поднимался вѣтеръ, дымились низкія тучи и то и дѣло пушечными выстрѣлами бухали въ на-

бережную и высоко взвивались въ воздухъ длинными пѣнистыми хвостами волны... Все это было такъ странно и страшно, что я сдѣлалъ усилие воли и вскочилъ съ постели: оказалось, что я заснулъ, не раздѣвшись, не потушивъ свѣчки, которая почти догорѣла, темнымъ дрожащимъ свѣтомъ озаряя мой номеръ, и что уже второй часъ ночи. И я вскочилъ, ужаснувшись: что же я теперь буду дѣлать? Выспался крѣпко, а ночи и конца не видно, а за окнами шумитъ крупный ливень, и я совершенно одинъ во всемъ мѣрѣ, гдѣ не спитъ теперь только Давыдка! Я поспѣшно кинулся къ Давыдкѣ, въ его погребокъ на Виноградной. Ночь была такъ непроглядна и дождь лилъ въ ея чернотѣ такъ бурно, что погребокъ казался единственнымъ живымъ мѣстомъ не только во всемъ Поти, — теперь я былъ въ Поти, — но и на всемъ кавказскомъ побережьѣ, даже больше — во всемъ мѣрѣ. Но пока я добѣжалъ до него по какимъ-то узкимъ, грязнымъ и глухимъ переулкамъ, Давыдка уже вышелъ закрывать ставни на своемъ убогомъ окошкѣ, собрался тушить свѣтъ и запираетъ двери.

— Но послушай, — сказалъ я ему, чувствуя страхъ уже смертельный, — если ты запрешь и потушишь, что же мнѣ тогда дѣлать? Куда дѣваться? Вѣдь сюда зимой даже пароходы не заходятъ!

Однако Давыдка только языкомъ пощелкалъ и немолимо, съ тѣмъ спокойнымъ идиотизмомъ, на который способенъ лишь кавказецъ, помоталъ своей черной стриженной башкой:

— На молу гулять будешь, — сказалъ онъ. — Тамъ всю ночь главный маякъ горѣтъ будетъ...

И вотъ я на какомъ-то страшномъ обрывѣ, горба-

томъ и скалистомъ, гдѣ можно держаться только прижавшись къ необыкновенно высокой и круглой бѣлой башнѣ и упершись ногами въ скалы. Вверху, въ дымномъ отъ дождя и медленно вращающемся свѣтѣ, съ яростнымъ визгомъ и крикомъ кружатся и дерутся, какъ чайки, несмѣтные траурные пингвины. Внизу — тьма, смола, пропасть, гдѣ гудитъ, реветъ, тяжело ходить что-то безмѣрное, бугристое, клубящееся, какъ какой-то допотопный спрутъ, рѣзко пахнущее устричной свѣжестью и порой бухающее пушечными выстрѣлами и взвивающееся цѣлыми водопадами брызгъ и пѣны. . . А вверху пингвины, пингвины!

1929.

СТАРЫЙ ПОРТЪ

Отель «Бретань» еще пустъ, деревня Старый Портъ, близъ которой странно высится на голомъ холмѣ это новое многоэтажное зданіе, живетъ пока своей простой рыбацкей жизнью.

Стоитъ та прекрасная погода, когда солнечный зной, припекающій гдѣ-нибудь на склонѣ холма, обращеннаго къ югу, еще мѣшается съ морской свѣжестью, которой тянетъ съ сѣвера, какъ только поднимешься повыше и увидишь вокругъ другіе холмы, а впереди — голубое море. Стоитъ та радостная пора, когда еще поютъ жаворонки и всюду цвѣтутъ цвѣты, — не только въ поляхъ, но даже на окраинахъ шоссе и на самыхъ кремнистыхъ косогорахъ, когда вьются мириады мотыльковъ надъ этими цвѣтами и надъ жесткими лустарниками, тоже цвѣтущими мелкимъ цвѣтомъ въ какой-нибудь бесплодной лощинѣ или вдоль заглохшаго проселка съ высокимъ крестомъ изъ почернѣвшаго камня на перекресткѣ. . . Край пустынный, скудный; но теперь на суглинистые поля и холмы его, покрытые молодой, чистой зеленью хлѣбовъ, на мѣловыя прибрежныя скалы и спокойныя лазоревыя заливы не наглядисься.

И вотъ появляются въ деревнѣ первые иностранцы: старикъ шотландецъ съ женой и дочерью и какой-то одинокій норвежецъ. Онъ прѣхаль съ тѣмъ же поѣздомъ и остановился въ той же «Бретани», что и шотландцы; однако онъ не знакомъ и даже не ищетъ знакомства съ ними, хотя они замѣтили, что онъ преслѣдуетъ ихъ съ самага Лондона, гдѣ онъ оказался ихъ случайнымъ сожителемъ тоже по отелю. Человѣкъ онъ вообще необщительный. На вопросъ портье, сколько онъ думаетъ пробыть въ отелѣ, онъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Не знаю. Можетъ быть, сутки, двое. . .

Но проходитъ три, четыре дня, потомъ недѣля — онъ все живетъ и все той же одинокой, странной жизнью.

Онъ рано ложится и рано встаетъ. Раньше всѣхъ пьетъ кофе въ большой пустой столовой, освѣщенной утреннимъ солнцемъ, и, пока пьетъ, пристально читаетъ какую-нибудь книгу, наугадъ взятую изъ библіотечки отеля. Потомъ, сунувъ ее въ карманъ, захвативъ пледъ и палку, спускается на берегъ. Тутъ онъ бросаетъ пледъ на мелкій бѣлый песокъ подъ мѣловымъ обрывомъ прибрежнаго холма, высоко поднимающагося на западной сторонѣ залива, и до самага завтрака лежитъ, облокотясь на руку и глядя то на широкій пляжъ и на изгибъ моря, въ эти часы еще синяго, то на солнечную бѣлую дорогу отъ отеля, по которой онъ спустился.

Онъ глядитъ, слушаетъ. Вотъ въ деревнѣ бьетъ восемь часовъ; вотъ половина девятаго; вотъ девять. . . Въ девять двадцать приходитъ, шумитъ на маленькой станціи за деревней утренній поѣздъ. А какъ только

онъ свистнеть и тронется дальше, на дорогѣ отъ отеля показывается дочь тѣхъ шотландцевъ, за которыми онъ пріѣхалъ. И тогда онъ тотчасъ развертываетъ книгу и притворяется, что читаетъ, искоса слѣдя за тѣмъ, какъ она подходитъ, — за развѣвающимися полами ея купальнаго халата.

Это высокая, худошавая дѣвушка. У нея длинныя, стройныя ноги и удивительно милое въ своей ласковой простосердечности и даже наивности выраженіе веснушчатого, немного блѣднаго лица. И онъ жадно глядитъ на нее исподлобья, — на то, какъ она быстро спускается съ пригорка, идетъ къ нему вдоль пляжа, затѣмъ, шагахъ въ ста отъ него, сбрасываетъ съ себя халатъ, остается въ одномъ черномъ трико и бѣжитъ къ водѣ. Тѣло у нея тоже блѣдное, голубоватое, но не слабое. Она далеко уплываетъ въ море, сидитъ на камнѣ, торчащемъ вдали среди залива, потомъ, возвращаясь на берегъ, долго лежитъ на пескѣ навзничъ, закрывъ глаза отъ солнца. Однажды она неожиданно крикнула ему на смѣшномъ французскомъ языкѣ:

— Почему вы не купаетесь?

Онъ густо покраснѣлъ и неловко крикнулъ въ отвѣтъ, что холодно, что еще никто не купается.

Въ двѣнадцать она уходитъ домой, къ завтраку. Онъ тоже поднимается и въ отдаленіи идетъ слѣдомъ за ней.

Мать съ отцомъ, въ свободное отъ завтрака и обѣда время, гуляютъ, пишутъ письма, читаютъ, сидя въ въ креслахъ-будкахъ на дорожкахъ большого цвѣтника, разбитаго передъ отелемъ и радующаго глазъ необыкновенно свѣжимъ, зеленымъ, какъ мѣдянка, газономъ. А что дѣлаетъ она? Онъ видитъ ее только на

берегу, утромъ, и въ столовой, въ часъ и въ семь съ половиной. Проходя въ эти часы мимо ихъ стола, онъ сдержанно кланяется. Ему отвѣчаютъ тѣмъ же. Дѣвушка даже глядитъ ему прямо въ глаза — долгимъ и вопросительнымъ взглядомъ, въ которомъ можно уловить расположеніе, готовность къ знакомству. Но онъ, поклонившись, краснѣетъ и, нахмурясь, быстро проходитъ мимо.

Послѣ завтрака онъ бродитъ по деревнѣ, — она очень стара, черна, первобытна, — иногда заходитъ въ пустую церковь, снаружи имѣющую видъ очень дикій. Тамъ онъ подолгу сидитъ на соломенномъ стулѣ и слушаетъ ту великую и спокойную тишину, которая бываетъ только въ пустыхъ церквяхъ. Впереди, за рядами темныхъ дубовыхъ скамеекъ, блеститъ и высятся все то церковно-сложное, что составляетъ престоль, алтарь, украшенный бумажными розами и такими же кружевами, трогательный въ своемъ деревенскомъ, бѣдномъ убранствѣ. Надъ нимъ, въ полукруглой стѣнѣ, остро зеленѣетъ, гранатно краснѣетъ и густо синѣетъ узкое окно, новое, довольно грубое. Новы, дешевы и всѣ эти сусально позолоченныя или малярно раскрашенныя въ голубое и розовое гипсовыя статуэтки Мадонны, Орлеанской Дѣвы, Христа въ терновомъ вѣнцѣ, святыхъ монаховъ съ четками въ рукахъ. Однако и въ этомъ есть нѣкая деревенско-католическая прелесть. А какъ прекрасны въ своей простотѣ, дикости древніе, каменные своды, ухабистый каменный полъ, толстыя стѣны со слѣдами сырости, долгихъ зимнихъ дождей, свирѣпыхъ вѣтровъ съ сѣвера, съ моря, при мысли о которыхъ сладко и уютно замираетъ сердце! Всего же лучше — эта глубокая,

какъ бы чего-то съ неземнымъ безстрастіемъ ждущая тишина.

Часто ходитъ онъ и въ маленькую гавань деревни, полную неуклюжихъ лодокъ и парусныхъ барокъ, дѣлаетъ прогулки въ поля, въ сосѣдніе поселки и на дальнія фермы. Зеленѣетъ волнистая равнина, мирно сияетъ море, поютъ жаворонки. . . Очень странно видѣть въ этой кроткой, слегка грустной, безлюдной глуши безобразные деревянные щиты на столбахъ-ножкахъ, съ которыхъ смотритъ и сладострастно жметса, хохочетъ отъ пріятной зябкости, отъ предвкушенья ванны, голый большеголовый ребенокъ, рядомъ съ древними каменными крестами, простирающими въ просторъ полей свои скорбныя объятія.

Возвратясь въ отель за полчаса до обѣда, онъ бреется, подстригаетъ рыжіе усы, надѣваетъ смокингъ и бальныя туфли. За обѣдомъ онъ много пьетъ. Лицо его багровѣетъ, полнѣетъ, синіе глаза наливаются блескомъ. Потомъ онъ идетъ въ курильню, беретъ газету и тонетъ въ густомъ пахучемъ дыму жарко раскаленной сигары. . .

И такъ проходитъ дней десять. А затѣмъ онъ внезапно требуетъ однажды передъ обѣдомъ счетъ. Прямой поѣздъ на Парижъ отходитъ въ пять часовъ утра изъ ближайшаго прибрежнаго города. Онъ заявляетъ портье, что отправляется туда на парусной лодкѣ, и проситъ разбудить его въ три часа.

До часу онъ не спитъ, лежитъ при огнѣ и пристально смотритъ передъ собою. Потомъ, при огнѣ же, крѣпко засыпаетъ — и вдругъ слышитъ: кто то стучитъ, сперва осторожно, точно заговорщикъ, потомъ все громче и громче. . . Онъ вскакиваетъ и поспѣшно на-

чинаеть одѣваться, въ послѣдній разъ оглядывая свой тѣсный номеръ съ широкой ясеновой кроватью, съ яркой и уютной лампой подъ желтымъ шелковымъ колпакомъ, съ зеркальнымъ шкафомъ, съ большимъ умывальникомъ изъ палеваго мрамора, гдѣ свѣжая вода, налитая въ большую фаянсовую чашу, кажется хрустальной. Но вотъ опять стукъ въ дверь — это уже за вещами. Онъ поспѣшно надѣваетъ пальто, шляпу, на прощанье оглядывается еще разъ. . .

Въ слабо освѣщенномъ коридорѣ, устланномъ толстымъ ковромъ, у одной двери стоятъ двѣ пары большихъ башмаковъ, мужскихъ и женскихъ, у другой — пара маленькихъ, имѣющихъ какое-то особое выражение, возбуждающихъ восхищеніе, нѣжность. Онъ останавливается, быстро пишетъ въ записной книжкѣ: «good night!», вырываетъ листокъ, суетъ его подъ дверь и бѣжитъ внизъ по широкой лѣстницѣ вслѣдъ за носильщикомъ, быстро идущимъ впереди съ однимъ чемоданомъ на лѣвомъ плечѣ и съ другимъ въ правой рукѣ.

Хрустя въ темнотѣ по гравію, они обходятъ цвѣтникъ, легкимъ бѣгомъ спускаются по бѣлѣющей въ звѣздномъ свѣтѣ дорогѣ къ заливу и направляются къ деревнѣ, въ гавань. Навстрѣчу тянетъ сладкимъ вѣтромъ лѣтней ночи и моря. Звѣздъ въ небѣ необыкновенно много, — крупныхъ, предразсвѣтныхъ, неизвѣстныхъ. Черной равниной лежитъ до звѣзднаго, прозрачнаго горизонта море, чернѣетъ и медленно клонится, качается лѣсокъ мачтъ въ бухтѣ. Вѣтеръ пахнетъ раками, волны съ ночной непривѣтливостью плещутъ въ каменные глыбы, наваленныя въ водѣ за узкой и длинной полосой мола. Впереди невысоко ви-

сятъ въ небѣ два крупныхъ огня, мутно-синій и сумрачно-красный.

Торчащая въ небѣ мачта лодки, ожидающей въ концѣ пристани, клонится, шатается, ходитъ по звѣздамъ шире всѣхъ, то высоко выростая, то глубоко падая внизъ. Носильщикъ негромко окликаетъ людей, что-то дѣлающихъ въ лодкѣ, шагающихъ съ валкой кормы на носъ и съ носа на корму. Они кидаютъ въ отвѣтъ ему что-то односложное. Въ этотъ поздній часъ они кажутся людьми, тайкомъ затѣвающими что-то недоброе. Все же уѣзжающій довѣрчиво хватаетъ чью-то жесткую руку и прыгаетъ на качающуюся корму. За нимъ падаютъ его чемоданы. И тотчасъ же блѣдное полотнище паруса, вдругъ потянувшееся вверхъ съ шумомъ и трепетомъ, закрываетъ звѣздное небо, лодка ныряетъ такъ глубоко, что съ головы до ногъ обдаетъ холодными брызгами, затѣмъ круто валится на бокъ и быстро несется впередъ, остро рубя, разсѣкая шумно взлетающую и быстро кипящую вдоль бортовъ воду, широко заворачивая навстрѣчу свѣжему, тугому вѣтру, водянисто холодящему лицо, — на какіе-то безконечно далекіе, блѣдные огни. . .

1929.

КЪ РОДУ ОТЦОВЪ СВОИХЪ

Дивны дѣла Твои, и душа моя
вполнѣ понимаетъ это.

Псалтирь.

I

На раннемъ разсвѣтѣ, почти въ темнотѣ и въ густомъ туманѣ, привезли изъ города пожилую черничку и огромный гробъ, черный съ бѣлыми крестами, который полулежалъ возлѣ нея въ тарантасѣ, упираясь узкимъ концомъ въ козлы, а широкимъ въ полуоткинутый верхъ. Пустой, по осеннему мертвый дворъ усадьбы, по которому туманъ шелъ изъ сада соннымъ, мрачнымъ дымомъ, весь сѣрѣлъ крупной сизой изморозью. Домъ за туманомъ рисовался темно и смутно, казался нежилымъ, угрюмымъ. И зловѣще краснѣли въ его дальнемъ, крайнемъ окнѣ огни трехъ свѣчей. Отъ бессонной ночи черничка и кучеръ промерзли до костей, похудѣли, были очень блѣдны, безжизненны. Кучеръ поѣхалъ отъ крыльца къ каретному сараю — отпрягать отупѣвшихъ отъ долгой дороги, обросшихъ туманомъ лошадей. Черничка прошла черезъ темныя

сѣни и вошла въ сумракъ, въ сонное тепло дома. Дѣвка, спавшая на коникѣ въ прихожей, испуганно вскочила и сѣла, ничего не понимая. Но черезъ минуту она уже говорила оживленнымъ и дружественнымъ шопотомъ, помогая черничкѣ раздѣваться и спрашивая, очень ли озябла, когда выѣхали изъ города и сколько дали за гробъ. Она зажгла и отнесла въ залъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ были заперты двери, керосиновую лампу, запалила на окнѣ въ прихожей зашумѣвшую спиртовку. . . И когда тепло и душисто запахло кофе, черничка, крестясь и садясь за столъ, почувствовала несказанную сладость жизни.

Всѣ въ домѣ еще спали, измученные горемъ и тѣмъ безпорядкомъ, что внезапно воцарился въ немъ съ роковой позапрошлой ночи.

— И барыня, слава Богу, заснули — шопотомъ сказала дѣвка, подавая хлѣбъ и масло. — Не приведи Богъ, какъ плачуть, убиваются. А тутъ еще старая барышня, сестра покойнаго барина, пріѣхала, — говорить, что, разъ они померли безъ завѣщанья, такъ все теперь ей должно достаться. Вся красная отъ слезъ, а страсть серчаетъ. . .

Черничка уже знала это отъ кучера. Намазывая хлѣбъ масломъ, она спросила:

— А онъ гдѣ лежитъ-то?

Дѣвка неопредѣленно и боязливо кивнула на запертыя двери:

— За маленькой гостиной.

— Одинъ?

— Одинъ. Сперва при немъ Семень былъ, старикъ съ нашей деревни, да у нихъ молотилка сломалась, онъ

и бросилъ читать, ушелъ ее чинить. Оттого-то и за вами послали. . .

Черничка неодобрительно качнула головой:

— Не хорошо. Одному покойнику нельзя лежать...

И она жадно стала пить горячій кофе, поглядывая на эти высокія, таинственно закрытыя двери. Онъ былъ гдѣ-то тамъ, за ними, въ глубинѣ дома. Онъ лежалъ и ждалъ ее, и въ умѣ ея уже привычно звучало:

— Какъ овецъ, заключаетъ ихъ въ преисподнюю. . . Смерть будетъ пасти ихъ. . . Могила жилище ихъ. . . Онъ пойдетъ къ роду отцовъ своихъ, которые никогда не увидятъ свѣта. . .

Огонь въ лампѣ пожелтѣлъ, въ залѣ свѣтлѣло, туманъ за окнами сталъ голубой, прозрачный. Внзвъ наступающій день сулилъ живымъ только привычную сладость земныхъ дѣлъ и заботъ. Для него, для того, кто еще позавчера сидѣлъ вотъ за этимъ столомъ, а теперь лежалъ и ждалъ ее, это былъ послѣдній, самый послѣдній день на землѣ. Могутъ потомъ проходить вѣка, тысячелѣтія — все равно: его, бывшего хозяина этого дома, уже никогда не будетъ. Нынче, даже сейчасъ, какъ только всѣ проснутся, его на вѣки, до скончанія времени, положить въ то, ни на что въ мірѣ не похожее, всему міру чуждое и враждебное, что всю ночь тряслось рядомъ съ черничкой въ тарантасѣ, покачиваясь и постукивая въ туманѣ и мракѣ по осенней промерзлой дорогѣ. Но черничка не думала объ этомъ, — съ радостью отогрѣвалась, съ наслажденіемъ пила и ѣла, съ удовольствіемъ соображала, что сейчасъ надо приказать внести гробъ въ домъ, позвать работниковъ и заставить ихъ сдѣлать все, что полагается, не какъ попало, а подъ своимъ наблюденіемъ.

Утро наступило ясное, тихое. Часамъ къ девяти все нужное было сдѣлано. Теперь всѣмъ осталось только ждать слѣдующаго утра. И вотъ онъ течетъ, длится, этотъ послѣдній, самый послѣдній день.

Съ позапрошлой ночи усадьба вдругъ стала доступна для всякаго. Смерть широко распахнула двери пораженного ею и лишившагося своей обычной сокровенности человѣческаго гнѣзда. И вчера весь день шли и шли въ усадьбу всѣ тѣ, что почему-то желали взглянуть на покойника, — всякіе проѣзжіе и прохожіе, калѣки и нищіе, мужики и бабы (не только свои, но и чужіе, зарѣчные). Идутъ они и нынче. Безъ спросу, безъ стѣсненья подходятъ они къ парадному крыльцу, возлѣ котораго стоймя стоитъ и такъ и бьетъ въ глаза своими страшными очертаніями и своей высотой черная съ бѣлымъ крестомъ крышка, заглядываютъ внутрь настѣжь раствореннаго дома, въ пролетъ его большихъ горницъ, входятъ, идутъ и доходятъ до той, самой послѣдней, которая превратилась теперь въ нѣкое подобіе часовни: тамъ пугливо и любопытно толпится и смотритъ народъ, тамъ пѣвуче и немолчно звучитъ горестный и покорный голосъ — «ибо Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе... ибо Ты говоришь: возвратитесь, сыны человѣческіе... ибо передъ очами Твоими тысяча лѣтъ какъ день одинъ», — тамъ, среди бѣлаго дня, при солнцѣ, которое косо заглядываетъ въ окно, выходящее въ садъ, оранжевымъ прозрачнымъ пламенемъ горятъ толстыя свѣчи, тонко синѣтъ литургически-пахучій дымъ ладана, еще не разсѣя-

шійся послѣ панихиды, а весь уголь занять огромнымъ смертнымъ одромъ: составленными столами и пышнымъ въ своей мрачной и великолѣпной новизнѣ, до половины покрытымъ парчевой ризой гробомъ, возглавіе котораго поражаетъ чудовищно и безобразно распухшимъ фіолетовымъ ликомъ въ крупныхъ и сквозныхъ сѣрыхъ усахъ, круто поднятой и закаменѣвшей подъ выпирающей крахмальной манишкой грудью съ высоко и неуклюже лежащими на ней въ выльзшихъ манжетахъ руками, толсто налитыми лиловымъ воскомъ, и сиреневыми ногтями ихъ.

А вокругъ дома, въ усадьбѣ, все полно осенней прелести. Въ розовомъ саду квохчутъ сытые дрозды, стоитъ блаженная тишина, тепло, кротость, медленно падаютъ легкіе сухіе листья. На дворѣ сладко дремлютъ борзые. На желтомъ соломенномъ скатѣ крыши сидятъ, хохлятся противъ солнца бѣлоснѣжные голуби. Надъ людской избой буднично и спокойно тянется къ блѣдно-голубому небу сѣрый дымокъ, изъ ея раскрытыхъ оконъ пріятно пахнетъ кухоннымъ чадомъ, слышны голоса и смѣхъ праздныхъ работниковъ, своимъ куреньемъ и бездѣльемъ раздражающихъ кухарку, обремененную большой и сложной стряпней на завтра.

А на деревнѣ, на гумнахъ ладно выбиваютъ дробь цѣпы, мѣрно и однообразно стучать вѣялки, ровно гудятъ молотилки, общая жизнь долгую, мирную, благоденственную. Всѣ дорожатъ и наслаждаются каждой минутой чудесной погоды и дружной, спорой работы. Съ веселымъ ревомъ, неустанно и густо засыпая гумно дымящейся соломой, беспощадно сокрушаемой и извергаемой мощнымъ зубастымъ бараба-

номъ, снова гудить новая рязанка Семена: онъ богатъ и горячъ, — въ одинъ мигъ добылъ мастера и поправилъ ее, а теперь самъ подаетъ и думаетъ, что ужъ нѣтъ, шалишь, больше не довѣритъ онъ дуракамъ сыновьямъ машину.

— Въ мысляхъ у нихъ, что дома ихъ вѣчны и что жилища ихъ въ родъ и родъ. . . Но человекъ въ чести не будетъ: онъ уподобится животнымъ, которыя погибаютъ. . .

Семень знаетъ это лучше всякаго. . . и, весь черносѣрый отъ пыли, отъ мякины, съ кровавыми, воспаленными глазами, съ хоботьемъ въ бородѣ, отклоняя потное, засыпанное и разѣдаемое соромъ лицо отъ зерна, остро бьющаго изъ-подъ бѣшено рвущаго и реущаго барабана, только успѣваетъ покрикивать:

— Бабы, подавай! Бабы, веселѣй!

III

Ночью свѣтитъ молодая туманная луна. Легкая дымка стоитъ въ свѣтломъ, мертвомъ, беззвучномъ саду. На гумнѣ, не нарушая тишины а только еще больше давая ее чувствовать, жалобно тьякаетъ совка.

Тишина, пустота и на дворѣ усадьбы, одиноко краснѣетъ окно въ людской избѣ. Работники за ужиномъ, по случаю покойника, выпили. Послѣ ужина они сидѣли и курили, уже вялые, позѣвывая. Угощаль печникъ, который второя сутки жилъ въ усадьбѣ на поденной, — выкладываль могилу кирпичемъ. Онъ былъ пьянъ и придирался къ ключнику Василию.

— Ты думаешь, я вашими тремя цѣлковыми дорожу? — слыло кричалъ онъ. — Это, можетъ, тебѣ деньги, а я въ одинъ день по тройку зарабатывалъ! Ты мнѣ только кирпичъ годишься подавать! Можешь ты меня учить, какъ ее выкладывать? Кто хозяинъ надъ могилой, — ты или я?

А тамъ, въ домѣ, въ этой страшной горницѣ, похожей на часовню, стояла благоговѣйная тишина. Только дрожалъ, дрожалъ сонный сумракъ въ углахъ, чуть потрескивали, нагорая и оплывая горячимъ воскомъ, свѣчи, и то блисталъ, то темнѣлъ подъ ихъ яркимъ, но неровнымъ пламенемъ сизый чудовищный ликъ съ розовой ватой въ ноздряхъ. И однообразно, кротко и укоризненно звучалъ пѣвучій женскій голосъ:

— И мудрые умираютъ, равно какъ невѣжды, и бессмысленные погибаютъ и оставляютъ имущество другимъ. . .

— Въ мысляхъ у нихъ, что дома ихъ вѣчны и что жилища ихъ въ родъ и родъ, и земли свои они называютъ своими именами. . .

— Но человѣкъ въ чести не будетъ; онъ уподобится животнымъ, которыя погибаютъ. . . Онъ пойдетъ къ роду отцовъ своихъ, которые никогда не увидятъ свѣта. . .

— Обратись, Господи! Научи, какъ исчислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое. . .

На утро всѣ проснулись съ одной мыслью: нынче!
И колоколь уже звалъ, звалъ.

Утро было особенно прекрасно. Особенно тихъ и счастливъ былъ розовый садъ, медленно выходявшій изъ голубого тумана, таявшаго отъ солнца.

Но колоколь звалъ, звалъ. И опять шли и шли черезъ дворъ. Какая-то длинная женщина въ сѣрой шапке зачѣмъ-то вела съ собой двухъ своихъ дѣвочекъ, шедшихъ покорно, но съ испуганными глазами.

Послѣднимъ пришелъ лѣсникъ, старый другъ покойнаго по молодости и по охотѣ.

Онъ шелъ черезъ садъ, по сухой землѣ липовой аллеи, гдѣ было такъ тихо, что слышенъ былъ каждый падающій листикъ, и тонко пахло и сладкимъ ароматомъ листвы, поджаренной солнцемъ, и свѣжестью тумана, теперь уже сѣявшаго въ саду лазурнымъ газомъ. Онъ шелъ спокойно. Спокойно прошелъ и по дому. Но, войдя къ покойнику, беззащитно возвышавшемуся въ гробу во всемъ смертномъ позорѣ среди толпы, наполнявшей комнату, увидавъ блескъ свѣчей, столь странный среди солнечнаго свѣта, и безобразное лицо, синѣвшее въ дыму ладана, вдругъ поблѣднѣлъ, упалъ на колѣни, торопливо закрестился, а потомъ кинулся къ гробу такъ неистово, сталъ такъ страстно впиваться въ ледяныя и зловонныя губы своего господина и друга, что и всѣ вокругъ поблѣднѣли...

Въ полдень все кончилось.

Мирную жизнь живыхъ уже ничто болѣе не нарушало. Его, этого страшнаго существа, потерявшаго обликъ и подобіе Божіе, уже не было. И все возвратилось на обычную стезю свою.

За церковью, противъ оконъ алтаря, въ блескъ спокойнаго и кроткаго солнца, лежалъ длинный глиняный бугоръ. Но онъ уже никому не былъ ни нуженъ, ни страшенъ.

1929.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢИЧЪ

Нелѣпая, неправдоподобная вѣсть: Алексѣй Алексѣичъ умеръ!

Всего нелѣпѣе то, до чего неожиданно умеръ онъ. Вѣдь еще только вчера, вѣрнѣе, прошлой ночью, онъ былъ съ нами, сидѣлъ, ужиналъ и, какъ всегда, говорилъ, говорилъ — то, что онъ говорилъ повсюду, за всѣми ужинами.

— Какъ Чацкій, съ корабля на балъ, — сказалъ онъ вчера, входя въ столовую.

Онъ сказалъ то, что неизмѣнно говорилъ, пріѣзжая на вечера къ знакомымъ. Вчера откуда именно пріѣхалъ онъ? Но, по совѣсти сказать, развѣ мы знали когда-нибудь, откуда онъ пріѣзжаетъ? Да и знали-ли мы вообще болѣе или менѣе точно жизнь Алексѣя Алексѣича, несмотря на то, что, кажется, не было чело-вѣка во всемъ нашемъ петербургскомъ кружкѣ, который не былъ бы въ пріятельствѣ съ нимъ? Знала, можетъ быть, немного больше прочихъ его старинный другъ княгиня. А всѣ прочіе знали только то, что днемъ у Алексѣя Алексѣича служба, дѣла, дѣловые завтраки, засѣданія, что по вечерамъ онъ не пропускаетъ ни одной театральной премьеры, ни одного по-

рядочнаго концерта, — музыку онъ дѣйствительно любилъ и весьма понималъ, — а ночью непременно гдѣ-нибудь ужинаетъ — у Кюба, на Островахъ, у знакомыхъ, — такъ что всѣ, бывало, дивятся на него: и когда только успѣваетъ онъ спать?

— Какъ Чацкій, съ корабля на балъ, — сказалъ онъ вчера, входя въ людную и свѣтлую столовую, со своимъ обычнымъ слегка насмѣшливымъ выраженіемъ лица.

И, какъ всегда, едва только онъ показался и сказалъ это, всѣ встрѣтили его хоромъ радостныхъ восклицаній:

— А! Наконецъ-то!

И, съ безразличной улыбкой пожимая руки, раскланиваясь, онъ прошелъ къ своему мѣсту за столомъ, безразлично поцѣловалъ большую и жилистую руку своей сосѣдки княгини, засунулъ уголь салфетки за открытый жилетъ, взялся за бутылку и, какъ всегда, спросилъ:

— А вамъ, княгиня, позволите?

Княгиня отвѣтила:

— Пожалуйста. Только немножко.

И онъ возразилъ опять-таки такъ, какъ всегда возражалъ въ подобныхъ случаяхъ:

— Э, княгиня, что за счеты. Пить умереть и не пить умереть. Уподобимся, государыня моя, стрекочущу кузнецу, въ зленемъ знакѣ сушу. Въ мѣру и во благовременіи питіе вредить не можетъ. Лишь бы не упиваться до отвратности, — сказалъ онъ, не думая ни единой секунды о томъ, что говорить. — Лишь бы не сравняться съ пьяницей богомерзкимъ. Ибо что есть пьяница, по ученію мужей мудрыхъ? Оный пьяница.

аки болванъ, аки мертвецъ валяется, многожды бо осквернився, мокръ и нальяся, яко мѣхъ, до горла, не могій главы своей возвести, смрадомъ отрыгая отъ многого локанія.

— Не говорите гадостей, я ѣсть не могу, — сказала княгиня.

— Какъ, это поученія-то святыхъ отцовъ гадость? — сказалъ Алексѣй Алексѣичъ. — А еще въ Лавру, княгиня, каждый Божій день ѣдите!

— Нѣтъ такихъ поученій, это вы все сами выдумываете.

— Ничего-то вы, княгиня, не знаете, даже слушать страшно. Истинно, жена прелестная. А вѣдь что такое жена прелестная?

— Какая еще такая жена?

— А вообще жена. Что есть жена, сирѣчь женщина?

— Охъ, Алексѣй Алексѣичъ, и про жену уже тысячу разъ слышала.

— Слышали, а каждый разъ забываете. Жена, милая княгиня, есть святымъ обложница, змиино покоище, цвѣтъ дьявола, купница бѣсовская, сковорода подпечаяющая. И далѣе: что есть жена? Сѣть утворена прельщающи челоуѣки, свѣтлымъ лицомъ и высокими очима намизающи, ногами играющи.

— Боже, какой вздоръ. И что это значить — намизающи?

— А чортъ его знаетъ, я и самъ не знаю, милая княгиня. Вотъ «ногами играющи», это я понимаю.

— Перестаньте говорить глупости.

— А это не я говорю, это бѣсъ въ челоуѣкѣ гово-

рить. Ибо что есть человекъ? Въ человекѣ, какъ въсѣмъ сіе вѣдомо, есть восемь составовъ. . .

— И это знаю, и не трудитесь, пожалуйста, перечислять ваши составы.

— Нельзя, милая княгиня, и радъ бы не перечислять, да не могу. Отъ земли у человекѣ тѣло, и тотъ человекъ темень; отъ моря — кровь, и тотъ человекъ прохладенъ; отъ огня жаръ, и тотъ человекъ скупъ. . .

— И откуда только берется все это у васъ?

— Отъ прилежанія, государыня моя, оно же неистощимый, неупываемый кладезь мудрости. Но позвольте кончить. Отъ солнца у человекѣ очи, и тотъ человекъ богатыревать. . .

— Ничего не понимаю. Что это значить — богатыревать? Дайте-ка мнѣ лучше спичку.

— А вы думаете, я понимаю? — отвѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ, зажигая спичку и помогая княгинѣ закурить. — Отъ вѣтра у человекѣ дыханіе, и тотъ человекъ легкоумень, подобно вашему покорному слугѣ. Отъ облака мысль, и тотъ человекъ похотливъ. И наконецъ: отъ свѣта — свѣтъ, и тотъ человекъ не мыслить земного, а лишь небесная.

— Вы, конечно, отъ облака?

— Сирѣчь, похотливъ? Грѣхъ вамъ, княгиня, говорить такъ, будучи единственной причиной оной похоти. Вы же отлично знаете, что по отношенію ко всѣмъ прочимъ прелестницамъ я мыслю лишь небесная.

Княгиня легонько ударила его по рукѣ. Онъ вынулъ маленькій портсигаръ, плетеный изъ китоваго уса.

— Разрѣшите, разъ ужъ вы сами курите? И куренье конечно, не благо, дорогая моя, ибо который че-

ловѣкъ начнетъ дерзати табаку, то у того человѣка мозгъ крутится. . .

Такъ и въ такомъ родѣ, безъ конца и безъ умолку, говорилъ Алексѣй Алексѣичъ за ужиномъ. А за кофе, которое мы пили съ ликерами въ четвертомъ часу ночи, онъ уже слегка осовѣлъ, сидѣлъ съ вялой усмѣшкой на устахъ и опять приставалъ къ княгинѣ съ тѣмъ, что она уже тысячу разъ слышала и что, однако, ей ничуть не докучало, хотя она и дѣлала видъ, что сердится.

— Дитя! — говорилъ онъ: — али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тма и пагуба?

— Охъ, боюсь, Алексѣй Алексѣичъ, что хозяйка прикажетъ васъ вывести, — сказала княгиня.

— А за что же, позвольте спросить, она прикажетъ меня вывести? — слегка жалостно возразилъ Алексѣй Алексѣичъ. — Вѣдь это же прекрасное старинное русское слово, коимъ наши отцы и дѣды не токмо въ самомъ высшемъ свѣтѣ, но даже и при дворѣ не гнушались. Ничего-то вы, княгиня, не знаете, даже страшно. Вѣдь это слово у самого протопопа Аввакума въ его житіи пишется, а ужъ на что сурьезный былъ мужикъ этотъ протопопъ. Мы, сказано тамъ. . .

— Довольно, довольно, Алексѣй Алексѣичъ, — сказала княгиня. — Вѣрю и безъ дальнѣйшихъ примѣровъ. И перестаньте пить и ѣдемъ, смотрите, какіе у васъ мѣшки подъ глазами.

— Слушаюсь и повинуюсь, — отвѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ. — Но повинуюсь не мгновенно, а лишь черезъ четверть часа. Ровно черезъ четверть часа, государыня моя. Скоро сказка сказывается, да не скоро

дѣло дѣлается, поспѣшай не торопясь, какъ совѣтуетъ Кузьма Прутковъ. . .

Кончилось тѣмъ, что, по обыкновенію, вернулся домой и заснулъ Алексѣй Алексѣичъ только въ семь часовъ, когда въ его кабинетѣ на Конюшенной уже синѣлъ грязный утренній сумракъ. А проснулся послѣ полудня, часу во второмъ, и проснулся, по свидѣтельству его слуги, какъ-то внезапно, сразу, раскрывъ глаза съ испугомъ. Нѣкоторое время послѣ этого онъ лежалъ безъ всякаго движенія, глядя въ стѣну передъ собою, потомъ позвонилъ и приказалъ подать себѣ сельтерской воды. А выпивъ воды, попросилъ помочь ему одѣться, а потомъ — позвать извозчика и, когда доложили, что извозчикъ готовъ, вышелъ изъ дому и поѣхалъ къ Потѣхину. . .

Потѣхинъ! Потѣхинъ-то, конечно, и виноватъ во всемъ. Вообще, что такое эти визиты къ докторамъ, сидѣніе у нихъ въ пріемной, ожиданіе ихъ разспросовъ, изслѣдованій, рѣшеній, рецептовъ, совѣтовъ! Какой это вообще ужасъ быть больнымъ! Вотъ человѣкъ вдругъ почувствовалъ, что дѣло его что-то не ладно, подозрительно. . . Онъ перемогается, тѣшится увѣрить себя, что это неладное есть нѣчто случайное, временное, что не стоитъ думать о немъ, не надо поддаваться ему, а самъ межъ тѣмъ думаетъ все чаще, поддается все больше — и наконецъ не выдерживаетъ, сдается, рѣшаетъ воззвать о помощи къ этому волхву, именуемому докторомъ, и либо съ трепетомъ ждетъ его у себя на дому или томится у него въ пріемной. . . Послѣднее, по моему, особенно ужасно!

Да, на домъ къ вамъ докторъ пріѣзжаетъ всегда съ большимъ опозданіемъ, а если вы ѣдете къ нему сами,

всегда-то онъ какъ нарочно занять съ другимъ больнымъ, требующимъ долгаго и серьезнаго осмотра, или гдѣ-то задержался. И вотъ вы сидите въ этой проклятой приемной, въ ея напряженной тишинѣ, гдѣ всякій почему-то боится вздохнуть, а если говорить, то шопотомъ, гдѣ такъ дьявольски медленно, важно, спокойно, дремотно отсчитываютъ время дорогіе мраморные часы на каминѣ, такъ безстрастно блещутъ картины на стѣнахъ и черная рояль у стѣны, возлѣ высокой таинственной двери въ докторское святилище, и такъ безжизненно стоитъ, каменѣть мебель въ чехлахъ вокругъ круглаго стола посреди комнаты. Вы сидите, измученный нетерпѣніемъ, вы ждете, подавленный васъ окружающимъ, ждущимъ молчаніемъ. Вы пытаетесь заняться истрепанными книгами, иллюстрированными журналами и проспектами, картинками санаторій, лежащими на кругломъ столѣ. Вы заставляете себя читать, осторожно перелистывая эти журналы и проспекты, разглядывая отели въ сосновыхъ и снѣжныхъ горахъ, виды ихъ салоновъ, столовыхъ, какихъ-то стеклянныхъ верандъ, уставленныхъ лонгшезами. . . Но, въ сущности, вы ровнымъ счетомъ ничего не видите и не понимаете, читая, перелистывая и разглядывая: васъ погружаетъ въ трансъ, въ идиотизмъ, въ какое-то подобіе летаргіи эта тишина, этотъ сложный и смутный шумъ обычной, будничной жизни города, которой нѣтъ ровно никакого дѣла до васъ, до вашихъ мукъ, болѣзней, смертей, которая течетъ себѣ и течетъ никогда не прерывающимся потокомъ гдѣ-то тамъ, за этими двойными, никогда, вѣрно, не открывающимися окнами. . .

Бѣдный Алексѣй Алексѣичъ тоже долженъ былъ

пережить не менѣ часа подобнаго томленія, дожидаясь Потѣхина, который будто бы былъ вызванъ куда-то на консультацію, а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, дрыхъ послѣ завтрака въ своихъ дальнихъ, семейныхъ покояхъ.

Пожилая и аккуратная, точно какая-нибудь класная дама, горничная безшумно отворила ему дверь, помогла раздѣться и очень сдержанно сказала:

— Пожалуйста обождать въ приѣмной. Докторъ экстренно вызванъ на консиліумъ. . .

И Алексѣй Алексѣичъ вошелъ въ пустую приѣмную и покорно сѣлъ въ кресло возлѣ круглаго стола ждать рѣшенія своей участи.

Что онъ чувствовалъ, что онъ думалъ, сидя въ этомъ роковомъ креслѣ?

Конечно, то же самое, что и всѣ мы, грѣшные, чувствуемъ и думаемъ въ подобныхъ случаяхъ. Сидѣлъ, цѣпенѣлъ, тупо глядѣлъ передъ собою, задавалъ себѣ разные глупые вопросы. . . Вотъ рояль и на ней груды нотъ, — все, что полагается: и Моцартъ, и Бетховенъ, и Глинка. . . Но когда и кто играетъ на этой рояли? Очень возможно, что никто и никогда. Вотъ люстра въ кисейномъ коконѣ, подвѣски которой тихо звенятъ отъ продвигающихся по улицѣ ломовыхъ телѣгъ, нагруженныхъ чѣмъ-то очень тяжкимъ. . . Зажигается ли когда-нибудь эта люстра? Бываютъ ли въ этой гостиной обыкновенные, а не больные люди, то-есть друзья, знакомые доктора, и вообще живетъ-ли докторъ когда-нибудь не докторской, а своей личной, простой жизнью? Вотъ огромная картина въ десятипудовой золотой рамѣ, возвышающаяся надъ роялью: грозно и великолѣпно синѣтъ дикое ущелье, съ шумомъ клу-

бится, несется пѣнно-зеленый горный потокъ, сумрачно и величаво дымятся облаками скалистыя и снѣжныя вершины горъ. . . Чья это картина, какъ и зачѣмъ она попала въ доктору, что общаго у него съ этимъ ущельемъ? Ущелье синѣетъ и синѣетъ, потокъ, нагоняя дремоту, шумить и шумить — неужели это такъ и будетъ изо дня въ день, изъ году въ годъ, пока будетъ жить и принимать докторъ? Докторъ отдыхаетъ отъ своихъ вѣчныхъ пріемовъ и заботъ о чужихъ болѣзняхъ, вѣрно, только въ августѣ. . . Гдѣ же именно? На Кавказѣ, въ Швейцаріи, то-есть опять-таки гдѣ-то тамъ, гдѣ синія ущелья и пѣнно-зеленые потоки? Но на кой чертъ ему они?

И потѣхинская горничная говоритъ, что слышала, какъ Алексѣй Алексѣичъ будто бы вдругъ громко сказалъ:

— Намъ, государь мой, уже давнымъ давно наплевать на всѣ эти красоты съ высокаго дерева!

Онъ, конечно стучалъ пальцами по столу, съ мукой глядѣлъ на часовую стрѣлку, приближавшуюся къ тремъ, иногда нарочно кашлялъ, въ надеждѣ, что въ кабинетѣ что-нибудь скрипнетъ въ отвѣтъ на этотъ кашель, — въ консультацію онъ ни минуты не вѣрилъ, но высокая дверь кабинета была все такъ же неподвижна и заповѣдна, и, конечно, ему ужъ начинало казаться, что онъ и во вѣки не дождется той желанной минуты, когда эта дверь внезапно пріоткроется и Потѣхинъ съ нарочитой сухостью и, разумѣется, не глядя на пациента, скажетъ: «Пожалуйте!»

Однако, дверь эта (и какъ разъ въ ту минуту, когда у Алексѣя Алексѣича лопнуло уже всякое терпѣніе)

вдругъ пріотворилась, — и судьба Алексѣя Алексѣича была рѣшена. . .

Потѣхинъ! Боже, какъ смалодушествовалъ Алексѣй Алексѣичъ, допустивъ себя такъ по-дѣтски увѣровать въ эту тупицу! Ибо что такое Потѣхинъ? Человѣкъ неуклюжій, сутулый, нарочито грубый; съ грубыми, простонародными чертами лица, съ крупными свинцовыми волосами, съ тяжелымъ и недружелюбнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ; неизмѣнно медлительный и до наглости самоувѣренный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не могущій взглянуть вамъ въ лицо прямо, то и дѣло густо краснѣющій отъ угрюмой семинарской застѣнчивости. . . А потомъ эта манера защищать себя отъ своего простого происхожденія частымъ и рѣзкимъ упоминаніемъ о немъ! Это убѣжденіе, что вслѣдствіе такого происхожденія онъ будто бы имѣетъ передъ вами какія-то преимущества, какое-то право на высокомеріе! Это бахвальство, когда разговоръ заходитъ, напримѣръ, о музыкѣ, о стихахъ, о живописи, особенно новой!

— Ну, здѣсь я умываю руки, — грубо говоритъ онъ въ такихъ случаяхъ. — Я въ этомъ сущій профанъ. По-моему, это не картина, а яичница съ лукомъ, не стихи, а рубленая проза, которую съ одинаковымъ удобствомъ можно читать и съ конца. Но что жъ, вамъ и книги въ руки: весьма охотно допускаю, что это геніально, замѣчательно. . .

И вотъ передъ такимъ-то мудрецомъ и смалодушествовалъ нашъ бѣдный Алексѣй Алексѣичъ.

Разговоръ въ кабинетѣ Потѣхина былъ короткій:

— Здравствуйте, Алексѣй Алексѣичъ. Садитесь, пожалуйста. На что изволите жаловаться?

— Да какъ вамъ сказать, — началъ Алексѣй Алексѣичъ, тщетно пытаясь быть тѣмъ самымъ собою, которымъ онъ былъ всю жизнь и который въ этотъ день вдругъ почему-то точно сквозь землю провалился. — Уже давно замѣчаю, что какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ мои, такъ сказать, сердечныя дѣлишки, а вотъ нынче утромъ и совсѣмъ сдрефилъ: схватило, понимаете-ли, такъ, что душа въ пятки ушла. Пустяки, конечно, но все же почель за благо явиться передъ ваши пресвѣтлыя очи. . .

— Прекрасно. Годочковъ-то вамъ сколько?

Алексѣй Алексѣичъ отвѣтилъ, все еще стараясь шутить, что во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ «тридцать тли», потомъ сказалъ серьезно, и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. Наклонивъ свою свинцово-густоволосую голову и не глядя на Алексѣя Алексѣича, началъ Потѣхинъ сухо спрашивать, не спѣша записывать, потомъ сказалъ еще суше и неприязненнымъ:

— Раздѣньтесь, пожалуйста. . .

И Алексѣй Алексѣичъ покорно, даже какъ-то угодливо, униженно, торопливо и очень неловко сталъ трясущимися руками стаскивать съ себя пиджакъ, жилетъ, развязывать галстухъ, отстегивать запонки. . . Потомъ онъ то сидѣлъ, то стоялъ, то глубоко дышалъ, то совсѣмъ не дышалъ, чувствуя, что вотъ-вотъ упадетъ отъ головокруженія, лежалъ во всяческихъ позахъ на скользкой простынѣ на холодномъ клеенчатомъ диванчикѣ. . . Наконецъ, Потѣхинъ и самъ измаялся. Помолчалъ, глядя въ потолокъ, еще немного помялъ бѣлый животъ Алексѣя Алексѣича своими большими мягкими пальцами уже неизвѣстно зачѣмъ, оче-

видно, только въ силу привычки мять животы, потомъ всталъ и, еще больше нахмурясь, сѣлъ за столъ и въ мертвой тишинѣ сталъ писать рецептъ, межъ тѣмъ какъ Алексѣй Алексѣичъ, раздавленный столь неожиданнымъ-зловѣщимъ поведеніемъ Потѣхина, съ постыдной нарядливостью и поспѣшностью приводилъ себя въ порядокъ.

— Ну, что же, докторъ, что скажете? — спросилъ онъ, наконецъ, съ усмѣшкой. — Дрянъ дѣло?

И Потѣхинъ отвѣтилъ, не поднимая головы:

— Дрянъ, не дрянъ, но не скрою — неважно.

— Сердце?

— Оно самое.

— Ну, годикъ-то еще попрыгаю? — опять сдѣлалъ попытку пошутить Алексѣй Алексѣичъ. — Я, откровенно говоря, этой самой любви къ жизни, сладкой привычкѣ бытія не весьма приверженъ, поелику почитаю оное сплошнымъ свинымъ корытломъ. . . Не обураваемъ равнымъ образомъ и гамлетовскими терзаніями на счетъ того, что ждетъ насъ тамъ, на противоположныхъ берегахъ рѣки, Стиксомъ именуемой. Но все же, знаете, какъ то не того. . . не хочется спѣшить выправлять подорожную въ мѣсто злочно и блаженно, иде же несть ни печали, ни воздыханія, а скука зеленая да шесть породъ червей, кои будутъ трапезовать новопреставленнымъ рабомъ ихъ. Такъ ужъ вы скажите мнѣ, дорогой мой, участь мою безъ лицепріятія, а то я просто на извозчикѣ околѣю отъ неизвѣстности. . .

И Потѣхинъ, дописавъ и расчеркнувшись, отвѣтилъ съ истинно хамской безпощадностью:

— Я пророчествами не занимаюсь. . .

Умеръ Алексѣй Алексѣичъ, какъ вы знаете, именно на извозчикѣ, по дорогѣ домой, и конечно, вовсе не отъ неизвѣстности, а какъ разъ наоборотъ. Вотъ тебѣ и «стрекочущу кузнецу», и Кюба, и Острова, и ужины у друзей-пріятелей! И ни одна-то душа изъ этихъ друзей-пріятелей черезъ два-три дня даже и не вспомнить о немъ. Даже и на похоронахъ-то будутъ думать только объ одномъ: какъ бы покурить поскорѣй!

1927.

ИСТОРИЯ СЪ ЧЕМОДАНОМЪ

Начинается эта ужасная история весело, просто и гладко.

Дѣло происходитъ въ доброе старое время, однажды весною.

Я молодъ, безпечень, легковѣренъ, живу въ Москвѣ и собираюсь въ свое первое путешествіе въ Турцію, что, конечно, еще больше меня окрыляетъ, дѣлаетъ особенно легкимъ въ рѣшеніяхъ, въ поступкахъ, въ довѣріи къ жизни.

И вотъ наступаетъ день моего отъѣзда, я начинаю укладывать вещи, вижу, что мой прежній чемоданъ слишкомъ малъ, истрепанъ и отправляюсь въ Англійскій магазинъ, на Кузнецкій, чтобы купить новый, большой, прочный.

Что такое чемоданъ? Это ближайшій, интимнѣйшій другъ человѣка, — по крайней мѣрѣ, въ дорогѣ, — выборъ котораго требуетъ, значить, немалого ума, расчета, опытнаго и зоркаго глаза, способности многое предвидѣть, взвѣсить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическимъ вкусамъ, пренебреженіе къ которымъ можетъ

иной разъ сдѣлать самую практичную покупку ненавистой. Что до чемодана, о которомъ идетъ эта повѣсть, то я купилъ его совсѣмъ иначе: внѣ всякихъ мудрыхъ правилъ, изложенныхъ выше, безъ думъ и размышлений, съ небрежнѣйшей быстротой, однако-жъ на рѣдкость удачно. Такъ, во всякомъ случаѣ, казалось сначала — и не безъ основаній: чемоданъ на первый взглядъ былъ безупреченъ.

Я до сихъ прѣ отлично помню, какъ произошла эта покупка. Я вошелъ въ магазинъ бодро, живо, съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, съ какимъ всегда входишь въ магазинъ дорогой, богатый и потому спокойный, просторный, красивый, а главное, знакомый, гдѣ тебя не только давно знаютъ, но, какъ кажется, и любятъ, гдѣ продавцы, похожіе на людей изъ хорошей гостинной, встрѣчаютъ тебя какою-то такой улыбкой, что тебѣ вдругъ дѣлается очень лестно и ты мгновенно становишься фатомъ, спѣша притвориться тѣмъ именно свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, держаться которымъ тотчасъ заставляетъ тебя уже одна эта улыбка. Я, помню, отвѣчая на поклоны, засунувъ въ лѣвый карманъ пальто набалдашникъ трости, конецъ которой торчалъ у меня за плечомъ, быстрымъ шагомъ прошелъ по коврамъ, по разнымъ отдѣленьямъ магазина, мелькомъ хвастнулъ, что уѣзжаю надолго, далеко, и, войдя въ дорожное отдѣленье, кивнулъ головой на первый попавшійся чемоданъ прекрасной смуглой кожи, не спросивъ даже, что онъ стоитъ, — только приказавъ отправить его вмѣстѣ со счетомъ въ мой номеръ въ «Лоскутной.» Я сразу, конечно, замѣтилъ, что въ своемъ фатовствѣ слегка зарвался, — что цѣна чемодана, когда я объ ней узнаю, заставитъ меня ах-

нуть. Но эта мысль, это чувство тотчасъ исчезли въ сознаньи, что такой превосходной вещи у меня еще никогда не бывало, что я могу покрыть эту трату экономіей на прочихъ расходахъ. . . Взглядъ мой упалъ на этотъ чемоданъ совершенно случайно, но я имъ сразу восхитился — и не даромъ.

Повторяю: не въ примѣръ большинству покупокъ, столь плѣняющихъ въ лавкахъ, а дома, при ближайшемъ и спокойномъ разсмотрѣньи, приносящихъ чаще всего большое разочарованье, чемоданъ оказался и въ «Лоскутной» вполне достойнымъ восхищенья. Въ магазинѣ онъ такъ поразилъ меня своими замками, кожей и тѣмъ, какъ онъ вообще дивно сработанъ, что я, принужденный сдѣлать до отъѣзда еще кое-какія покупки, ужасно торопился какъ можно скорѣе воротиться домой, спѣшилъ какъ на любовное свиданье. А онъ былъ уже тамъ, въ «Лоскутной», какъ бы ждалъ моего прихода, спокойно лежа въ номерѣ на диванѣ, весь обернутый толстой синей бумагой и увязанный тонкой и крѣпкой бичевкой. Я наконецъ пріѣхалъ, вбѣжалъ въ номеръ и кинулся къ дивану. Я быстро перерѣзалъ бичевку, разметалъ бумагу — и вотъ мой новый другъ и спутникъ предсталъ предо мной во всемъ своемъ блескѣ: большой, тяжелый, прочный, ладный, съ этимъ удивительнымъ лоскомъ новой великолѣпной кожи, съ зеркально-бѣлыми замками, благородно-пахучій, атласно-скрипящій. . . Легко себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я его раскрылъ, раскинулъ, увидалъ его дѣвственныя нѣдра, большой карманъ темно-краснаго сафьяна съ исподу верхней половины!

Такъ радовалъ онъ меня и всю дорогу до Одессы. Я все время наслаждался чувствомъ своего обогаще-

нья, мыслью о томъ, чѣмъ я обладаю. Сажу въ вагонъ-ресторанъ за обѣдомъ, лечу и мотаюсь, расплескивая, наливаю красное бордо въ низкій и толстый стаканъ, гляжу на столы, на сосѣдей, на тотъ веселый, пестрый блескъ, что присущъ всѣмъ вагонамъ-ресторанамъ, потомъ пью кофе и курю жаркую и сладкую сигару, а самъ мысленно вижу свое купе съ уже раскрытой постелью, лампочку подъ розовымъ абажуромъ на столикѣ возлѣ постели — и его, мою гордость: лежитъ себѣ въ оттянувшейся сѣткѣ, плотно набитый всѣмъ мнѣ необходимымъ, качается и дремлетъ, мчитъ-ся вмѣстѣ со всѣми нами въ Кіевъ, въ Одессу! Возвращаясь въ купэ послѣ обѣда, выпиваю нарзану, слегка задыхаюсь отъ его стеклянно-колючихъ иголокъ, раздѣваюсь, тушу свѣтъ, засыпаю — и опять та же мысль, то же чувство: ночь, вагонъ, темнота, все летитъ, рветъ, скачетъ, а онъ тутъ, онъ со мной, въ этой сѣткѣ. . . Я чувствовалъ къ нему даже какую-то благодарность!

Ну-съ, а затѣмъ мы пріѣхали съ нимъ въ Кіевъ, пересѣли въ другой поѣздъ, тоже ночной, курьерскій, а утромъ проснулись уже подъ Одессой, въ то время, когда весь вагонъ умывался, одѣвался, пилъ чай и кофе, что несли по поѣзду лакеи. . . Въ Одессѣ мы остановились въ «Петербургской», онъ, то есть, чемоданъ, полежалъ въ вестибюлѣ, а я съѣздивъ въ парходную контору, потомъ позавтракалъ въ ресторанѣ «Петербургской» жареной глосью, запивая ее бѣлымъ виномъ Кристи, и, расплатившись по счету и вновь соединившись съ чемоданомъ, поскакалъ въ Карантинную Гавань. . . Пароходъ уже готовился къ отходу. Онъ оказался старый, видавшій виды, низкій, съ тя-

желой кормою, съ глубокой посадкой, — значить, подумалъ я, покойный, не валкій. Былъ онъ пріятень и тѣмъ, что былъ совсѣмъ почти безлюдень, — только подъѣхало въ самую послѣднюю минуту еще два пассажира перваго класса, какой-то ксендзь и въ траурѣ худая дама, изъ посольскихъ, — такъ что въ нашемъ съ чемоданомъ распоряженіи оказалась цѣлая большая каюта. Тамъ чемоданъ легъ на верхней койкѣ, а я расположился на нижней. Вскорѣ послѣ того пошелъ надъ нами топотъ матросовъ, подъ бортами зашумѣло, забурило, слышались свистки, команда, треньканье телеграфа изъ вахтенной рубки въ машину, набережная стала отъ бока парохода отдѣляться. . . На закатѣ мы были уже далеко въ морѣ, и я не запомню столь ровнаго, безмятежнаго хода, какимъ шли мы весь вечеръ, а потомъ въ мягкой тѣмѣ морской ночи съ теплымъ и все крѣпнущимъ вѣтромъ. Надышавшись имъ на ютѣ, я, часовъ въ десять, былъ уже въ койкѣ и сталъ погружаться въ сладкую дремоту, медленно опускаясь и поднимаясь вмѣстѣ съ нею, валясь то на правый бокъ, то на лѣвый, временами шумно покрываясь цѣлымъ водопадомъ вдругъ откуда-то ударившей въ стѣну волны, временами же ровно, тихо дрожа на слегка стучащей дрожи работавшей гдѣ то въ глубинѣ машины. . . какъ вдругъ, какъ разъ въ ту самую минуту, когда я ужъ совсѣмъ было исчезъ куда-то, меня вознесло, какъ на качеляхъ, потомъ метнуло книзу и оглушило такимъ громомъ, что я дико сорвался съ койки — въ полномъ убѣжденіи, что пароходъ налетѣлъ на что-то, что сейчасъ въ каюту хлынетъ море, — и получилъ такой страшный ударъ въ ноги, что ринулся внизъ головой, подъ ре-

душій умывальникъ, но, по счастью, не успѣлъ его достигнуть, ибо полъ за мной внезапно провалился, и я снова покотился къ койкѣ, снова наступаемый какимъ-то громомъ. . . И пошла, пошла потѣха!

Дѣло было ясно: страшная качка! Но этотъ громъ, грохотъ? Этотъ ударъ въ ноги? Чѣмъ это меня такъхватило? Страшнѣй всего было мгновенье ожиданія новаго удара, пока я катился къ койкѣ. Тутъ я однако изловчился, упалъ въ койку грудью и, поймавъ на переборкѣ какую-то кнопку, освѣтилъ каюту. Что-жъ оказалось? Въ шумѣ волнъ, въ свистѣ вѣтра, въ скрипѣ переборокъ, по полу бѣшено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое! Что? Но чемоданъ, конечно! Это онъ оглушилъ меня громомъ, брякнувшись съ верхней койки объ-полъ, потомъ чуть не перебилъ мнѣ ноги. . . Теперь, на свободѣ, онъ носился по каютѣ, какъ угорѣлый. Онъ точно мстилъ кому-то за всю ту покорность, съ которой онъ долженъ былъ лежать всю дорогу въ сѣткахъ, притворяться моей вещью, бездушнымъ чемоданомъ. Онъ вдругъ ожилъ и бѣсовски разыгрался: гладкій, скользкій, тяжелый, какъ булыжникъ, набитый мной до круглоты, до отказа, какъ говорятъ нынче, онъ, въ дикомъ и рѣзвомъ весельѣ, то мчался на меня, на койку и билъ лбомъ въ ножку койки, то, подпрыгнувъ, кубаремъ летѣлъ подъ умывальникъ, а оттуда къ двери, а отъ двери подъ иллюминаторъ. . . Умывальникъ, мотаясь, какъ пьяный, задыхался, отчаянно ловилъ своей дырой воздухъ, клокоталъ и захлебывался ревомъ, переборки трещали, скрипѣли, иллюминаторъ то и дѣло падалъ своимъ чернымъ стекломъ въ налетавшія волны, которыя, взвиваясь, били въ него густой, мутной слюной, текли

ея мерзкими разводами, кружевами, а чемоданъ стервенѣлъ все больше и больше, ничуть себя не жалѣя, дралъ свою дивную кожу, съ яростью бился замками и углами обо что попало. . . Надо было немедля кинуться на этого безумца, подмять подъ себя, притиснуть къ полу, забить подъ койку! И вотъ я опять сорвался съ койки и упалъ на него всѣмъ тѣломъ. Но тутъ полъ за мной опять рухнулъ, впереди-же всталъ дыбомъ — и чемоданъ быстро выскользнулъ изъ подъ моего тѣла, крѣпко далъ мнѣ въ темя и, крутясь, грохоча, самъ понесся подъ койку. Я мгновенно перевернулся и уже готовъ былъ вбить его туда однимъ ударомъ, но онъ вдругъ подпрыгнулъ, какъ мячикъ, взвился и понесся къ двери, а я угодилъ какъ разъ туда, куда его мѣтилъ, — подъ желѣзную сѣтку койки, страшно ободравшую мнѣ плечи. . .

Продолжать-ли рисовать эту гнусную битву? Ей не было конца и края. Я тоже потерялъ разсудокъ, тоже остервенился. Сперва я еще думалъ, что все это только игра моего воображенья, — что чемоданъ мнѣ только показался живымъ, одушевленнымъ; я сначала испугался лишь корыстно, — того, что онъ весь избежитъ, обдерется, кинулся къ нему, въ сущности, на помощь, чтобы облегчить ему возможность гдѣ-нибудь приткнуться, задержаться. . . Но нѣтъ, онъ вовсе не былъ лишь игрушкой, забавой волнъ и вѣтра, бессмысленной вещью, безвольно вверхъ и внизъ летавшей вмѣстѣ съ каютой! Онъ, видимо, сознательно былъ счастливъ всѣмъ этимъ адомъ качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на полъ и пуститься въ свои бѣснованья, раззадорить меня ими, вовлечь въ схватку и начать нещадно гвоздить по чемъ

попало. И если бѣ кто видѣлъ, сколь онѣ оказался ловокъ, прытокъ, изворотливъ, какъ мѣтки и ужасны были всѣ его удары, какой умной, сильной, злобной тварью онѣ вдругъ объявился! Но вѣдь и я былъ не изъ таковскихъ, что сдаются сразу. Я бился не на животъ, а на-смерть, руками и ногами, — и порой награждалъ его такими тумаками, что онѣ, не взвидѣвъ свѣта, взвивался чуть не на умывальникъ, у котораго все больше выворачивало душу отъ морской болѣзни. Я скрежеталъ зубами, — о, если бы помощь! Но кто же могъ помочь мнѣ? Кричать — верхъ позора, да и кто-бы отозвался? — Не спали лишь тамъ, на вахтѣ! Я задыхался, обливался потомъ, катаясь по каютѣ въ самомъ постыдномъ, растерзанномъ видѣ, молилъ Бога о кинжалѣ: о, если бѣ кинжалъ — съ какимъ упоеньемъ я всадилъ бы его въ бокъ этой твари! Но какой кинжалъ, откуда? Да и что ему кинжалы!

Кончилось все же моимъ бѣгствомъ. — «Будь ты проклятъ! — крикнулъ я ему подъ утро. Носись, взвивайся, грохочи тутъ сколько хочешь!» — И, кое-какъ одѣвшись, выскочилъ вонъ изъ каюты.

Наверху былъ холодъ, ледъ, пустыня, буря, палубу то и дѣло крыло пѣнными и шумными хвостами крепко пахнущаго мокрымъ бѣльемъ моря. Я жадно хваталъ грудью свѣжій воздухъ, стоялъ, мотался, хватаясь за притолоку рубки. Уже стихало и свѣтало. Бортъ передо мной летѣлъ въ лиловѣющее облачное небо, а небо куда-то прочь, въ бездну, потомъ вдругъ открывалась и отвѣсно неслась прямо на меня равнина моря, — зелено-сѣдого, изрытаго ухабами, горами, съ которыхъ дымомъ, мятелью гнало пыль пѣны. Я метнулся изъ рубки на холодный вѣтеръ или, говоря

поэтичнѣй, въ ледяныя крылья бури — и, съ безобразно вздутымъ картузомъ въ одинъ зигзагъ перелетѣлъ къ юту, ютъ въ тотъ-же мигъ взвился вверхъ своимъ широкимъ задомъ, все остальное, вся та неуклюжая тяжесть, что была впереди, подо мной, — палуба, рубка, труба и отчаянно вопіящія снасти, — повалилось къ носу, поклонилось морю и по плечи, по горло, съ мучительнымъ наслажденьемъ, въ него погрузилось, и я увидѣлъ, какъ мала и несчастна наша старая черная баржа въ этомъ огромномъ и дикопустынномъ водномъ кругѣ, высоко затоплявшемъ горизонты, охваченномъ лохматымъ небомъ. Но что мнѣ было до всей этой картины! Я, видя, что все таки стихаетъ, что близится утро, стискивалъ зубы, бормоталъ злорадно, сладострастно (чемодану, конечно):

— Ну, погоди, погоди-же!

А въ сущности, что я могъ ему сдѣлать?

1931.

ЛАНДО

У смерти все свое, особое.

Возлѣ воротъ дачи стоитъ огромное старое ландо, пара черныхъ большихъ лошадей: пріѣхалъ изъ города хозяинъ дачи. Что-то необычное, чрезмѣрное въ этомъ ландо и въ этихъ лошадяхъ. Почему? Оказывается, что лошадей и ландо далъ хозяину дачи его пріятель, содержатель бюро похоронныхъ процессій. Кучеръ, сидѣвшій на козлахъ, сказалъ:

— Это ландо изъ *погребательной* конторы.

И, въ довершеніе всего, черная борода кучера имѣетъ цвѣтъ сухой ваксы: крашеная.

1930.

УБИЙСТВО

Домъ съ мезониномъ, въ Замоскворѣчьи. Деревянный. Чистыя стекла, окрашенъ хорошей синеватой краской. Передъ нимъ толпа и большой автомобиль, казенный. Двери подъезда открыты — виденъ на лѣстницѣ коврикъ, сѣрый, съ красной дорожкой. И вся толпа смотритъ туда съ восхищеньемъ, слышенъ пѣвучій голосъ:

— Да, милья, убила! Вдова, молодая... Любила его, говорятъ, до страсти. А онъ только на ея достатокъ лѣстился, гулялъ съ кѣмъ попало. Вотъ она и пригласила его къ себѣ на прощанье, угощала, виномъ поила, все повторяла: «Дай мнѣ на тебя наглядѣться!» А потомъ и всадила ему, хмельному, ножъ въ душу...

Открылось окно въ мезонинѣ, чья-то рука въ бѣлой военной перчаткѣ дала знакъ автомобилю. Машина зашумѣла, народъ раздался. И вотъ она показалась — сперва стройныя ноги, потомъ полы собольей накидки, а потомъ и вся, во всемъ своемъ нарядѣ — плавно, точно къ вѣнцу, въ церковь, стала спускаться внизъ по ступенькамъ. Бѣла и дородна — старой купеческой крови — черные глаза и черныя брови, голова откры-

та, причесана гладко, съ прямымъ пробормъ, въ ушахъ качаются, блещутъ длинныя серьги. Лицо спокойно, ясно, на губахъ ласковая улыбка — ко всему народу. . . Вошла въ машину, сѣла, за ней вошли власти, человекъ въ ловкой шинели строго и недовольно глянулъ на любопытныхъ; хлопнула дверца, машина сразу взяла съ мѣста. . .

И всё, глядя вслѣдъ, съ восхищеньемъ:

— И-ихъ, покатали, помчали!

1930.

ОБРЕЧЕННЫЙ ДОМЪ

Одинъ изъ тѣхъ зимнихъ мокрыхъ дней, ледяныхъ и темныхъ, когда нѣтъ на свѣтѣ города отвратительнѣй Москвы. И уже вечерѣтъ. Иду вверхъ по Большой Никитской и вижу: впереди, возлѣ стараго двухъ-этажнаго дома, кучками чернѣтъ на тротуарѣ и на улицѣ народъ. Что такое? Издали замѣтно что-то особенное въ томъ, какъ эти люди глядятъ на домъ, подходятъ къ витринѣ часового магазина въ его нижнемъ этажѣ и о чемъ-то переговариваются, не обращая вниманія на капли съ крыши и снѣжныя лужи подъ ногами. Ускоряю шаги и спрашиваю, что случилось? Оказывается, опять попадаю на убійство: часовщика, одиноко жившаго тутъ надъ своимъ магазиномъ, нашли нынче поутру мертвымъ — лежитъ на полу съ проломленной головою, весь подплылъ кровью. . . Кто убилъ — никто не знаетъ: будто бы какой-то большой черный мужчина, часовъ въ семь утра пробѣжавшій тутъ съ топоромъ въ рукѣ. Зачѣмъ и почему — тоже неизвѣстно: изъ вещей у часовщика ничего не взято, а денегъ у него, говорятъ, не было. . . Съ удивленіемъ осматриваю этотъ давно знакомый мнѣ домъ: какъ же это никогда до сихъ поръ не приходило мнѣ въ голо-

ву, что въ такомъ домѣ непременно должно было совершиться убійство? Эти линючія стѣны, эта ржавая вывѣска надъ витриной, это мрачное и загадочное выраженіе черныхъ оконъ вверху. . . Подхожу и себѣ къ витринѣ: внутри темнаго магазина видны старинные часы, узкіе, высокіе, краснаго дерева, бронзовый маятникъ которыхъ (въ видѣ двухъ обнявшихся влюбленныхъ) медленно поблескиваетъ, тихо и мѣрно ходитъ изъ стороны въ сторону. . . Потомъ смотрю на запертую на замокъ дверь магазина, подъ которую натекала съ тротуара свинцовая вода, и вспоминаю то, что не разъ видѣлъ утромъ, проходя мимо: какъ этотъ часовщикъ, пожилой, невзрачный человекъ въ шубкѣ съ вытертымъ бобровымъ воротникомъ отворялъ свой магазинъ, и на него тоже капало съ крыши и съ вывѣски. . .

Сумерки, лужи, грязные сугробы, впереди, вдоль пустой улицы, могильно горятъ рѣдкіе фонари. . .

1930.

ИДОЛЬ

Какъ всегда зимой, въ московскомъ Зоологическомъ саду было и въ ту зиму людно, оживленно: на каткѣ съ трехъ часовъ играла полковая музыка и туда шло и тамъ толпилось и каталось множество народу. А по дорогѣ на катокъ всѣ на минуту приостанавливались и любопытно глядѣли на то, что представлялось ихъ глазамъ въ одномъ изъ загоновъ возлѣ дороги: всѣ прочіе загоны, равно какъ и всякіе искусственные гроты, хижины и павильоны, раскинутые на снѣжныхъ лугахъ сада, были пусты и, какъ все пустое, печальны — всѣ странные звѣри и птицы, населявшіе садъ, зимовали въ теплыхъ помѣщеньяхъ, но этотъ загонъ не пустовалъ, и было въ немъ нѣчто еще болѣе необыкновенное, чѣмъ всякіе пеликаны, газели, утконосы: тамъ стоялъ эскимосскій чумъ, похаживалъ и порой билъ въ снѣгъ копытомъ тонкой ноги, что-то искалъ подъ нимъ большой бородатый буланый олень, гладкозадый и куцый, коронованный высокими и тяжелыми лопастями сѣрыхъ роговъ, — звѣрь мощный и весь какой-то твердый, жесткій, какъ все сѣверное, полярное, — а возлѣ чума, прямо на снѣгу, сидѣлъ, поджавъ подъ себя короткія скрещенныя ноги въ пѣгихъ

мѣховыхъ чулкахъ, торчалъ раскрытой головой изъ калянаго мѣшка оленьей шкуры не то какой-то живой идоль, не то просто женоподобный, безбородый дикій мужикъ, у котораго почти не было шеи, плоскій черепъ котораго поражалъ своей крѣпостью и густотой крупныхъ и прямыхъ смоляныхъ волосъ, а мѣдно-желтое лицо, широкоскулое и узкоглазое, своей нечеловѣческой тупостью, хотя какъ будто и смѣшанной съ грустью; и занимался этотъ идоль только тѣмъ, что съ трехъ часовъ до поздняго вечера сидѣлъ себѣ на снѣгу, не обращая вниманія на толпящійся передъ нимъ народъ, и отъ времени до времени давалъ представленіе: межъ его колѣнъ стояли двѣ деревянныхъ миски, — одна съ кусками сырой конины, а другая съ черной кровью, — и вотъ онъ бралъ кусокъ конины своей короткой ручкой, мокалъ ее въ кровь и совалъ въ свой рыбій ротъ, глоталъ и облизывалъ пальцы, всему прочему совсѣмъ не соответственные: небольшіе, тонкіе и даже красивые. . .

Въ ту зиму, въ числѣ прочихъ, ходившихъ на катокъ въ московскомъ Зоологическомъ саду и мимоходомъ смотрѣвшихъ на такую удивительную разновидность человѣка, были женихъ и невѣста, студентъ и курсистка. И такъ на весь вѣкъ и запомнились имъ тѣ счастливые дни: снѣжно, морозно, деревья въ Зоологическомъ саду кудряво обросли инеемъ, точно сѣрыми кораллами, съ катка долетаютъ такты вальсовъ, а онъ сидитъ и все суетъ себѣ въ ротъ куски мокраго и чернаго отъ крови мяса, и ничего не выражаютъ его темные узкіе глазки, его плоскій желтый ликъ. . .

СЛОНЪ

Худенькая, живоглазая дѣвочка, похожая на лисенка, необыкновенно милая отъ голубой ленточки, бантомъ которой схвачены на темени ея бѣлобрысые волосики, во всѣ глаза смотритъ въ звѣринцѣ на покатую шершавую громаду слона, тупо и величаво обращенную къ ней большой широколобой головой, лопухами облѣзлыхъ ушей, голо торчащими клыками и толстой, горбатой трубой низко висящаго хобота съ острымъ хоботкомъ и черно-резиновой воронкой на концѣ. Тонкимъ голоскомъ:

— Мама, отчего у него ноги распухли?

Мама смѣется. Но смѣется и самъ слонъ. Склоняя голову, уставясь лбомъ, смотритъ и онъ на дѣвочку, и въ его свиныхъ, раскосыхъ глазкахъ явно блещетъ что-то хитрое и веселое. Онъ отъ удовольствія весь раскачивается, начинаетъ волновать хоботъ — и вдругъ, въ трогательной беспомощности, въ полной невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутымъ изгибомъ взвиваетъ его кверху, показывая его исподнюю влажно-тѣлесную мякоть, рога обнаженныхъ клыковъ и нелѣпо-маленькій ротъ между ними, съ мучительнымъ наслажденіемъ катитъ изъ своихъ

страшныхъ нѣдръ глухой громъ, рокоть, потомъ мощно и радостно-глупо трубить на весь звѣринецъ.

А за обѣдомъ былъ праздникъ: прибавили цвѣтную капусту и были гости, — полнѣющая, но еще моложавая и красивая дама съ черноглазымъ мальчикомъ, очень молчаливымъ и внимательнымъ.

И мама рассказала о слонѣ и о томъ, какъ спросила дѣвочка о его ногахъ. И дѣвочка поняла, что она сказала смѣшно и что ею восхищаются, и стала изгибаться, вертѣть головкой, неожиданно и не въ мѣру звонко захохотала.

— Прелестный ребенокъ! — задумчиво сказала дама, безъ стѣсненія глядя на нее.

И она заболтала ногами и капризно повторила:

— Нѣтъ, мама, правда: отчего у него ноги распухли?

Но мама улыбнулась уже нарочно и заговорила съ дамой о чемъ-то другомъ, совсѣмъ неинтересномъ. И тогда, искоса поглядывая на мальчика, дѣвочка ерзула со стула, подбѣжала къ буфету и, чтобы опять обратить на себя вниманіе, стала пить воду прямо изъ горлышка графина, задыхаясь, булькая и обливая себя подбородокъ. А когда совсѣмъ облилась и захлебнулась, бросила и заплакала.

1930.

ТЕЛЯЧЬЯ ГОЛОВКА

Мальчикъ, лѣтъ пяти, веснушчатый, въ матроскѣ, тихо, какъ замороженный, стоитъ въ мясной лавкѣ: пала ушелъ служить на почту, мама пошла на рынокъ и взяла его съ собой.

— У насъ нынче будетъ телячья головка съ петрушкой, — сказала она, и ему представилось что-то маленькое, хорошенькое, красиво осыпанное яркой зеленью.

И вотъ онъ стоитъ и смотритъ, со всѣхъ сторонъ окруженный чѣмъ-то громаднымъ, краснымъ, до полу висящимъ съ желѣзныхъ ржавыхъ крючьевъ короткими обрубленными ногами и до потолка возвышающимся безголовыми шеями. Всѣ эти громады спереди зѣваютъ длинными пустыми животами въ жемчужныхъ слиткахъ жира, а съ плечей и бедеръ блещутъ тонкой пленкой подсохшаго тучнаго мяса. Но онъ въ оцѣпенѣннѣи смотритъ только на головку, которая оказалась лежащей прямо передъ нимъ, у входа, на мраморной стойкѣ. Мама тоже смотритъ и горячо споритъ съ хозяиномъ лавки, тоже огромнымъ и тучнымъ, въ грубомъ бѣломъ балахонѣ, гадко испачканномъ на животѣ точно ржавчиной, низко подпоясаннымъ широкимъ

ремнемъ съ болтающимися на немъ толстыми сальными ножнами. Мама споритъ именно о ней, о головкѣ, и хозяинъ что-то сердито кричитъ и тычетъ въ головку мягкимъ пальцемъ. О ней спорятъ, она же лежитъ неподвижно, безучастно. Бычій лобъ ея ровень, спокоень, мутно-голубые глаза полузакрты, крупныя рѣсницы сонны, а ноздри и губы такъ раздуты, что видъ имѣютъ наглый, недовольный. . . И вся она гола, сѣротѣлесна и упруга, какъ резина. . .

Затѣмъ хозяинъ однимъ страшнымъ ударомъ раскроилъ ее на двѣ половины и одну половину, съ однимъ ухомъ, съ однимъ глазомъ и одной толстой ноздрей, швырнулъ въ сторону мамы на хлопчатую бумагу.

1930.

РОМАНЪ ГОРБУНА

Горбунъ получилъ анонимное любовное письмо, приглашеніе на свиданіе:

— Будьте въ субботу 12 апрѣля, въ семь часовъ вечера, въ скверѣ на Соборной площади. . . Я молода, богата, свободна и — къ чему скрывать! — давно знаю, давно люблю васъ, вашъ гордый и печальный взоръ, вашъ благородный, умный лобъ, ваше одиночество. . . Я хочу надѣяться, что и Вы найдете, быть можетъ, во мнѣ душу, родную Вамъ. . . Мои примѣты: темносѣрый англійскій костюмъ, въ лѣвой рукѣ шелковый лиловый зонтикъ, въ правой — букетикъ фіалокъ. . .

Какъ онъ былъ потрясенъ, какъ ждалъ субботы: первое любовное письмо за всю жизнь! Въ субботу онъ сходилъ къ парикмахеру, купилъ новые ботинки, перчатки, галстухъ; дома, наряжаясь передъ зеркаломъ, безъ конца перевязывалъ этотъ галстухъ своими длинными тонкими пальцами, холодными и дрожащими; на щекахъ его, подъ тонкой кожей, разлился красивый пятнистый румянецъ, прекрасные глаза потемнѣли. . . Потомъ онъ сѣлъ въ кресло, — какъ гость, какъ чужой въ своей собственной квартирѣ, — и сталъ ждать ро-

кового часа. Наконецъ въ столовой важно, грозно пробило шесть съ половиной. Онъ сдержанно поднялся, не спѣша надѣлъ въ прихожей весеннее пальто и весеннюю шляпу, взялъ трость и медленно вышелъ. На улицѣ, однако, онъ уже не могъ владѣть собой — зашагалъ своими длинными и тонкими ногами быстро, со всей вызывающей важностью, присущей горбу, но внутренно весь трепеща — той робостью, страхомъ, съ которымъ всегда предвкушаемъ мы счастье. Но, когда достигъ цѣли, вошелъ въ скверъ возлѣ собора, вдругъ оцѣпенѣлъ на мѣстѣ: навстрѣчу ему, въ розовомъ свѣтѣ весенней зари, такими же важными и длинными шагами спѣшила въ своемъ темно-сѣромъ англійскомъ костюмѣ и хорошенькой шляпкѣ, похожей на мужскую, съ зонтикомъ въ лѣвой рукѣ и съ фіалками въ правой — горбунья.

1930.

МОЛОДОСТЬ

Студентъ былъ съ большимъ, ровнымъ носомъ, весь какъ будто деревянный, прямоугольный, высокій, носилъ длинный, широкоплечій сюртукъ темнозеленаго сукна, узкіе (совсѣмъ военные) панталоны со штрипками, щегольскіе николаевскіе ботинки. Студентъ былъ постояннымъ гостемъ, своимъ человѣкомъ во многихъ богатыхъ гостиныхъ, — всегда оживленный, готовый на любезность, на услугу, тѣло держащій въ постоянномъ наклонѣ впередъ, сіяющій гладкимъ проборомъ. Студентъ появлялся на первыхъ представленіяхъ въ театрахъ, а послѣ нихъ у Кюба, на ты сошелся — и такъ незамѣтно, просто — кое съ кѣмъ изъ золотой молодежи, бывающей тамъ. . .

Но вотъ пріѣхалъ въ Петербургъ его землякъ, товарищъ по пензенской гимназій, сталъ искать его съ настойчивостью провинціала: и оказалось, во-первыхъ, что живетъ студентъ Богъ знаетъ гдѣ, по Шлиссельбургскому шоссе. Добравшись туда, землякъ вошелъ въ глубочайшій дворъ громадныхъ кирпичныхъ корпусовъ, темно глядѣвшихъ несмѣтнымъ числомъ голыхъ оконъ, мелкихъ квартиръ. Онъ долго ходилъ, ища дворника, долго добивался на порогъ полуподземной дворницкой, гдѣ тутъ студентъ такой-то; и оказалось, во-вто-

рыхъ, что надо было спрашивать квартиру не студента, а вдовы такой-то, его матери, что студентъ живетъ при ней, равно какъ и его сестра, мужъ которой сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Послѣ этого товарищъ нашель наконецъ подъѣздъ номеръ девять, вѣрнѣе, просто черный ходъ, и безъ конца поднимался на седьмой этажъ по крутой и темной лѣстницѣ, на одной площадкѣ которой неподвижно сидѣли противъ черной кошки два сѣрыхъ кота: кошка была точно въ нарядномъ траурѣ, съ бѣлыми лапками и пушистой бѣлой грудкой, была чиста, сыта, ежилась уютно и спокойно, жмурилась небрежно, сонно, коты же были тощи, шершавы, сидѣли напряженно, поднявъ плечи, не сводя съ нея узкихъ, злыхъ глазъ, и было видно, что сидятъ они и кошка уже очень давно и могутъ просидѣть еще хоть сутки. А на седьмомъ этажѣ не сразу отворили, — послѣ звонка, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ квартирахъ, слышался за дверью женскій испуганный голосъ: «Мамаша, звонять!» и кто-то куда-то пробѣжалъ, чѣмъ-то прошлепалъ. Когда же отворили, гость очутился въ крохотной прихожей, передъ пожилой женщиной, которая, при всей своей наружной кротости, стала, однако, такъ, точно была готова на все, лишь бы не дать гостю шагнуть дальше. Это была женщина уже сѣдѣющая и вся какая-то мягкая.

— Что вамъ угодно-съ? — спросила она вѣжливо, но стойко.

И гость забормоталъ:

— Простите, здѣсь живетъ студентъ такой-то?

— Здѣсь. А позвольте спросить, вы къ нему по какому дѣлу?

— Я видите-ли, его землякъ, товарищъ по гимназїи. . .

— Но простите, я васъ что-то не помн. Я знала всѣхъ товарищей Вити, а вотъ васъ. . .

И тогда ребенокъ, который стоялъ, прятался за ея юбкой, закрывая лицо рѣшеткой пальцевъ, и сквозь пальцы пристально слѣдилъ за гостемъ, вдругъ кисло, нехотя и съ отвращеніемъ заплакалъ, продолжая, однако, слѣдить за нимъ. . .

А дальше оказалось, что живетъ студентъ въ комнатѣ удивительно узкой и длинной, притомъ такой холодной, что даже по воздуху въ ней видно было, какъ она холодна. Между двойными рамами ея единственнаго окна лежалъ толстый валь дымчатой, дешевой ваты, но это тепла не прибавляло. Зато порядокъ царилъ во всемъ рѣдкій: на полу ни пушинки, желѣзная койка прикрыта сѣрымъ жесткимъ одѣяломъ безъ единой складки, лекціи и книги — между ними французскій самоучитель Туссэна — лежать на столикѣ съ полнѣйшимъ соблюденіемъ симметріи, завѣтный широкоплечій сюртукъ, распяленный на деревянной распоркѣ, виситъ на стѣнѣ за чистой простынею, николаевскіе ботинки блещутъ подъ нимъ на колодкахъ. . .

И былъ студентъ дома вовсе не такой, какъ въ свѣтѣ, въ гостиныхъ: привѣтливъ, но сухъ, серьезно-грустенъ. И все поглядывалъ куда-то въ свое холодное окно. За окномъ же, съ семиэтажной высоты, было далеко видно: плоско бѣлѣли безконечныя снѣжныя пустыни, — нѣчто столь скучное, ненужное, что возможно только возлѣ Петербурга.

БЛАГОСКЛОННОЕ УЧАСТІЕ

Въ Москвѣ, — ну, скажемъ, на Молчановкѣ, — живетъ «бывшая артистка Императорскихъ театровъ.» Одинока, очень не молода, широкоскула, жилиста. Даетъ уроки пѣнія. И вотъ что происходитъ съ ней каждый годъ въ декабрѣ.

Однажды въ воскресенье, — положимъ, въ очень морозное, солнечное утро, — раздастся въ ея передней звонокъ.

— Аннушка! Звонятъ! — испуганно кричитъ она изъ спальни кухаркѣ.

Кухарка бѣжитъ отворять — и даже отступаетъ: такъ блестящи, нарядны гости — двѣ барышни въ мѣхахъ и бѣлыхъ перчаткахъ и франтъ студентъ, ихъ сопровождающій, насквозь промерзшій въ своей легкой шинелькѣ и тонкихъ ботинкахъ.

Гости долго ждуть въ холодной гостиной, янтарно озаренной сквозь морозные узоры оконъ, затѣмъ слышатъ быстрые шаги хозяйки и поспѣшно встаютъ ей навстрѣчу. Она очень взволнована, — знаетъ, въ чемъ дѣло, — густо напудрила лицо, надушила крупныя, костлявыя руки. . .

— Ради Бога, простите. господа, я, кажется, заста-

вила васъ ждать, — съ очаровательной улыбкой и самой свѣтской непринужденностью говоритъ она, быстро входя и съ трудомъ преодолевая сердцебіеніе.

— Это вы насъ простите за безпокойство, — съ отъѣвннй почитательностью перебиваетъ ее студентъ, кланяясь и цѣлуя ея руку. — Являемся къ вамъ съ усердной и покорнѣйшей просьбой. Комитетъ по устройству традиціоннаго литературно-вокально-музыкальнаго вечера въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ пятой московской гимназіи возложилъ на насъ честь ходатайствовать передъ вами о вашемъ благосклонномъ участіи въ этомъ вечерѣ, имѣющемъ быть на третій день рождественскихъ праздниковъ.

— Господа, если можно, увольте! — очаровательно начинаетъ она. — Дѣло въ томъ. . .

Но барышни нападаютъ на нее такъ дружно, горячо и лестно, что она не успѣваетъ сдѣлать даже этой слабой попытки отказаться, уклониться. . .

Послѣ того проходитъ цѣлыхъ три недѣли.

И цѣлыхъ три недѣли Москва работаетъ, торгуетъ, веселится, но, среди всѣхъ своихъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, интересовъ и развлеченій, втайнѣ живетъ только однимъ — ожиданіемъ знаменательнаго вечера двадцать седьмого декабря. Великое множество афишъ всѣхъ цвѣтовъ и размѣровъ пестритъ на всѣхъ ея улицахъ и перекресткахъ: «На днѣ», «Синяя Птица», «Три сестры», Шаляпинъ въ «Русалкѣ», Собиновъ въ «Снѣгурочкѣ», Шоръ, Крейнъ и Эрлихъ, опера Зимина, вечеръ Игоря Сѣверянина. . . Но теперь всякому бьетъ въ глаза только та маленькая зеленая афиша, на которой крупно напечатаны имя, отчество и фамилія благосклонной участницы литературно-вокально-

музыкальнаго вечера въ пользу недостаточныхъ учениковъ пятой московской гимназіи. А сама участница безвыходно сидитъ въ это время дома и работаетъ, не покладая рукъ, дабы не обмануть ожиданій Москвы, — безъ конца выбираетъ, что пѣть, съ утра до вечера пробуетъ голосъ, разучиваетъ то то, то другое. . . Дни идутъ теперь необыкновенно быстро, и эта быстрота уже приводитъ ее въ ужасъ: и оглянуться не успѣешь, какъ настанетъ это страшное двадцать седьмое декабря!

Она прекратила давать уроки, никого не принимаетъ и сама не выходитъ изъ дому, боясь схватить бронхитъ, насморкъ. Съ чѣмъ именно выступать? Публика и не подозрѣваетъ, какъ трудно рѣшеніе этого вопроса даже для опытнѣйшаго артиста! Какое нужно проявить тутъ чутье, сколько вкуса, такта, опыта! Послѣ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній, колебаній, дѣло, однако, кончается тѣмъ, что она останавливается на своемъ старомъ, неизмѣнномъ репертуарѣ, — снова проходитъ три вещи: одну французскую, нѣжную и грустную, чарующую, какъ колыбельная пѣсня, гдѣ, впрочемъ, скрыта огромная страсть, сила и боль любящей женской души, безумно жаждущей счастья и жертвенно отъ этого счастья отрекающейся; другую — полную блеска колоратуры и русской удали; и затѣмъ — свою коронную: «Я бѣ тебя поцѣловала, да боюсь, увидить мѣсяцъ», которой, какъ всегда, можно блеснуть особенно, дать ее «съ огонькомъ», игриво, молодо и оборвать на такомъ отчаянно-высокомъ и ликующемъ звукѣ, чтобы весь залъ дрогнулъ отъ рукоплесканій. Кромѣ того, она готовитъ двѣнадцать вещей на бисъ... Дни мелькаютъ, мелькаютъ, и въ душѣ у нея уже ра-

стеть такое чувство, точно близится часъ ея казни. Однако, она работаетъ, работаетъ. И вотъ настаетъ, наконецъ, этотъ послѣдній, роковой день!

Утромъ двадцать седьмого декабря всѣ силы ея доведены до предѣльнаго напряженія. Утромъ еще одна репетиція, но уже послѣдняя, генеральная. Она поетъ уже какъ бы на эстрадѣ: полнымъ голосомъ, со всей выразительностью художественности, проходитъ съ аккомпаниаторомъ всю свою программу — и чувствуетъ: работа не пропала даромъ! Но кто все-таки знаетъ, что ждетъ ее вечеромъ? Триумфъ или гибель? Лицо ея пылаетъ, руки какъ ледь. . . Послѣ репетиціи она идетъ въ свою спальню, раздѣвается и ложится въ постель. Аннушка приноситъ ей нѣчто совершенно необычное — зернистой икры, холоднаго цыпленка и портвейну: такъ, въ день выступленія, завтракаютъ всѣ большія артистки. Покушавъ, она велитъ задернуть шторы, уйти и хранить въ домѣ полнѣйшую тишину, а сама закрываетъ глаза и, въ темнотѣ, безъ единаго движенія, лежитъ, стараясь ни о чемъ не думать, ничѣмъ не волноваться, часъ другой, третій — вплоть до шести часовъ вечера. Въ шесть вскакиваетъ: рѣзкій звонокъ въ передней — парикмахеръ!

Съ бьющимся сердцемъ, съ пылающими ушами и скулами, накапываетъ она себѣ ледяной рукой цѣлыхъ сорокъ капель эфирно-валерьяновой микстуры и, въ халатикѣ, съ распущенными волосами, какъ дѣва, которую пришли убирать, готовится на закланіе, садится передъ зеркаломъ. Парикмахеръ входитъ, предварительно согрѣвши руки надъ плитой въ кухнѣ, и говоритъ ободряюще:

— Чудная погода! Изрядный морозецъ, но чудно!

Онъ работаетъ изысканно и медленно, чувствуя и себя участникомъ предстоящаго событія, вполне понимая и раздѣляя ея артистическое волненіе, будучи и самъ натурой артистической. Онъ своими небрежно-легкими разговорами, шутками и вообще всей своей опытностью въ такихъ дѣлахъ, равно какъ и твердой вѣрой въ ея предстоящій успѣхъ, мало-по-малу успокаиваетъ ее, возвращаетъ ей силы, мужество, надежды. . . Но когда онъ кончаетъ свое дѣло и, осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, убѣждается, что лучше уже ничего нельзя сдѣлать изъ этой великолѣпной завивки и прически, уходитъ, а часы въ столовой медленно бьютъ семь, у нея опять начинается замирать сердце: въ восемь съ половиной за ней явятся!

Затѣмъ бьетъ восемь, а она все еще не готова. Она опять пила капли, — на этотъ разъ гофманскія, — она надѣваетъ свое лучшее бѣлье, румянится, пудрится. . . Въ восемь же съ половиной раздается новый звонокъ, который поражаетъ ее какъ громомъ: пріѣхали! Аннушка тяжело бѣжитъ въ переднюю, отъ волненія, — она тоже сама не своя, — не можетъ сразу отворить дверь. . .

Они — на этотъ разъ два студента — пріѣхали въ огромной старозавѣтной наемной каретѣ, запряженной двумя исполинскими клячами. Они тоже франты и тоже безъ калошъ, и ноги у нихъ тоже окаменѣли съ морозу. Въ гостиной, какъ всегда, холодъ и скучно горятъ пахнуція керосиномъ лампы. Они терпѣливо сидятъ въ однихъ мундирахъ, блестя зеркальными головами, благоухая фиксауаромъ и бриллиантиномъ, съ большими бантами изъ бѣлаго атласа на груди, точно шафера. Они сидятъ молча, ждутъ вѣжливо и стойко,

смотрятъ на запертыя со всѣхъ сторонъ двери, на мерзлыя стекла, мерцающія синими и красными огоньками, на рояль, на портреты великихъ пѣвцовъ и пѣвицъ по стѣнамъ, слушаютъ глухой звонъ и гулъ трамваевъ за окнами, тревожные шаги Аннушки и самой артистки за дверями. . . И такъ проходитъ четверть часа, полчаса, сорокъ минутъ. . . какъ вдругъ одна изъ дверей неожиданно распахивается. Они, какъ по командѣ, вскакиваютъ съ мѣстъ, а артистка быстро, съ очаровательно-безпечной улыбкой, идетъ къ нимъ навстрѣчу:

— Ради Бога простите, господа, я, кажется, заставила васъ ждать. . . Что, развѣ уже пора? Ну, что же, ѣдемъ, если угодно, я готова. . .

На скулахъ ея даже сквозь румяны и пудру горятъ багровыя пятна, изо рта пахнетъ ландышевыми каплями, отъ рукъ кремомъ, отъ воздушнаго платья изъ дымчатаго газа духами. Она похожа на Смерть, собравшуюся на балъ. На ея сложную и высокую прическу, на завитые и взбитые со всѣхъ сторонъ сѣрые волосы накинута что-то черно-кружевное, испанское, на голыя плечи съ огромными ключицами — шубка изъ бѣлой кудрявой козы. . . И студенты со всѣхъ ногъ кидаются за ней въ прихожую. Тотъ, что худѣе и выше, хватается ея ботики и, быстро ставъ на одно колѣно, ловко надѣваетъ ихъ на ея черныя атласныя туфельки съ алмазными пряжками и слышитъ, какъ пахнетъ мышами изъ подъ ея подмышекъ, когда она наклоняется, чтобы помочь ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скромно одернуть подолъ на бѣлыя кружевные зубчики панталонъ. . .

Она пѣла и про тучу, которая съ громомъ повстрѣчалась, и про какое-то убѣжище, — «въ убѣжище сю-

да направилъ насъ Господь», — и съ особеннымъ блескомъ: «Я бѣ тебя поцѣловала. . .» Критиканъ старичекъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, ѣдко при этомъ захихикалъ, закрутилъ головой — весьма недвусмысленно: покорно, молъ, благодарю, пожалуйста, не цѣлуй. . . И все таки остался въ дуракахъ: успѣхъ артистка имѣла колоссальный, ее безъ конца вызывали и заставили бисировать — особенно чуткая молодежь, стоявшая въ проходахъ, кричавшая даже грозно и бывшая въ сложенные ковшикомъ ладони съ страшной гулкостью.

1930.

КРАСНЫЕ ФОНАРИ

Вечеръ наступалъ теплый, душный. Въ церквахъ звонили ко всенощной, по старому деревянному мосту черезъ пересохшую рѣчку, гудя и стуча, катились извозчики — на вокзалъ, къ вечернему поѣзду. Гимназистъ второклассникъ, не доходя до моста, повернулъ и пошелъ вдоль домовъ по узкой и ухабистой набережной. Дома эти были совсѣмъ особенные, необыкновенные, жутко волнующіе: надъ ихъ крыльцами висѣли большіе красные фонари, а гимназистъ уже зналъ, что это значить. Остановясь противъ одного изъ нихъ, возлѣ деревянныхъ перилъ надъ обрывомъ къ рѣчкѣ, онъ сталъ дѣлать видъ, что балуется, шалить отъ нечего дѣлать: то влѣзалъ на перила, то слѣзалъ съ нихъ, а самъ все смотрѣлъ на домъ и слушалъ.

Ахъ, какъ все было интересно!

Внизу, въ полуподвальномъ этажѣ, сидѣлъ у раскрытаго окошечка рыжеусый унтеръ, видный только до пояса, безъ мундира, въ одной пестренькой ситцевой рубахѣ. Онъ тачалъ сапогъ, вдѣвалъ и раздергивалъ дратву и громко говорилъ:

— Ты чего пируешь, нахальничаешь? Ты чего, какъ у меня гости, лѣзешь не въ свою компанію, невѣжа?

И кто-то острымъ, противнымъ голосомъ отвѣчалъ ему изъ глубины комнаты:

— Бреешь! Опять бреешь! Я не выходила, я за шкапомъ чай пила!

А на крыльцѣ дома стоялъ столъ, уставленный темными пивными бутылками, а за столомъ сидѣли: дюжій, бородатый мужчина въ жилеткѣ и дѣвка въ красномъ размахѣ. Она, поставивъ очаровательныя огоренныя руки на столъ, быстро что-то говорила и задирчиво смѣялась. И вдругъ мужчина, до сихъ поръ сумрачно и тяжело молчавшій, вскочилъ съ мѣста и, валя бутылки, схватилъ дѣвку за косу. И другая дѣвка, въ шелковой лимонной косовороткѣ, сидѣвшая и грызшая подсолнухи подъ окномъ возлѣ крыльца, съ крикомъ появилась на порогѣ и кинулась бить мужчину кулаками въ голову, потомъ схватила его за густые бурые волосы и потащила черезъ столъ. Тотъ вырвался, упалъ задомъ на стулъ и, высоко поднимая руки, сказалъ неожиданно-спокойнымъ голосомъ:

— Ну, ну, будетъ, будетъ! За все заплачу. . .

А третья дѣвка, широколицая, курносая, въ голубомъ капотѣ, ходила, прелестно волнуя этотъ капотъ, взадъ и впередъ по тротуару и что-то задумчиво, томно напѣвала. Передъ ней бѣгала маленькая лохматая собачка. И приказчикъ, проходившій навстрѣчу дѣвкѣ и очарованный ея капотомъ и голыми ногами въ легкихъ туфелькахъ, вздумалъ пошутить, игриво спросилъ ее:

— А нельзя ли васъ съ этой собачкой въ участокъ забрать за такія прогулки?

Но дѣвка гордо прошла мимо и отрѣзала, раздувая ноздри:

— Кабы тебѣ самого не забрали, дурака этакого!

1930.

ГРИБОКЪ

Сквозь утренній морозный туманъ и утренніе дымы города — розово-янтарное солнце, мягко, весело, уютно озаряющее номеръ «Сѣверной Гостиницы.» Внизу, за окнами, огромная людная площадь, весь сѣрый отъ инея плечистый, коренастый царь-мужикъ на своемъ упрямомъ и могучемъ свиноподобномъ конькѣ, возбуждающіе звонки, гуль и скрежетъ трамваевъ, все время кругами обходящихъ его. . . Хорошъ Петербургъ! Пріѣзжій только что изъ Москвы, отлично выспался въ тепломъ купе, за которымъ всю ночь густо шли черно-зеленые, въ бѣломъ сахарѣ, еловые лѣса, и впереди у него цѣлый день суеты и наслажденій: солнце, морозъ, рѣзвый лихачъ, сизыя ущелья великолѣпныхъ проспектовъ и улицъ, одно интересное свиданье, другое, еще болѣе интересное, потомъ завтракъ съ однимъ пріятелемъ и обѣдъ съ другимъ. . . Пріѣзжій раскрылъ чемоданъ, разбросалъ что куда попало — на постель, на кресла, на бархатную скатерть круглаго стола передъ диваномъ, поспѣшно бреется, моется, переодевается. . . Сейчасъ коридорный принесетъ до теплоты расчищенные ботинки, а лакей во фракѣ — горячій кофе и горячій калачъ, онъ же самъ уже будетъ къ 10-

му времени весь сіять чистотой, нарядностью, молодостью — бѣлоснѣжной рубахой, мраморными воротничками, шелковымъ красивымъ галстухомъ, шелковыми черными подтяжками, яркими глазами, нѣжностью и свѣжестью припудренныхъ щекъ, мокрымъ блестящимъ проборомъ. . . Вдругъ осторожный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

Стукъ громче.

— Кто это? Войдите!

И дверь тихонько отворяется и въ комнату несмѣло заглядываютъ лисьи глазки небольшого лысаго чловѣчка:

— Виновать, вы господинъ такой-то?

— Да. Что вамъ угодно?

— Позвольте рекомендоваться: дѣлопроизводитель такого-то учрежденія, изъ Твери. Находясь по личнымъ надобностямъ въ Петербургѣ, проживаю рядомъ съ этой гостиницей, въ номерахъ такихъ-то. Вышелъ купить кое-чего къ утреннему чаю и проходилъ у вашего подъѣзда какъ разъ въ ту минуту, когда вы входили въ него прямо съ вокзала. Лицо показалось знакомымъ, — у васъ большое сходство съ вашимъ братцемъ, живущимъ въ Твери, да вы и сами бываете у насъ отъ времени до времени, — спросилъ у вашего швейцара ваше имя, отчество и фамилію и убѣдился, что не ошибся. Счелъ, какъ землякъ, долгомъ представиться и, пользуясь счастливымъ случаемъ, повидаться, побесѣдовать — между прочимъ, и кое о чемъ, васъ лично касающемся и вамъ еще, можетъ быть, неизвѣстномъ, а межъ тѣмъ весьма значительномъ. . . Разрѣшите войти на минутку?

— Простите, я очень спѣшу. Очень радъ, но... И въ чемъ, собственно, дѣло?

— Прекрасно, прекрасно, навѣщу васъ, если позволите, вечеромъ или завтра утречкомъ...

— Къ сожалѣнію, я вернусь нынче очень поздно...

— Ну, тогда завтра. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, еще увидимся, — я пробуду здѣсь еще съ недѣлку. А что до дѣла, то позвольте пока, до болѣе подробнаго разговора, изложить его вкратцѣ. Я счелъ долгомъ немедленно предупредить васъ о немъ, собственно, по той причинѣ, что заключается оно вотъ въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ: домъ, купленный, какъ вамъ извѣстно, не такъ давно вашимъ братцемъ въ Твери на такой-то улицѣ, неминуемо обреченъ на гибель: въ немъ грибокъ. Вашего брата злостно обманули. Домъ новый, прекрасный, проданъ за безцѣнокъ, но именно потому-то и проданъ такъ: въ немъ грибокъ, отъ котораго, какъ вамъ опять таки должно быть извѣстно, нѣтъ совершенно никакой защиты. Конечно, братецъ вашъ могъ бы поторопиться перепродать его. Но несчастье углубляется тѣмъ, что теперь уже весь городъ знаетъ, что въ немъ грибокъ. Такъ что теперь его даже и за грошъ никто не возьметъ.

— Очень благодарю васъ за вниманіе. Но простите — стоило ли вамъ спѣшить съ такой печальной вѣстью! Да и зачѣмъ, разъ дѣло, какъ вы говорите, совершенно безнадежно?

— Увы, не скрою: вполнѣ безнадежно.

— Ну и Богъ съ нимъ совсѣмъ! Какой грибокъ, что за грибокъ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ расскажу.

— Но повторяю — я очень спѣшу.

— Не безпокойтесь, я въ двухъ словахъ. Изволите ли видѣть: всякое жилище, построенное изъ сырого лѣса, который зараженъ такъ называемымъ «домовымъ грибоккомъ», то-есть извѣстнаго рода червякомъ-вредителемъ, неминуемо превращается въ теченіе нѣкотораго (и часто даже очень короткаго) времени въ труху, въ прахъ. Вредитель этотъ, размножаясь и распространяясь съ поразительной быстротой въ томъ древесномъ матеріалѣ, который сталъ его, такъ сказать, случайнымъ пристанищемъ, буквально пожираетъ строеніе. Для примѣра приведу вамъ случай, недавно опубликованный въ газетахъ и имѣвшій мѣсто въ Челябинскѣ: тамъ въ одинъ годъ погибло ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлыхъ тридцать домовъ, — цифра поистинѣ ужасная! Въ одинъ годъ они были заражены и разрушены съ верху до низу! Если же принять во вниманіе, что домъ вашего брата. . .

Кончается все это тѣмъ, что пріѣзжій убиваетъ дѣлопроизводителя изъ Твери кувшиномъ съ умывального и отдается въ руки правосудія.

1930.

УЩЕЛЬЕ

Лѣсистое ущелье, предвечернее время.

Зеленой кудрявой смушкой, зеленымъ каракулемъ кажется издали густой лѣсъ, покрывающій горные ска- ты противъ аула. Въ лѣсу кто-то жжетъ костеръ, голу- бой дымокъ далеко тянется надъ зеленой смушкой, и его пряный запахъ мѣшается съ миндальной свѣжестью лѣса.

Синее небо надъ горами бездонно и ясно, — лишь впереди, гдѣ ущелье сомкнулось, отвѣсно стоитъ въ ла- зури витое изъ бѣлоснѣжныхъ клубовъ облако.

А тамъ, въ аулѣ, непрерывно звучить, восторженно плачетъ, переливно зоветъ и вопить роговая дудка: звукъ горловой, дикій, чарующій и страшный, слушая который, думаешь о горныхъ козлахъ, о весенней, гроз- ной порѣ ихъ страсти.

Это танцуютъ на крышѣ сакли подростки татары: одинъ стоитъ, надулъ губы, выпучилъ бѣлки — игра- етъ, два другихъ, пристально глядя въ глаза другъ другу, положивъ руки другъ другу на плечи, подска- киваютъ козлами, крѣпко топаютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Куда, въ какую райскую пропасть устремлень ихъ напряженный, радостный, остановившійся взглядъ?

На сосѣдней саклѣ сидить на корточкахъ, вся сжалась и не спускаетъ съ нихъ глазъ дѣвочка-подростокъ. Она худенькая, но уже длинная; она еще въ одной рубахѣ, черная головка ея еще раскрыта; но глаза уже дивны и жутки, какъ у Архангела. . .

Какое душу раздирающее блаженство въ дудочныхъ переливахъ и вопляхъ!

1930.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Лѣто, имѣнье въ лѣсномъ западномъ краю.

Весь день проливной свѣжій дождь, его сплошной шумъ по тесовой крышѣ. Въ притихшемъ домѣ сумракъ, скучно, на потолкѣ спятъ мухи. Въ саду покорно никнуть подъ водяной бѣгущей сѣтью мокрая деревья, красные цвѣтники у балкона необыкновенно ярки. Надъ садомъ, въ дымномъ небѣ, тревожно торчитъ аистъ: почернѣвшій, похудѣвшій, съ подогнутымъ хвостомъ и обвислой косицей, сталъ на край своего гнѣзда въ верхушкѣ столѣтней березы, въ развилинѣ ея голыхъ бѣлыхъ сучьевъ, и порой, негодуя, волнуясь, подпрыгивая, крѣпко, деревянно стучитъ клювомъ: что же это такое, потопъ, настоящій потопъ!

Но вотъ, часа въ четыре, дождь свѣтлѣй, рѣже. Ставятъ самоваръ въ сѣнцахъ — бальзамическій запахъ дыма стелется по всей усадьбѣ.

А къ закату совсѣмъ чисто, тишина, успокоенье. Господа и тѣ, что гостятъ у нихъ, идутъ въ боръ на прогулку.

Уже синѣетъ вечеръ.

Въ просѣкахъ бора, устланныхъ желтой хвоей, дороги влажны и упруги. Боръ душистъ, сыръ и гулокъ:

чей-то дальній голосъ, чей-то протяжный зовъ или откликъ, дивно отдается въ самыхъ дальнихъ чащахъ. Просѣлки кажутся узки, пролеты ихъ стройны, безконечны, уводятъ своей вечерней далью. Боръ вдоль нихъ величаво-громаденъ, стоитъ темно, тѣсно; маты его къ верхушкамъ голы, гладки, красны; ниже онѣ сѣры, корявы, мшисты, сливаются другъ съ другомъ: тамъ мхи, лишай, сучья въ гнили и еще въ чемъ-то, что виситъ подобно зеленоватымъ космамъ сказочныхъ лѣсныхъ чудищъ, образуютъ дебри, нѣкую дикую русскую древность. А когда выходишь на поляну, радуется юная сосновая поросль: она прелестнаго блѣднаго тона, зелени нѣжной, болотной, легка, но крѣпка и вѣтвиста; вся еще въ брызгахъ и мелкой водяной пыли, она стоитъ какъ бы подъ серебристой кисеей въ блестяхъ. . .

Въ тотъ вечеръ бѣжали впереди гулявшихъ маленькій кадетикъ и большая добрая собака, — все время играя, обгоняя другъ друга, А съ гулявшими степенно, граціозно шла дѣвочка-подростокъ съ длинными руками и ногами, въ клѣтчатомъ легкомъ пальтишкѣ, почему-то очень миломъ. И всѣ усмѣхались — знали, отчего такъ бѣжить, такъ неустанно играетъ и притворно веселится кадетикъ, готовый отчаянно заплакать. Дѣвочка тоже знала и была горда, довольна. Но глядѣла небрежно и брезгливо.

1930.

НЕБО НАДЪ СТѢНОЙ

Въ солнечное зимнее утро уѣзжаю изъ Рима.

Хмельной, возбужденный старикъ, везущій меня на вокзалъ, въ одномъ пиджакѣ и каскеткѣ сидящій на высокихъ козлахъ, дергаетъ локтями, гонитъ свою узкую клячу по тѣсной длинной улицѣ, въ тѣни и свѣжей сырости. Но вотъ улица круто поворачиваетъ вправо, обрывается спускомъ на просторную площадь, на слѣпящее теплое солнце. Кляча сразбѣгу садится на заднія ноги, старикъ, упавъ на бокъ, быстро крутитъ тормазъ. Колеса скребутъ и ноютъ, копыта крѣпко цокаютъ по камню. Впереди, въ этомъ блескѣ, еще зыбкомъ, влажномъ, густо дымится водяной пылью, валитъ въ разныя стороны сѣрыми клубами огромный фонтанъ. А слѣва, рядомъ съ нами, идетъ какая-то древняя руина, тянется дикая, какъ крѣпость, радостно озаренная солнцемъ стѣна, надъ обрѣзомъ которой ярко и густо синѣетъ небо. И старикъ, тормозя, коситъ глаза кверху, въ дивное лоно его райскихъ красокъ, и кричитъ, восклицаетъ:

— Мадонна! Мадонна!

1930.

СВИДАНИЕ

На престольный праздник барчук верхом поѣхалъ на деревню.

Дѣвка, въ которую онъ былъ тогда такъ романтически влюбленъ, вышла на крыльцо наряженная, радостно улыбнулась:

— Здравствуйте. Что жъ давно не были? Вы вонъ когда еще были: тогда у насъ сучка щенилась, а теперь ужъ щенята здоровые выросли. . .

1930.

ПѢТУХИ

На охотничьемъ ночлегѣ, съ папиросой на порогѣ избу, послѣ ужина. Тихо, темно, на деревнѣ поютъ пѣтухи. Выглянула изъ окошечка сидѣвшая подъ нимъ; въ темной избѣ, хозяйка, послушала, помолчала. Потомъ негромко, подавляя пріятный звѣнокъ:

— Что жъ это вы, баринъ, не спите? Ишь, ужъ не рано, пѣтухи опѣваютъ ночь. . .

1930.

МУРАВСКІЙ ШЛЯХЪ

Лѣтній вечеръ, ямщицкая тройка, безконечный, пустынный большакъ. . . Много пустынныхъ дорогъ и полей на Руси, но такого безлюдья, такой тишины поискать. И ямщикъ мнѣ сказалъ:

— Это, господинъ, Муравскій шляхъ называется. Тутъ на насъ въ старину несмѣтные татары шли. Шли, какъ муравьи, день и ночь, день и ночь и все не могли пройти. . .

Я спросилъ:

— А давно?

— И не запомнить никто, — отвѣтилъ онъ. —
Большія тысячи лѣтъ!

1930.

РАСПЯТІЕ

Свѣжее майское утро, дворъ старой уѣздной церкви.

Уже реветъ и гудитъ вверху, мѣдью верезжитъ въ ушахъ большой колоколь.

Сходятся во дворъ старухи, нищіе, длинноволосые, увѣшанные мѣшками и жестяными чайниками странники съ посошками въ рукахъ, на ходу съ привычнымъ притворствомъ гнущіеся.

Во дворѣ еще тѣнь.

Старухи, подходя, садятся въ сторонкѣ, на молодой травѣ, подстилая подъ себя, скромно подвертывая юбки и прямо вытягивая ноги.

Нищіе опускаются на холодныя каменныя плиты возлѣ паперти.

А странники идутъ на солнце, за церковь, гдѣ, надъ старой могилой, стоитъ на чугунномъ кубѣ позеленѣвшее чугунное Распятіе.

На крестѣ никнетъ въ колючемъ терновомъ вѣнцѣ голова Христа.

На кубѣ — черепъ и двѣ кости, два скрещенныхъ маслака.

И странники крестятся, кланяются, потомъ опускаются на колѣни, глядя вверхъ, въ васильковое утреннее небо.

И солнце ярко и празднично освѣщаетъ средневѣковую худобу Христа, Его впалый животъ и длинныя, вытянутыя къ небу руки, грѣть сѣрые волосы странниковъ, ихъ спины въ заплатяхъ, веревки, мѣшки, жестяные чайники и кружки.

1930.

МАРЬЯ

Въ избѣ, послѣ сытнаго, праздничнаго обѣда.

Всѣ наряжены.

Работники въ сапогахъ, въ чистыхъ рубахахъ, подстрижены, съ красными, подбритыми шеями.

Рычатъ, ловко ладятъ двѣ ливенки.

Илюшка и Наташа ходятъ другъ передъ другомъ, постукиваютъ каблуками, не глядя другъ на друга.

— Марья, а ты что-жъ сидишь?

Не отвѣчаетъ, съ сумрачной усмѣшкой щелкаетъ подсолнухи.

— Ну хоть выходку сдѣлай!

Мотааетъ головой, исподлобья поглядываетъ на пляшущихъ своими далеко разставленными, въ переносицу косящими черными глазами.

И вдругъ встаетъ, поправляетъ платокъ на плечахъ...

Ахъ, Богъ мой, какъ пошла!

Нехороша, немолода, невелика, костиста, а у всѣхъ восхищенно замираетъ сердце: какая сжатость силъ, страсти и какой оттого пушій блескъ, точность каждого движенья!

Илюшка раздуваетъ ноздри, дробить въ полъ каба-
луками, наступаетъ:

Ухъ, сыпь чаще,
Подавай слаще!

Она плыветъ мимо, отвѣчаетъ небрежно, вскользь,
какъ неживая:

Я ходила, подавала,
А тебѣ все мало, мало. . .

1930.

УЖАСЪ

Мѣсячной осенней ночью, свѣтлой и тихой, я пѣшкомъ возвращался съ полевой охоты по сухимъ, блестящимъ жнивьямъ, пашнямъ и проселкамъ и зашелъ ночевать на хуторъ, одиноко стоявшій въ полѣ. Постоянно жилъ на немъ только сторожъ, а хозяинъ, городской прасоль, лишь порой, наѣздомъ. Хуторъ имѣлъ видъ пустынный: чистое, ровное поле, гумно отъ жилья далеко, а само жилье — всего на всего бревенчатый флигель да изба-сторожка, тоже на отлетѣ. . . и ни души на обширномъ дворѣ между ними, даже не залаяла собака, когда я сталъ стучаться въ темное окошечко сторожки. Мужикъ, вышедшій на порогъ въ накинутомъ полушубкѣ, долго не понималъ спросонья, что мнѣ надо, потомъ повелъ меня во флигель. «Вотъ тутъ и ложитесь», сказалъ онъ, вводя меня изъ маленькой прихожей въ просторную хозяйскую спальню, гдѣ были только голыя бревенчатыя стѣны да широкая деревянная кровать безъ матраса, съ одной большой подушкой. И вотъ, когда онъ вышелъ, легъ я на эту кровать, покурить, что-то подумалъ о чужой, совсѣмъ не извѣстной мнѣ жизни какого-то мѣщанина, подъ кровъ котораго привелъ меня случай, и сталъ забываться.

Невысокій мѣсяцъ мирно свѣтилъ въ два большихъ окна напротивъ, озарялъ кровать теплымъ золотистымъ блескомъ, и все вокругъ было такъ просто и прекрасно, такъ безмолвно и спокойно. . . Могъ-ли я думать, засыпая, что такъ страшно будетъ мое пробужденіе среди ночи? Я проснулся сразу, отъ какого-то стука. Кто-то громко стучалъ ко мнѣ снаружи, въ верхнюю половину оконной рамы. Стукъ былъ такъ страшенъ, что я внѣ себя вскочилъ на кровати. А вскочивъ, увидѣлъ, что за окномъ, все его затемняя, стоялъ кто-то громадный, черный, длинный и покатый, лѣзь и стучалъ, стараясь пробить верхнія стекла. Я схватилъ двустволку, дико крикнулъ: «Кто это? Стрѣлять буду!» Онъ, не отвѣчая, вытянулся еще выше, надвинулся на окно еще плотнѣе и застучалъ еще громче. . .

Это была старая, худая лошадь, безъ призору шатавшаяся ночью по усадьбѣ. Она пришла къ дому и стала чесаться объ оконный наличникъ, вытянувъ шею и стуча головой въ раму.

1930.

РУСЬ

Старуха пріѣхала въ Москву издалека. Свой сѣверный край называетъ Русью. Большая, бокастая, ходитъ въ валенкахъ, въ теплой стеганной безрукавкѣ. Лицо крупное, желтоглазое, въ космахъ толстыхъ сѣдыхъ волосъ, — лицо восемнадцатаго вѣка.

Спросилъ ее какъ-то:

— А сколько вамъ лѣтъ будетъ?

— Семьдесятъ семь, господинъ милый.

— А вы, дай Богъ не сглазить, еще совсѣмъ хотъ куда.

— А что жъ мнѣ? Это года не велики. Нашъ родитель до ста лѣтъ дожилъ.

Чаю она не пьетъ, сахару не ѣстъ. Пьетъ горячую воду съ чернымъ хлѣбомъ, съ селедкой или солеными огурцами.

— Вы никогда, небось, и не хворали?

— Нѣтъ, трясовица была на мнѣ, порча на мнѣ была. Мужа страшилась: какъ онъ ко мнѣ съ любовнымъ чувствомъ, меня и начинало трясти, корежить. Сжечь бы ее, ту, что напустила на меня это!

Слово «сжечь» одно изъ ея любимыхъ. Про большевиковъ говоритъ очень строго:

— Не смѣютъ они такъ про Бога говорить. Богъ нашъ, а не ихъ. Сжечь бы ихъ всѣхъ!

Ея рассказы о родинѣ величавы. Лѣса тамъ темны, дремучи. Снѣга выше вѣковыхъ сосенъ. Бабы, мужики шибко ѣдутъ въ лубяныхъ санкахъ, на кубастыхъ лохматыхъ конькахъ, всѣ въ лазоревыхъ, крашенаго холста тулупахъ со стоячими аршинными воротами изъ жесткаго псинаго мѣху и въ такихъ же шапкахъ. Морозы грудь насквозь прожигаютъ. Солнце на закатѣ играетъ какъ въ сказкѣ: то блещетъ лиловымъ, то кумачевымъ, а то все кругомъ рядить въ золото или зелень. Звѣзды ночью — въ лебяжье яйцо.

1930.

ПОЖАРЪ

Богатый мужицкій хуторъ.

Загорѣлось, когда кончали ужинать, темнымъ и сухимъ осеннимъ вечеромъ.

Зажгли съ гумна, и только оно и сгорѣло, — было очень тихо. Отстояли даже ригу.

Хозяинъ, огромный, толстый мужикъ, все время сидѣлъ на крыльцѣ старой избы, — сидѣлъ до полуночи, пока не прогорѣло и не потухло. На гумнѣ былъ адъ — такъ бѣшено орали и гасили огонь его сыновья и бабы. Онъ же не двигался, только глядѣлъ, какъ странно и свѣтло былъ озаренъ весь дворъ краснымъ пыломъ, какъ блистала алымъ зеркаломъ прудъ и розовыми трепетными клубами стояли надъ дворомъ въ высокомъ небѣ облака, освѣщаемыя исподу дрожащимъ заревомъ. Онъ все говорилъ, — очень спокойно:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ. Мнѣ все равно, мнѣ этого не надо, я этого не чую и не чувствую.

Когда же догорѣло, сталъ рыдать и рыдалъ не переставая двое сутокъ, лежа внизъ лицомъ въ ригѣ возлѣ воротъ, на старновкѣ. Въ темнотѣ, въ дыры воротъ, сверкали на ней алыя пятна солнца и ходилъ, ковылялъ одинокій бѣлый голубокъ, опаленный на пожарѣ.

1930.

ЖУРАВЛИ

Ясный и холодный день поздней осени, ѳду ровной рысцой по большой дорогѳ. Блескъ низкаго солнца и пустыхъ полей, осеннее безмолвное и недвижимое ожиданіе чего-то, тишина земли и неба. Но вотъ, вдали, за мной, слышенъ трескъ колесъ. Прислушиваюсь — трескъ мелкій, быстрый, трескъ шибко бѳгущихъ дрожекъ. Оборачиваюсь — кто-то нагоняетъ. Этоть кто-то все ближе и ближе — уже хорошо видна его во весь духъ летящая лошадь, затѳмъ онъ самъ, то и дѳло выглядывающій изъ-за нея и покрывающій ее то кнутомъ, то вожжами. Что такое? А онъ ужъ вотъ онъ, настигаетъ — сквозь трескъ слышно мощное лошадиное дыханье, слышенъ отчаянный крикъ: «Баринъ, сторонись!» Въ страхѳ и недоумѳньи виляю съ дороги — и тотчасъ же мимо мелькаетъ сперва чудесная гнѳдая кобыла, ея глазъ, ноздря, новыя вожжи сургучнаго цвѳта, новая блестящая сбруя, взмыленная подъ хвостомъ на ляжкахъ, потомъ самъ сѳдокъ — черный красавецъ мужикъ, совершенно шальной отъ скачки и какого-то бессмысленнаго, на все готоваго изступленья. Онъ бѳшено-быстро кидаетъ на меня, пролетая, свой яростный взглядъ, поражаетъ свѳжей красной пастью

и смолью красивой молодой бороды, новымъ картузомъ, желтой шелковой рубахой подъ распахнувшейся черной поддевкой — узнаю: богатый, хозяйственный мельникъ изъ-подъ Ливенъ — и какъ вѣтеръ летитъ дальше. А пролетѣвъ съ версту, сразу соскакиваетъ съ дрожекъ. Тутъ ужъ я гоню къ нему и, приближаясь, вижу: лошадь стоитъ на дорогѣ и тяжело носить боками, сургучныя вожжи висятъ по оглоблямъ, а самъ сѣдокъ лежитъ возлѣ, лицомъ книзу, раскинувъ полы поддевки.

— Баринъ! — дико кричитъ онъ въ землю. — Баринъ!

И, когда я равняюсь, вскакиваетъ и отчаянно взмахиваетъ руками:

— Ахъ, грустно-о! Ахъ, улетѣли журавли, баринъ!

И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами.

1930.

СОКОЛЬ

Иванъ — охотникъ, лодырь. Живеть съ краю деревни, возлѣ погоста. Погостъ на косогорѣ, скучный: голые глинистые бугорки, взрытые свиньями, истоптанные овцами, которыя до земли выглодали сухую траву между ними; надъ одной могилой тощая лозинка, на лозинкѣ внизъ головой виситъ дохлая галка, насквозь источенная муравьями; въ одномъ голуцѣ рядомъ съ фольговой иконкой, свила гнѣздо мухоловка. . . Къ погосту и прилегаеть гумно Ивана, нищее, пустое: раскрытый хребетъ риги, старый телѣжный ящикъ, рогатая соломорѣзка — все заросло травой, бурьяномъ.

Когда мы шли къ его избѣ съ деревни, отъ насъ стремглавъ, припадая къ землѣ шеей, неслась его единственная насѣдка и съ отчаянно-восклицательнымъ крикомъ взвилась въ ея разбитое окошко. На разрушенномъ крыльцѣ, какъ-то по-вдовьи свернувшись, лежала чернобровая лягавая собака съ висячими ушами, грустно глядя на насъ вкось, исподлобья.

— Иванъ, спросили мы, — чѣмъ же ты ее кормишь?

Иванъ слегка удивился:

— Какъ чѣмъ? Да, ничѣмъ. Ъсть, что сама промыслить. . .

Передъ крыльцомъ, на двухъ лопнувшихъ колесахъ, разсыхалась на солнцѣ пустая водовозка и безцѣльно (видно, не зная, что дѣлать) сидѣла на ея обрѣзѣ сизый голубь. Иванъ посмотрѣлъ, усмѣхнулся:

— Ишь, въ какую визиточку нарядился!

А въ избѣ полъ былъ заваленъ чѣмъ попало, — всякой добычей того памятнаго лѣта, семнадцатаго года: корыта, кадушки, треногое ободранное кресло, прихотливо изогнутая рама изъ палисандра, гдѣ отъ зеркала осталась только косая половинка, полотнище пыльной гардины, цинковая дѣтская ванна съ продавленнымъ бокомъ, граммофонный рупоръ, стѣнные часы съ одной гирей въ золѣ возлѣ печки, подъ котломъ для самогона. . . Въ избѣ, и безъ того кривой, тѣсной, было негдѣ повернуться, было безобразно, точно послѣ пожара. И неподвижно сидѣла на лавкѣ баба, каменная, большая, съ страшными свѣтлыми глазами — жена Ивана. Сидѣла, молчала и смотрѣла.

— Это все она натащила, — сказалъ Иванъ самодовольно. — Она у меня соколь!

1930.

ЛЮДОЎДКА

Нищая дѣвка, сирота, безобразно-миловидная, очень тихая, почти дурочка. Взяли на барскій дворъ, даютъ самую грязную и трудную работу — надрывается безпрекословно, молча, всячески стараясь угодить. Староста, то-есть старшой на дворнѣ, отставной солдатъ-гранадеръ, быстро лишилъ ее невинности — покорилась послѣ отчаяннаго, но жалкаго, дѣтскаго сопротивленія. Черезъ мѣсяць забеременѣла, всѣ все узнали. Старостица подняла адъ, барыня дѣвку поспѣшила уволить. Обливаясь слезами, дѣвка кое-какъ посовала свое добришко въ мѣшокъ, побѣжала со двора долой. Старостица, стоя на порогѣ людской, дико ликовала: вихляясь, свистала, травила ее собаками, била костью въ мѣдный тазъ, кричала разными голосами:

— Сука! Побирушка! Межедворка! Людоѣдка! Волшебница!

1930.

НА БАЗАРНОЙ

— Вамъ что-нибудь по хозяйству или гробикъ?

На Базарной всѣмъ торгуютъ: тутъ магазины краснаго товара, часовой магазинъ, аптекарскій магазинъ, москательныя и колоніальныя лавки, скобяныя, посудныя, а еще дальше, совсѣмъ возлѣ базара, тѣ растворы и сараи, гдѣ выставлены наружу метла, гробы, лопаты, грабли, новыя, черно-блестящія по втулкамъ колеса. . . Июль, будни, день сухой и жаркій, на Базарной пусто — всего одинъ случайный покупатель, мужикъ изъ уѣзда: рысью прогремѣлъ отъ собора, снизу, — сразу видно, что по спѣшному дѣлу, — и остановился передъ самымъ большимъ растворомъ. Бросилъ веревочныя возжи на свою кобыленку съ дробными, какъ у осла, ногами, соскочилъ съ грядки пыльной телѣги, набитой соломой, двинулъ на затылокъ горячую шапку, стоитъ и смотритъ.

— Что-нибудь по сельскому обиходу или, повторяю, гробикъ?

— Да, гробикъ. . .

— Выборъ агромадный. Вамъ поскромнѣй или понаряднѣй?

Мужикъ переводить глаза съ манящихъ своей новизной лопать и метель на то, что нужно, — что такъ грубо чернѣть сухой дешевой краской, бѣлѣя крестами на крышкахъ и крылатыми дѣтскими головками по скатамъ крышекъ.

— Да, конечно, что-нибудь получше. . .

— А, собственно, для кого же? Для младенца? Для отрока или отроковицы? Для старичка или старушки?

— Для младенца, милый, я не сталъ бы себя беспокоить въ такую пору. Я всю косьбу бросилъ въ полѣ. . .

— Значить, для родителя или для мамыши?

— То-то и дѣло, что для мамыши. . .

— А какого приблизительно были онѣ росточку? Пропорціональной женской мѣры?

Мужикъ, выбирая гробъ глазами, ребромъ ладони проводитъ себя отъ плеча къ плечу.

— Тогда чего жъ лучше модель, напрімѣръ, такого рода?

И приказчикъ быстро кладетъ руку на возглавіе лилового гроба, однимъ ловкимъ кругообразнымъ движеніемъ отдѣляетъ его отъ прочихъ и ставитъ передъ мужикомъ на тротуарѣ.

— Этотъ, думается, дюже мелокъ. Она, правда, худала. . .

— Гробъ не перваго разряду завсегда довольно мелокъ, но вмѣщаетъ вполне прилично.

— А прочень?

— Съ ручательствомъ за полную солидарность. До Второго Пришествія хватить.

— А ну-ка открой-ка. . .

Приказчикъ отнимаетъ крышку. Мужикъ, наклоняясь, внимательно смотритъ. Внутри гробъ некрашенъ,

тесъ тамъ золотистый, шершавый, хорошо и сухо пахнетъ, кое-гдѣ въ желтыхъ смоляныхъ капляхъ. Дно, однако, не изъ цѣльной тесины, а изъ двухъ и притомъ неровныхъ, ужъ совсѣмъ корявыхъ, плохо пригнанныхъ другъ къ другу, а главное, съ дырой отъ спиленаго и выпавшаго сучка, отъ его выскочившей пробки. И мужикъ, оживляясь, въ радостной надеждѣ на большую уступку:

— Нѣтъ, этотъ со свищемъ, съ изъяномъ! Это бракъ, милый! Возьму, если скинешь съ пятерки. И то только ради мамыши.

1930.

ИЛЮШКА

Їдемъ съ Илюшкой въ городъ.

Жаркій вѣтеръ рабочей поры, бьющій сушью и зно-
емъ въ лицо, узкій проселокъ въ зрѣющихъ хлѣбахъ
— ничего вокругъ, кромѣ ихъ желтаго моря да томна-
го, сѣро-синяго неба. . .

И все въ томномъ полуснѣ, въ дремотномъ волненнѣ,
все мотается, клонится, бѣжитъ: и колеса бѣгутъ, и
лошадь бѣжитъ, и хлѣба вмѣстѣ съ цвѣтами льются,
стелются. . . Одинъ кобчикъ повисъ въ воздухѣ, точно
въ мертвую точку попалъ: зорко смотритъ внизъ и мел-
ко-мелко, быстро-быстро дрожитъ на одномъ мѣстѣ
острыми крылышками. . .

Їдемъ на бѣгункахъ. Я впереди, правлю, Илюшка
сзади. Оба сидимъ верхомъ, только у меня ноги поста-
влены на переднюю ось, а у него откинута на заднюю.
Онъ уперся руками въ сидѣнье и говоритъ и хохочетъ
мнѣ прямо въ затылокъ.

Онъ, какъ всегда, въ отличномъ расположеніи духа.
Съ утра до обѣдовъ былъ на косьбѣ, косилъ бодрѣй
всѣхъ и ничуть не усталъ. «Вы думаете, я въ солдатахъ
разучился — нѣтъ, еще ловчѣй сталъ!» Только косилъ
безъ картуза, не обращая никакого вниманья на соли-

це, и потому, когда вернулись къ обѣдамъ въ усадьбу, у него пошла носомъ кровь, и онъ долго унималъ ее, умываясь возлѣ водовозки. Рядомъ съ нимъ стоялъ Мотька, малый глупый, простодушный. Мотька поливалъ ему изъ корца, потомъ сказала:

— Ну, теперь полей мнѣ, я тоже маленько умоюсь.

Илюшка весело выпучилъ на него мокрые глаза, захохоталъ и отвѣтилъ:

— Дуракъ, ай я тебѣ прачка?

Теперь онъ опять то и дѣло смѣется, отъ нечего дѣлать болтая, наслаждаясь вѣздой, полемъ, бѣгущимъ волненьемъ хлѣбовъ, жаркимъ вѣтромъ, мягко бьющимъ въ лицо и порой овѣвающимъ такъ знойно, точно гдѣ-то пылаетъ безмѣрный костеръ. Онъ съ восхищеніемъ рассказываетъ, какъ онъ въ Кіевѣ, гдѣ отбывалъ воинскую повинность, ходилъ въ публичный домъ:

— Вотъ тамъ дѣвки! — говоритъ онъ. — Это не нашимъ чета! Развѣ наша умѣетъ такъ-то обойтись! А хозяйка толстая, съ усами. . . И всю ночь плясъ, танцы, пиво. . .

Потомъ — и все съ той же легкостью — рассказываетъ то, что я уже знаю: какъ онъ застрѣлилъ одного изъ арестантовъ, которыхъ имъ, солдатамъ, пришлось однажды вести съ вокзала въ пересыльную тюрьму: арестантъ этотъ хотѣлъ убѣжать.

— И тебѣ не грѣхъ? — спрашиваю я.

— Какой же мнѣ грѣхъ? Если бы онъ убѣжалъ, мнѣ за него пришлось бы цѣлый годъ просидѣть.

— Да лучше ужъ годъ просидѣть.

— Ну, нѣтъ, я ихъ лучше двадцать положу!

— А какъ же въ заповѣдяхъ сказано, что нельзя убивать?

— А какъ же въ присягѣ читають, что обязательно надо?

Потомъ онъ меня разспрашиваетъ, за что вѣшаютъ «политиковъ» и сколько получаетъ «съ головы» палачъ.

— Правда, что этому палачу сто цѣлковыхъ съ головы дають?

И безъ малѣйшаго хвастовства, совершенно просто-сердечно сознается, что за сто цѣлковыхъ могъ бы и самъ кого угодно удавить:

— Да чего жь? Ну, другіе тамъ покойниковъ боятся, а я этого никогда не зналъ: какъ это онъ можетъ съ того свѣта придти? Я только со своей деревни не сталъ бы давить. Своего, понятно, жалко. . .

Бѣжить, волнуется горячій воздухъ, бѣгутъ колеса, лошадь, льются желтыми волнами овсы и ржи, дрожитъ въ небѣ кобчикъ. . .

1930.

ПОЛДЕНЬ

Полдневный жаръ, ослѣпительный блескъ неподвижнаго желтаго пруда и его желтыхъ глинистыхъ береговъ. Пригнали стадо на обѣденный отдыхъ — коровы залѣзли въ охвостье пруда, стоятъ въ водѣ по брюхо. Рядомъ радостный визгъ, крикъ, хохоть — раздѣваются и бросаются въ воду дѣвки. Одна черезъ голову сорвала съ себя сѣрую замашную рубаху и кинулась такъ дико, что я тотчасъ вспомнилъ Ниль, Нубію. Черноволоса и очень смугла тѣломъ. Грудь — какъ двѣ темныхъ тугихъ груши.

1930.

БРОДЯГА

Поле и лѣтнее утро, дружно несетъ тройка. А вдоль шоссе, навстрѣчу, — странникъ: безъ шапки, босой и такой легконогій, какъ будто на крыльяхъ. Поровнялся, мелькнулъ и пропалъ. Худъ и старчески сухъ, вѣетъ длинными выгорѣвшими на солнцѣ волосами. Но какъ легокъ, какъ молодъ! Какой живой, быстрый взглядъ! И сколько у него впереди этихъ бѣлыхъ шоссейныхъ дорогъ!

«Богъ бродягу не старить.»

1930.

СЛЕЗЫ

Подошла къ воротамъ усадьбы старуха побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухихъ ногахъ, замученные глаза. . .

Даль ей полтинникъ, попробовалъ разговориться:

— Ну вотъ ты, бабушка, вездѣ ходишь, вездѣ бываешь, — небось, много интереснаго видишь?

Горько заплакала:

— Да что жъ подѣлаешь, батюшка, конечно, видишь!

Ковылялъ по выгону дурачокъ Ваня, сѣдой, стриженный клоками, въ одной бабьей рубахѣ, съ сумой черезъ плечо:

— Ваня, здорово! Какъ поживаешь?

Косноязычно и слюняво, поспѣшно и радостно:

— Съ большими слезами, папаша! Съ большими слезами!

1930.

КАПИТАЛЬ

Квасникъ, лысый, красный, тугопузый, лихо кричитъ теноромъ на всю ярмарку:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! Вотъ кипить, да некому пить!

Высокій русый мужикъ въ теплой шалкѣ на затылокъ идетъ въ толпѣ съ огромнымъ бѣлымъ хлѣбомъ подмышкой и на ходу набиваетъ имъ ротъ, жуетъ, откидывая голову назадъ, раздувая ноздри:

— А почему этомъ квасокъ?

— Орелъ вся бутылка, семитка стаканъ!

— А на грошъ не отольешь?

— На грошъ, милый, и воробей не мочится!

Мужикъ жуетъ, думаетъ. Потомъ со вздохомъ, но твердо:

— Нѣтъ, на семитку не взойду. Капиталь не дозволяетъ!

1930.

БЛАЖЕННЫЕ

Блаженный Антонушка воронежскій жилъ сто двадцать лѣтъ. Сказаль однажды одному купцу:

— Въ сѣнцахъ у тебя, кормилецъ, большой *пестрый* гробъ стоитъ.

И купецъ въ тотъ же день и кончился.

Блаженный Данилушка тульскій въ городѣ на крышахъ сиживаль. Завѣщаль хоронить себя въ желтомъ шелковомъ саванѣ — какъ хоронили юродивыхъ въ древности — и въ гробу не простомъ, а долбленомъ, въ колодѣ.

Дюмидь орловскій восемьдесятъ лѣтъ скитался по Брянскимъ лѣсамъ, ночеваль на деревьяхъ, былъ нагъ и покрытъ густымъ волосомъ.

Феня елецкая, когда я однажды сказаль при ней: московскій Царь-Колоколь, замахнулась на меня палкою и крикнула:

— Дуракъ, кто жъ такъ-то говоритъ? Это называется *Ревунъ*, его всѣ святые такъ-то называли, его, батюшку, бояться надо!

1930.

КОРЕННОЙ

Вечеръ на постояломъ дворѣ, страшные рассказы на нарахъ:

— Въѣхали они въ этотъ лѣсъ, ночь ихъ обуяла темная, лѣсъ черный. . . Довѣзжаютъ до дуба косматаго, а подъ нимъ жаръ-птичье перо лежитъ, огнемъ переливается. . .

— Нѣтъ, это что — перо! — говоритъ другой. — Вотъ жилъ такъ-то кузнецъ на глухомъ столбовомъ пути и принесись къ нему разъ ночью тройка ямская. . . Лошади всѣ въ мылѣ, храпятъ, какъ львы, глаза ярые, ноздри раскалились, насквозь свѣтятся. . . Соскочилъ молодецъ ямщикъ — «куй коренного скорѣй, заднія подковы сшибь!» Раздулъ кузнецъ мѣхъ, разжегъ струментъ, хватъ этого коренного за ногу, а нога-то человѣчья, голая, бѣлая!

1930.

КОМЕТА

На дворнѣ и на деревнѣ долго не вѣрили, будто идетъ какая-то комета: «Это только въ старину онѣ бывали!» Наконецъ однажды ночью уже довольно ярко засеребрился ея прозрачный хвостъ, косо вскинутый въ сѣверный небосклонъ, за каретнымъ сараемъ. Господа стояли на крыльцѣ и смотрѣли. Смотрѣли и съ порога людской, даже крестились. А на утро староста залѣзъ на крышу господскаго дома и сталъ забивать доской слуховое окно. Услыхавъ стукъ, вышли изъ дому:

— Староста! Что это ты дѣлаешь?

— Окно слуховое забиваю.

— Зачѣмъ?

— Отъ комети.

1930.

СТРОПИЛА

— Здравствуйте, баринъ, мое почтенье. Какъ поживаю-то? Да не Богъ вѣсть какъ. Все мотаюсь, мѣщанствую. Съ ярманки на ярманку, съ базара на базаръ. . . А вѣдь уже пѣть сорокъ, — вы не глядите, что я такой борзой, на ногу легкой. Одно спасенье, что своя хибарка есть, — случается, и совсѣмъ голодный придешь, ну, а все-таки домой. . . хотя, по совѣсти сказать, скука мнѣ дома теперь не приведи Богъ. Сами знаете наше слободское житье: сушь, жара, дни долги. . . А домъ пустой: жену схоронилъ, дѣтей схоронилъ, одна мамаша покамѣсть жива. Но только и мамаша послѣднее время не больно радуется: едва ноги таскаетъ по горницѣ, слаба стала до крайности, слухомъ и зрѣніемъ я того слабѣй, интереса или соображенія — ни малѣйшаго, худа, хоть въ гробъ клади. Вѣдь какая была женщина! По дородству, по статности прямо игуменьей быть. А теперь — никуда: одни стропила остались.

1930.

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ

Слобода, безконечный лѣтній день.

И весь день сидитъ босой, распоясанный сапожникъ возлѣ своей ветхой мазанки, на гнилой лавочкѣ, поставивъ подъ солнце свою раскрытую лохматую голову. Сидитъ и занимается съ рыжимъ кобелькомъ:

— Дай лапку!

Кобелекъ не понимаетъ, не даетъ.

— Говорять тебѣ, дай лапку! Ну?

Кобелекъ не даетъ. И онъ бьетъ его по мордѣ. Кобелекъ съ отвращеніемъ моргаетъ, отворачивается, кисло-сладко оскалывается, неуверенно поднимаетъ лапу и тотчасъ опять опускаетъ ее. И опять пощечина, и опять:

— Дай, сукинъ сынъ, лапку!

1930.

ДѢДУШКА

Сѣдь, густоволось, лохмать, весь день курить.

Встаетъ ни свѣтъ, ни заря и пока не закуритъ, не затянется — совершенно шальной, ничего не понимаетъ.

И необыкновенно ненуженъ, чуждъ всему міру, всѣмъ чадамъ и домочадцамъ (хотя и зовутъ его папашей, дѣдушкой) и вотъ-вотъ скоропостижно помретъ, на вѣки исчезнетъ изъ этого мѣщанскаго гнѣзда, изъ этого уѣзднаго захоlustья — и поди-ка узнай тогда, Расскажи, чѣмъ и для чего жилъ онъ въ своемъ вѣчномъ табачномъ дурманѣ.

И все-то онъ играетъ какую-то роль:

— Дѣдушка, обѣдать! Лапша простынетъ!

— Да обѣдайте, обѣдайте безъ меня. . . Я потомъ. . . что останется. . .

А самъ ждетъ не дождется обѣда — съ ранняго утра.

— Папаша, вы хоть бы кальсоны перемѣнили, вѣдь у васъ цѣлая укладка бѣлья!

— Вотъ это спасибо! Цѣлая укладка! Да у меня клока цѣльнаго давно не осталось! Небось, кабы было, не сталъ бы беречь! Мнѣ теперь, милая невѣстушка, ничего не надо. Пожилъ, слава Богу, пора и честь знать, объ одномъ молю Бога — околѣть поскорѣй. . .

А самъ жаденъ невѣроятно, надъ укладкой своей дрожить и жить хочетъ ужасно и твердо надѣется прожить никакъ не менѣе вѣка.

Зачѣмъ?

Но онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ.

«Чужая душа потемки.» — Нѣтъ, своя собственная гораздо темнѣй.

1930.

ПОСТОЯЛЕЦЪ

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, теперь не сдается. Извозчикъ сказалъ вамъ правду, у насъ жили. Мы, дѣйстви-тельно, прежде иногда сдавали, ну, а теперь рѣшили совсѣмъ не сдавать, — ни за какую цѣну. И не просите — никакъ не можемъ. Вы меня, пожалуйста, извините, вы, я вижу, господинъ пріятный и приличный, но что-же дѣлать? Я васъ понимаю, — городокъ нашъ дикій, найти у насъ помѣщенье трудно. Опять же человекъ вы пріѣзжій, никому не извѣстный — всякій будетъ стѣсняться: молъ, будетъ-ли платить аккуратно, да не дерзкаго ли поведенья. . . вѣдь бываетъ — придетъ постоялецъ ночью отъ друга, ляжетъ спать хмельной, съ папироской, заснетъ и надѣлаетъ пожара. . . Знаю и то, что не всякое семейство будетъ и вамъ самому по вкусу, а у насъ, конечно, чисто, тихо, старушки мы съ сестрицей одинокія, не нахальныя, домикъ имѣемъ хоть и скудный, а все таки есть и садикъ, и коровка. . . Мнѣ васъ, батюшка, сердечно жалко, но только мы ужъ твердо теперь согласились: больше этимъ дѣломъ никогда не заниматься — Богъ съ нимъ совсѣмъ, пускай комната стоитъ пустая. Вы вотъ усмѣхаетесь, а, простите, сами не знаете, чему. Отчего имен-

но мы такъ рѣшили? А не все ли вамъ равно? Если же хотите знать серьезно, то извольте, объясню: оттого, что съ послѣднимъ постояльцемъ мы имѣли такую не-приятность, которой и подобія не сыщешь. Мы, ба-тюшка, такъ съ нимъ натерпѣлись, что и теперь страшно вспомнить. Онъ, этотъ постоялецъ, сначала просто плѣнилъ насъ: видимъ однажды утромъ, подѣзжаетъ къ воротамъ извозчикъ съ вокзала, съ утренняго поѣзда изъ Тулы, сидитъ въ пролеткѣ молодой человекъ съ дорожной корзинкой, не спѣша слѣзаетъ и направляется къ калиткѣ. Очень хромаетъ, — лѣвый кострець такъ и ходитъ то кверху, то книзу, подошва на лѣвомъ ботинкѣ пальца въ три толщиной, — но до того скромнень, миловиденъ, такое новенькое пальтецо, такой хорошенькій костыликъ, что мы просто залюбовались. Форменная фуражка тоже только что изъ магазина — оказывается чиновникъ, недавно поступилъ на службу и вотъ, значитъ, командированъ изъ Тулы находится въ нашемъ уѣздѣ. Застѣнчивъ на рѣдкость, спрашиваетъ объ условіяхъ даже подобострастно, глазъ не поднимаетъ — стоитъ въ прихожей, снявъ фуражку, уперся въ этотъ костыль, поднялъ кострець сколько можно, едва носкомъ пола касается, смотритъ куда-то вбокъ, въ землю, весь румянцемъ залился и спрашиваетъ. . . Голосъ искательный, тихій, заикается немного. . . Не понравилось мнѣ, правда, тогда-же, что онъ избѣгаетъ, не можетъ, видно, глядѣть человеку въ глаза прямо, ну, да что-жъ, думаю себѣ, они эти хромые и заики, всегда такіе обидчивые, самолюбивые. . . Короче сказать вамъ, въ тотъ же день онъ у насъ и поселился и съ мѣсяцъ жилъ до того безупречно, что хоть бы епархіалкѣ впору. Напьется чаю, уйдетъ до

обѣда на службу, послѣ обѣда засядеть за какую-нибудь вѣдомость, отчетность, что принесеть съ собой на домъ, для вечерней работы, — и сидить какъ мышь, даже дыханья не слышно. . . Только ужъ очень былъ не словоохотливъ, да спать ложился даже какъ-то не хорошо рано: мы и то куда позднѣе — въ свои козыри для развлеченья поиграемъ, поговоримъ о чемъ-нибудь, пошутимъ, а онъ, какъ поужиналъ, какъ только, значить, восемь часовъ било, сейчасъ въ постель и ужъ лампу тушить. А вѣдь знаете — человѣкъ молодой: ну, хоть бы какое знакомство завелъ, хоть бы почиталь что, гитару купилъ бы себѣ или цитру! Все это меня тоже куда какъ къ нему не располагало, ну, а сестрица и слышать ничего не хочетъ — души въ немъ не чаеть: моль, и трудолюбивъ, и вѣжливъ, и все такое. . . Только можете себѣ представить, что же вдругъ выходить? Чувствуемъ разъ ночью — что-то насъ сквозь сонъ безпокоить. Открываемъ глаза, а у него свѣтъ подъ дверью. Что за притча? Что, моль, такое, ужъ не захворалъ ли? Часъ уже позднѣй — по мѣсяцу въ окно видно, снѣгъ на крышахъ, хоть и блестить еще, а ужъ мертвѣеть, и такъ вездѣ тихо, жутко, какъ, знаете, только часамъ къ тремъ, къ четыремъ бываетъ, а у него вдругъ огонь горить! Встали мы одна за другой чуть слышно, подкрались къ его двери, я глянула въ щелку — и, вѣрите-ли, истинно обомлѣла: полыхаетъ у него лампа — во весь фитиль пущена — а самъ онъ сидить въ одномъ бѣльѣ на кровати, поджалъ подъ себя хромую ногу и этакъ гордо, дерзко глядитъ противъ себя въ стѣну: уперся въ нее глазами, будто что на ней видитъ, потомъ какъ привскочить! Я вся трясусь, шепчу: «Сестрица, гляньте, гляньте!» А онъ какъ взовьетъ-

ся да какъ вскинетъ кренделями руки. . . Затрясь ими да какъ хлопнетъ по ляжкамъ вродѣ крыльевъ, да какъ хватить на весь домъ, во весь пѣтушинный голосъ: «Кукареку! Кукареку!» — Словомъ, не буду васъ беспокоить долгимъ рассказомъ. Одно скажу: мы такой страсти за весь вѣкъ не испытали, какъ за эту зиму! Вѣдь всю зиму кричалъ! Какъ ночь — пошла потѣха! Мы, конечно, послѣ перваго же раза обратились къ нему вполне откровенно: молъ, извините, что-же это такое, вы, оказывается, по ночамъ пѣтухомъ кричите, это намъ слишкомъ странно и неудобно, мы васъ покорнѣйше просимъ оставить квартиру. И, представьте, что-жъ онъ намъ отвѣчаетъ? «Нѣтъ, говоритъ, простите, съ квартиры я не съѣду.» Этакъ тихо, ровно, глазъ не поднимая, но такъ твердо, какъ мы даже и въ мысляхъ не держали слышать отъ такого вѣжливаго человѣка. Мы сперва просто ушамъ не могли повѣрить: позвольте, какъ же это такъ вы не съѣдете съ квартиры? Домъ-то все-таки нашъ собственный, мы вѣдь можемъ и къ вашему начальству обратиться! А онъ помолчалъ, помолчалъ, да еще тише и тверже: «Пожалуйста. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Васъ сочтутъ за сумасшедшихъ, вашимъ сказкамъ никто не повѣритъ.» — «Да помилуйте, какія-же сказки? Значитъ, вы хотите сказать, что вы не кричите?» — «Да-съ, не кричу. Кромѣ васъ, вѣдь никто не слышалъ?» И какъ, знаете, поднимется со стула во весь ростъ, какъ сверкнетъ глазами! Прежде все только припадалъ, да кострець отклячивалъ, а тутъ какъ вытянется до потолка такимъ командиромъ, какъ стукнетъ костылемъ! «Да-съ, не кричу! Попробуйте, докажите! Зовите понятыхъ сидѣть у васъ всю ночь, ждать этого крику!» А мы со

страху такъ и поползли отъ него въ разныя стороны. Перестали послѣ того и въ столовую выходить, и чай пьемъ и объдаемъ и ужинаемъ у себя въ спальнѣ, велѣли кухаркѣ ему одному подавать, онъ-же и на это никакого вниманія: поѣсть, попить и закостыляетъ въ свою комнату, ровно ни въ чемъ не бывало. А какъ ночь. . . Батюшка, онъ насъ прямо съ ума свелъ! Съ вечера ни живы, ни мертвы, — сидимъ, ждемъ этого страшнаго часа, когда онъ, значить, проснется и загорланить со всякими пѣтушиными переливами. Кухарка тоже не спитъ, ждетъ, трясется вся: «Господи, сохрани, Господи, помоги! Живый въ помощи Вышняго!» И куда только мы ни бѣгали, съ кѣмъ только ни совѣтовались: какъ быть, какъ намъ отъ этой муки и страсти избавиться! А добились только того, что всему городу посмѣшищемъ стали, а приставъ, у котораго мы чуть не въ ногахъ валялись, такъ нами подъ конецъ раздражился, что какъ орелъ сталъ вскакивать съ кресла, завидя насъ: — «Вонъ съ глазъ моихъ долой, вѣдьмы, въ кандалы велю заковать, по этапу въ Тулу въ желтый домъ отправлю!» И что бы это было, что бы это, Царь Небесный, было, если бы этого постояльца не перевели на службу въ Богородицкѣ!

1930.

ПОДСНѢЖНИКЪ

Была когда-то Россія, былъ снѣжный уѣздный городишко, была масляница — и былъ гимназистикъ Саша, котораго милая, чувствительная тетя Варя, замѣнившая ему родную мать, называла подснѣжникомъ.

Была оттепель, стояли теплые и сырые дни, русскіе, уѣздные, какихъ было уже много, много въ этомъ старомъ степномъ городишкѣ, и пріѣхалъ къ Сашѣ отецъ изъ деревни.

Отецъ пріѣхалъ изъ глухой, занесенной сугробами усадьбы и, какъ всегда, остановился на Елецкомъ подворьи, въ грязныхъ и угарныхъ номерахъ. Отецъ человекъ большой и краснолицый, курчавый и сѣдьющій, сильный и моложавый. Онъ ходитъ въ длинныхъ сапогахъ и въ романовскомъ полушубкѣ, очень теплою и очень вонючею, густо пахнущею овчиной и мятой. Онъ все время возбужденъ городомъ и праздникомъ, всегда съ блестящими отъ хмеля глазами.

А Сашѣ всего десять лѣтъ, и поистинѣ подобенъ онъ подснѣжнику не только въ этихъ мерзкихъ номерахъ Елецкаго подворья, но и во всемъ уѣздномъ мірѣ. Онъ такой необыкновенный, особенный? Нѣтъ, ничуть не

особенный: развѣ не каждому даетъ Богъ то дивное, райское, что есть младенчество, дѣтство, отрочество?

На немъ новая длинная шинель, свѣтло-сѣрая, съ бѣлыми серебряными пуговицами, новый синій картузь съ серебряными пальмовыми вѣточками надъ козырькомъ: онъ еще во всемъ, во всемъ новичекъ! И до чего эта шинель, этотъ картузь, эти вѣточки идутъ къ нему, — къ его небесно-голубымъ, яснымъ глазкамъ, къ его чистому, нѣжному личику, къ новизнѣ и свѣжести всего его существа, его младенчески-простодушнаго дыханія, его довѣрчиваго, внимательнаго взгляда, еще такъ недавно раскрывшагося на мѣръ Божій, и непорочнаго звука голоса, почти всегда вопросительнаго!

Живетъ Саша «на хлѣбахъ», въ мѣщанскомъ домишкѣ. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни въ чужой семьѣ. Какое-же счастье, какой праздникъ, когда вдругъ у воротъ этого домишки останавливаются деревенскія, набитыя соломой сани, пара запряженныхъ впротяжку лохматыхъ деревенскихъ лошадей! Съ этого дня Саша переселяется на Елецкое подворье.

Отецъ просыпается рано, наполняетъ весь номеръ, и безъ того душный, ѣдимъ табачнымъ дымомъ, затѣмъ кричитъ въ коридоръ, требуя самоваръ, пьетъ чай и опять курить, а Саша все спитъ и спитъ на диванѣ, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что въ гимназію идти не надо. Наконецъ, отецъ ласково будитъ его, шутя стаскиваетъ съ него одѣяло. Саша молить дать поспать ему хоть одну минуточку, а потомъ сразу приходитъ въ себя, садится на диванъ и, радостно оглядываясь, рассказываетъ, что снилось ему, будто у него передержка по латыни, но только не въ гимназін, а гдѣ-то на голубятнѣ.

Умывшись, онъ становится во фронтъ и учтиво, но разсѣянно крестится и кланяется въ уголь, потомъ шаркаетъ отцу ножкой и цѣлуетъ его большую руку. Онъ счастливъ, онъ свѣжъ и чистъ, какъ ангелъ. Онъ кладетъ въ стаканъ цѣлыхъ пять кусочковъ сахару, съѣдаетъ цѣлый калачъ и опять шаркаетъ ножкой:

— Мерси, папочка!

Онъ совершенно сытъ, но отецъ уже надѣваетъ полушубокъ: пора итти на базаръ, въ трактиръ, — завтракать. И, одѣвшись, они выходятъ, бросивъ теплый, полный дыму номеръ раскрытымъ настежь. Ахъ, какъ хорошъ послѣ комнаты зимней сырой воздухъ, пахнувший праздничнымъ чадомъ изъ трубъ! И какой долгій прекрасный день впереди!

Въ трактирѣ «чистая» половина во второмъ этажѣ. И уже на лѣстницѣ, необыкновенно крутой и до-нельзя затоптанной, слышно, какъ много въ ней народу, какъ буйно носятся половые и какой густой, горячій угаръ стоитъ повсюду. И вотъ, отецъ садится, снявъ шапку, распахнувъ полушубокъ, и сразу заказываетъ нѣсколько порцій, — селянку на сковородкѣ, леща въ сметанѣ, жареной наваги, — требуетъ графинъ водки, полдюжины пива и приглашаетъ за столъ къ себѣ знакомыхъ: какихъ-то рыжихъ мужиковъ въ тулупахъ, какихъ-то чернявыхъ мѣщанъ въ чуйкахъ. . .

Казалось бы, какое мученіе сидѣть въ этомъ чаду, въ этой тѣснотѣ, среди безконечныхъ и непонятныхъ разговоровъ и споровъ безъ всякой мѣры пьющихъ, закусывающихъ и пьянѣющихъ людей! Сколько ихъ кругомъ, этихъ мужиковъ, извозчиковъ, толстыхъ купцовъ, худыхъ барышниковъ! Сколько красныхъ, распаренныхъ вѣдой, водкой и духотой лицъ, потныхъ

лбовъ, лохматыхъ головъ, густыхъ бородъ, чуекъ, армяковъ, полушубковъ, тулуповъ, громадныхъ сапогъ и тающихъ валенокъ, разводящихъ подъ табуретами цѣлыя лужи! Какъ вездѣ натоптано, наплевано, какъ дико и нелѣпо орутъ за нѣкоторыми столиками и какъ ошалѣли половые въ бѣлыхъ штанахъ и рубахахъ, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами въ рукахъ, съ задранными головами, межъ тѣмъ, какъ спокоенъ только одинъ высокій и худой старикъ, строгимъ и зоркимъ командиромъ стоящій за стойкой! И, однако, какъ незамѣтно летитъ этотъ счастливый день, какъ блаженно и широко раскрыты лазурные дѣтскіе глаза!

А въ понедѣльникъ все это сразу кончается. Городъ принимаетъ смиренный и будничный видъ, пустѣетъ даже базарная площадь — и великое горе надвигается на Сашу: отецъ увъзжаетъ.

Да, даже проснулся отецъ нынче уже совсѣмъ не такимъ, какъ просыпался всѣ эти масляничные дни. Онъ простъ, тихъ, чѣмъ-то озабоченъ. Онъ собирается, расплачивается. А тамъ, во дворѣ, уже запрягаютъ лошадей. . . Послѣдній, самый горькій часъ! Вотъ сію минуту вдругъ войдетъ коридорный:

— Подано, Николай Николаичъ!

И отецъ, огромный, толстый отъ медвѣжьей шубы, надѣтой поверхъ полушубка, въ черныхъ, выше коленъ, валенкахъ и въ большой боярской шапкѣ, сядетъ на диванъ и скажетъ:

— Ну, присядемъ, Сашенька, и Христось съ тобой.

И тотчасъ-же опять встанетъ и начнетъ торопливо крестить, цѣловать его, совать руку къ его губамъ. . .

А лошади уже стоятъ у крыльца. Онѣ косматы, рѣсницы у нихъ большія, на усахъ засохшее тѣсто — Боже, какой родной, не городской, а деревенскій, зимній, безконечно милый видъ у нихъ! Милыя, деревенскія и эти сани, набитыя соломой. И работникъ уже стоитъ въ ихъ козлахъ, въ буромъ и грубомъ армякѣ, надѣтомъ на полушубокъ, съ возжами и длиннымъ кнутомъ въ рукахъ. . . Еще минута — и побѣгутъ, побѣгутъ эти лошади, эти сани по Успенской улицѣ вонъ изъ города, въ сѣрыя снѣжныя поля — и прости, прощай, счастливѣйшая въ жизни недѣля!

— До свиданья, Сашенька, Христось съ тобой.

1927.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ

Подмосковный дачный поѣздъ, весь изъ вагоновъ только перваго и втораго класса. Идетъ шибко, ровно, но вдругъ замедляетъ ходъ — и въ одномъ первоклассномъ вагонѣ происходитъ нѣчто небывалое: кондукторъ вталкиваетъ въ него какого-то рванаго, измазаннаго глиной мужичишку.

— Ради Бога, простите, господа, — рабочій съ пути, посылается съ срочнымъ порученіемъ въ Быково, не успѣлъ, дуракъ на паровозъ вскочить. . . Только до Быкова. . .

Всѣ на мгновеніе даже теряются отъ такой нелѣпости, но быстро овладѣваютъ собой, сдерживаются. Поѣздъ опять идетъ полнымъ ходомъ и въ вагонѣ опять все какъ будто по прежнему: курятъ, бесѣдуютъ, смотрятъ въ окна. . . Однако, всѣмъ неловко, всѣмъ не по себѣ — бесѣдуютъ уже притворно, курятъ съ преувеличенной беззаботностью. . . А про него и говорить нечего: онъ стоитъ возлѣ двери, готовый провалиться сквозь землю отъ всѣхъ этихъ панамъ, чесучевыхъ костюмовъ, большихъ, полныхъ тѣлъ, сытыхъ лицъ. Онъ не знаетъ, куда глаза дѣвать, рукавомъ вытираетъ потный лобъ, держа въ лѣвой рукѣ тяжело висящую до

пола сумку съ какими-то чугунными брусками, гайками, клещами. . .

И длится эта чепуха, эта мука цѣлыхъ тридцать пять минутъ.

1930.

КАНУНЪ

Въ городѣ, по пути на вокзалъ. Извозчикъ мчитъ во весь духъ, съ горы и на мостъ, черезъ рѣчку. Подъ мостомъ, на береговой отмели, отвернувшись отъ проѣзжихъ подъ навѣсъ моста и какъ-бы для защиты поднявъ плечи, стоитъ босякъ, спѣшно, какъ собака, пожираетъ изъ грязной тряпки что-то вродѣ начинки. А позади грохочутъ, летятъ, точно нагоняютъ, ломовыя тельги, трясутся, висятъ съ грядокъ, страшные сапоги мужиковъ. Всѣ въ мукѣ, — мукомолы, — всѣ великаны и всѣ рыжіе, безъ шапокъ, въ красныхъ рубахахъ распояской. . .

А потомъ вагонъ, второй классъ. И какой-то сидящій противъ меня господинъ лѣтъ за сорокъ, широкій и стриженный бобрикомъ, въ золотыхъ очкахъ на плоскомъ носу съ наглыми ноздрями, все встаетъ и, не глядя на меня, — отъ пренебреженія ко мнѣ, — все поправляетъ на сѣткѣ свои хорошіе, въ крѣпкихъ чехлахъ чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и увѣренный въ себѣ господинъ, спокойный за свое благополучіе и строгое достоинство. . .

Шла, однако, уже осень шестнадцатаго года.

1930.

СЕСТРИЦА

По Смоленской дорогѣ. Длинный коридоръ и раскрытыя отдѣленія первокласснаго вагона. Блескъ орѣховаго дерева и краснаго бархата въ полномъ несоотвѣтствіи съ больнично-солдатскимъ людомъ, наполняющимъ вагонъ: рогульки костылей подъ торчащими плечами, сѣрые халаты, забинтованныя головы, толстыя бѣлыя култышки закутаннхъ ступней, выставленныхъ впередъ... Курятъ турецкій табакъ, ѣдятъ конфеты, прилично бесѣдуютъ, наслаждаясь своимъ необычнымъ положеніемъ...

Она съ улыбкой:

— Ну, какъ, Меркуловъ?

Солдатъ, вѣжливо приподнимаясь на костыляхъ, на вѣсу держа впередъ култышку:

— Да что-жь, сестрица, терпѣть надо... Всякій должонъ свою жертву принести... Благодаримъ васъ...

Она заговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, потомъ стоитъ у окна въ коридорѣ. Вагонъ мягко пружинитъ, летитъ. Она смотритъ на мелькающіе за окномъ темные рукава елей, на стволы, идущіе кругами въ глубинѣ лѣса, что-то чуть-чуть напѣваетъ. Бѣлая косыночка, мягкая кожаная куртка, легкая юбка изъ

свѣраго тика, особенно дающая чувствовать тяжесть за-
да. . . Тихо и грѣховно сіяютъ иконописные черные гла-
за. . .

1930.

МАСКА

Зимнимъ вечеромъ на Николаевскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ. Отходятъ поѣзда въ Москву. Въ буфетной залѣ шумно, тѣсно, всѣ не въ мѣру торопятся ѣсть, пить, всѣ одѣты тяжело, жарко, по дорожному. Круглоголовые татары лакеи носятъ съ блюдами, какъ угорѣлые, воздухъ густой, пахучій, горячій. . .

Она сидитъ за сосѣднимъ столикомъ и дѣлаетъ видъ полного спокойствія. Я обѣдаю и порой поглядываю на нее. Она же притворяется, что внимательно читаетъ газету: заказала отбивную котлету съ гарниромъ, а пока что купила «Новое Время» и, поднявъ брови, читаетъ, хотя прекрасно видно, что она не понимаетъ ни единого слова — такъ не идетъ къ ней газета, такъ непривычна и ненужна она ей. Она остро чувствуетъ мое сосѣдство и мое тайное любопытство, по своему толкуя его, ждетъ, что вотъ-вотъ я обращусь къ ней примѣрно такъ:

— Виновать, а вы тоже изволите ѣхать въ Москву или ждете вологодскѣго поѣзда?

Но я молчу, поглядываю и ѣмъ. И она уже волнуется, все выше поднимаетъ брови и все озабоченнѣе пе-

ревертываетъ газетные листы, будто ищетъ въ нихъ что-то самое важное, и наконецъ не выдерживаетъ:

— Простите, — говоритъ она сухо и грустно, — вы не знаете, были сегодня въ вечернихъ газетахъ новыя вѣсти съ фронта? Я ужасно беспокоюсь за мужа, третій мѣсяць не получаю писемъ. . . Онъ летчикъ и безумно храбрый. . .

— Не видалъ вечернихъ газетъ, не могу вамъ сказать.

— Жаль, — говоритъ она еще суше и, сдвинувъ брови, опять погружается въ газету. На ней синяя поддевка на бѣломъ барашкѣ, бѣлая папаха, далеко немолодые глаза ея густо подведены темной синью, широко-скулое лицо густо напудрено точно известью, пальцы крупны и крѣпки, миндально сіяютъ выпуклыми острыми ногтями, духи пахнутъ тяжело, собакой. . .

Но вотъ, безнадежно поискавъ взглядомъ свободнаго мѣста, подошелъ къ столику молоденькій рыжеусый офицеръ въ новенькой шинели изъ солдатскаго сукна, съ блестящими погонями, покраснѣлъ, кинулъ руку къ козырьку и, щелкнувъ каблуками, несмѣло взялся за стулъ противъ нея:

— Вы позволите?

Черезъ пять минутъ онъ уже угощаетъ ее сотерномъ. Вниманіе ея весьма устремлено на котлету, руки ловко работаютъ ножомъ и вилокъ, но мизинець изысканно отставленъ, брови подняты грустной усмѣшкой. Онъ покраснѣлся, осмѣлѣлъ, разстегнулъ шинель, курить, говоритъ безъ умолку. Она то и дѣло пожимаетъ плечами, небрежно роняетъ въ отвѣтъ на его щегольскія разсужденія о томъ, что жизнь «все таки прекрасна», все однѣ и тѣ же загадочныя фразы:

— Это смотря для кого...

— Это зависит отъ вкуса...

— Жизнь не укладывается въ рамки...

Онъ горячо возражаетъ:

— Но вы ужасный скептикъ! На видъ вы такая бодрая, энергичная, а межъ тѣмъ...

Она легонько стучитъ по тарелкѣ ножомъ, грустно-разсѣянно заказываетъ лакею: «Чашечку шорнаго кофе, пожалуйста», и со вздохомъ говоритъ:

— Нѣтъ, вы горько ошибаетесь, у меня въ душѣ трауръ, мой мужъ тоже офицеръ, артиллеристъ, и я только что получила страшное извѣстiе, что онъ смертельно раненъ въ бою... Я только слишкомъ хорошо умѣю носить маску!

1930.

ДО ПОБѢДНАГО КОНЦА

— Нашъ попъ — какой онъ попъ? Онъ дуракъ, невѣжа. Мою дѣвку хоронилъ — спѣшить, суетъ какъ попало. . . гробъ не даетъ поставить въ могилу какъ надо. Можно развѣ такъ хоронить? Это не скотина. «Вотъ съѣзжу, говорю, въ Орель, ваше священство, схожу въ консисторію, тогда узнаете, какъ надо хоронить: намнутъ вамъ холку очень прекрасно!» — «Не смѣй, кричить, говорить со мной такъ вольно!» — «Ну нѣтъ, моль, батя, потише! Теперь, говорю, это время прошло! Вотъ дай съ войной управимся, мы вамъ вашу «Газету Копѣйку» припомнимъ! Узнаете тогда «до побѣднаго конца!»

1930.

ПИСЬМО

— Еще пишу вамъ, обо мнѣ не скучайте, въ вагонахъ было тепло даже раздѣтому. Отъ самаго Минска снѣга совсѣмъ нѣту, мѣста все ржавыя, кругомъ болота, вода. Теперь ожидаетъ меня что-то небывалое. Прощайте, всѣ мои родные и знакомые, навѣрно, больше не увидимся. Прощайте, дорогіе, писать некогда да и дождь, а изъ глазъ моихъ слезы. Какъ начали сыпать изъ винтовокъ и снарядами, только пыль столбомъ. Двое рядомъ со мной рыли окопъ и къ нимъ прилетѣлъ снарядъ, ихъ двоихъ тогда убило, одинъ новобранецъ чужой. а другой нашъ Ваня, онъ погибъ во славу русскаго оружія. . .

1930.

СЕРПЪ И МОЛОТЪ

Записи неизвѣстнаго

I

Этого старичка я узналъ прошлой зимой. Прошлая зима была особенно страшна. Тифъ, холодъ, голодъ. . . Дикая, глухая Москва тонула въ такихъ снѣгахъ, что подвигомъ казалось выйти на улицу. Да никто и не выходилъ безъ самой крайней необходимости.

Я искалъ его по одному дѣлу. Узналъ наконецъ, что онъ все тамъ же, обитаетъ въ томъ же домѣ, гдѣ было прежде нѣкоторое государственное учрежденіе, при которомъ состоялъ онъ. Теперь этотъ громадный домъ пусть и мертвъ. Я вошелъ въ раскрытыя ворота и остановился, не зная, куда итти дальше. Но, по счастью, за мной вошелъ какой-то мальчишка, который что-то несъ съ собой. Оказалось, что мальчишка идетъ какъ разъ къ старичку, несетъ ему пшенной каши: старичекъ питался только тѣмъ, что присылалъ ему иногда, по старой дружбѣ, отецъ мальчишки. Пошли вмѣстѣ, вошли въ подвальный этажъ дома, долго шли по какому-то подземелью, постучали наконецъ въ маленькую

дверку. Она отворилась въ низокъ подь каменнымъ сводомъ. Въ низкѣ было очень жарко: посреди стояла желѣзная печка, до красна раскаленная. Старичокъ поднялся мнѣ навстрѣчу на растоптанныхъ, трясущихся ногахъ и сказалъ нѣчто совершенно непривычное теперь для слуха: «Имѣю честь кланяться!» Выцвѣтшіе, слезящіеся глаза, сѣрая бакенбарды; давно небритый подбородокъ заросъ густо, молочно. Весь низокъ сплошь увѣшанъ яркими лубочными картинами — святые, истязуемые мученики, блаженные и юродивые, виды монастырей, скитовъ; цѣлый уголъ занятъ большимъ кіотомъ съ блестящими золотыми образами, передъ которыми разноцвѣтно теплятся лампадки — зеленые, малиновые, голубые. Другіе углы завалены духовными книжками, житіями. Запахъ лампаднаго масла, кипариса, воска и жаръ отъ печки были нестерпимы.

— Да-съ, тепло! — сказалъ, грустно усмѣхаясь, старичекъ. — Не въ примѣръ всей Москвѣ, на холодъ не пожалуюсь. Всѣми, слава Богу, забытъ въ этомъ подземельи, даже почти никто и не подозрѣваетъ, что я здѣсь уцѣлѣлъ. Не знаетъ никто и про тотъ тайный запасъ дровецъ, что остался здѣсь въ нѣкоторомъ подвальчикѣ. Вотъ и топлю и сижу, какъ въ криптѣ или катакомбѣ. Здѣсь, дастъ Богъ, вскорости и окончу свое земное существованіе. Очень сталъ хилъ и печалюсь. Времена опять зашли темныя, жестокія и, думаю, надолго. Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ и Россія: вся наша исторія — шагъ впередъ, два назадъ, къ своему исконному — къ дикому мужичеству, къ разбитому корыту, къ лыковому лаптю. Помните? «Было столь загажено въ кремлевскихъ пала-

тахъ колодниками, что темнѣли на иконахъ ризы. . .» Таковыми палатами и стала снова Россія, оправдывающая нынѣ слово Исаака Сирина: «Песь, лижущій пилу, пьетъ собственную кровь и изъ-за сладости крови своей не сознаетъ вреда себѣ. . .» Впрочемъ, все это вамъ и безъ меня хорошо извѣстно. Перейдемъ къ дѣлу: весь къ вашимъ услугамъ, но чѣмъ именно могу служить?

. . . Весной онъ умеръ. Въ одно изъ нашихъ послѣднихъ свиданій онъ говорилъ мнѣ:

— Знаете ли вы это чудное сказаніе? Забѣжала шакалка въ пещеру Іоанна Многострадальнаго и разбила его свѣтильникъ, стоявшій у входа. Святой, сидя ночью на полу темной пещеры, горько плакалъ, закрывшись руками: какъ, молъ, совершать теперь чинъ ночной молитвы, чтенія? Когда-же поднялъ лицо, утираясь рукавомъ, то увидѣлъ, что озаряетъ пещеру нѣкій тонкій, невѣдомо откуда струящій свѣтъ. И такъ съ тѣхъ поръ и свѣтилъ онъ ему по ночамъ — до самой его кончины. А при кончинѣ, воспринимая его душу, нѣжно сказалъ ему Ангель Господень: «Это свѣтъ твоей скорби свѣтилъ тебѣ, Іоаннъ!»

II

Жизнь возобновляется, — вѣдь идетъ шестой годъ ихъ царства, — даже начинаетъ переходить въ будни. Бѣлый хлѣбъ и чай входятъ въ обычай. Опять, удивляя и радуя, открываются лавки и магазины, кое-гдѣ пошли трамваи, появились извозчики. . . И опять весна и даже нѣкоторыя весеннія чувства, — на примѣръ,

въ какую-нибудь черную сырую ночь съ этимъ особеннымъ трескомъ колесъ и цоканьемъ копытъ по мостовой, съ влажнымъ вѣтромъ въ фортку, или въ солнечный полдень, когда все течетъ, блещетъ, таетъ, а на углу Арбата, на тротуарѣ, возлѣ бывшей «Праги», сидятъ и, напоминая о югѣ, дерутъ свои стихирны слѣпыя лирики. . . Вмѣстѣ съ весной стало какъ-то необычнолюдно на главныхъ улицахъ. Народъ, впрочемъ, все больше новый. Людей прежняго времени, особенно старыхъ уже почти нѣтъ, ихъ погибло за эти годы безконечно много, а тѣ, что какъ-то уцѣлѣли, странны: зачѣмъ они уцѣлѣли, зачѣмъ вылѣзли откуда-то на свѣтъ Божій, какъ замороженные звѣри изъ своихъ холодныхъ норъ, — блѣдные, обросшіе ватной сѣдиной, въ зимнихъ лохмотьяхъ? Вижу иногда знаменитаго народовольца: ужасная черная шляпа (ужаснѣе тѣхъ, что валялись прежде только на пустыряхъ, на свалкахъ), рубище солдатской шинели, грязные, мокрые опорки, связанные веревкой. . . Однако, очень бодръ, всегда не идетъ, а бѣжитъ, такъ и сверкаетъ очками и младенческой, блаженно-изумленной улыбкой.

Я скитаюсь по Москвѣ, даже начинаю мечтать о поѣздкахъ кое-куда. Иногда не бываю дома съ утра до вечера, отдыхаю, ѣмъ и пью гдѣ придется, въ какой-нибудь чайной. Сажу, курю махорку, смотрю на сосѣдей, слушаю разговоры и музыку. Какой-нибудь доушей лысый еврей, съ бархатно-черными глазами, отставивъ впередъ ногу, съ бѣшеной страстью жжетъ и бьетъ смычкомъ по скрипкѣ, солдатъ въ обмоткахъ тупо реветъ на гармоніи, поставленной на приподнятое колѣно. . .

Есть вѣсти изъ нашихъ мѣстъ — изъ города и изъ

деревни: и тамъ уже будни. Недавно посѣтилъ насъ «землячекъ», бывшій красноармеецъ. Дружески сидѣлъ съ нами, пилъ чай, велъ бесѣду. Говорилъ, усмѣхаясь, что теперь и отдохнуть можно:

— Теперь мы Россію замирили, вездѣ тихо. Я самъ въ Тамбовѣ не меньше ста душъ въ расходъ вывелъ. . .

Онъ обросъ густой и круглой красно-коричневой бородой. Круглые прозрачно-коричневые глаза стоятъ, какъ у филина. Стриженная голова имѣетъ форму гроба.

III

Очень далекимъ стало все прошлое! Былъ я однажды въ Хамовникахъ, въ домѣ Толстыхъ. Былъ вотъ такой-же блестящій апрѣльскій день, весеннее сіяніе голыхъ деревьевъ, запахъ почекъ и сырой земли. . . И какая грусть! Домъ пустъ, давно не топится, въ немъ холодъ, сырость. . . Особенно грустно въ тѣхъ двухъ низкихъ комнатахъ съ топорными креслами, обитыми черной кожей, очень потертой и въ складкахъ, гдѣ жилъ онъ самъ. На стѣнѣ виситъ его старая мѣховая шуба, на полу — разбитый кувшинъ и старое деревянное судно, у одной стѣны столикъ съ сапожными инструментами. . . Все бѣдное, жалкое, слѣды жизни уже давней и забытой!

Вспоминаю еще Остафьево, гдѣ былъ передъ этимъ. Тамъ, въ кабинетѣ Карамзина, лежатъ подъ стекломъ кое-какія вещи Пушкина: черный жилетъ, бѣлая бальная перчатка, палка. . . Потомъ — восковая свѣча съ панихиды по немъ. . . Смотрѣлъ — стѣснялось дыха-

нѣе. Какъ все хорошо, безжизненно и печально! Вѣкъ еще болѣе давній и потому кажущійся еще прекраснѣй, еще тоньше. . .

IV

Въ іюнѣ нѣкоторое время жилъ въ Тверскомъ удѣлѣ.

Тихій и печальный край! Бѣдныя песчанья поля, тощія перелѣски, рѣдкіе поселки, лѣса по горизонтамъ. А не то низины, болота. . . Дни тоже какіе-то бѣдные, невзрачные. По вечерамъ тусклое сіяніе луны. . .

Чѣмъ тутъ живутъ теперь, когда нѣтъ Москвы, московскихъ заработковъ и всѣ сидятъ дома, — не понятно. Земля скудная и малая, черноземному человѣку смотрѣтъ жалко. Но вотъ какъ-то живутъ и даже на видъ не плохо, во всякомъ случаѣ лучше нашихъ. Избы прочны, ладны, стоятъ вдоль улицы ровно. Въ избахъ деревянныя полы, занавѣсочки на окнахъ, подъ окномъ пяльцы съ узорнымъ холстомъ, на полкѣ самоваръ. . . Одѣты всѣ довольно опрятно, дѣвки и ребята даже франтятъ и по вечерамъ парами танцуютъ около избъ подъ гармонью. Пожилые весьма схожи съ нашими по языку, по склонности изрекать общія мѣста, мудрыя пошлости. И, конечно, такъ-же равнодушны и къ тому, что когда-то было, и къ тому, что случилось, и къ тому, что есть. Надъ тѣмъ, напримѣръ, что теперь на полтора милліона можно купить всего пять фунтовъ муки, лишь усмѣхаются: покачиваютъ головами и уютно прячутъ руки въ рукава.

Москва тутъ кажется за тысячу версть. Я о ней слышалъ, между прочимъ, такое сужденіе:

— Дивно, какъ еще эта Москва *веществуется!*

V

Въ послѣдній разъ побывалъ въ Никольскомъ.

Пришло неожиданное и удивительное письмо отъ никольскихъ мужиковъ. Писалъ отъ ихъ имени новый учитель:

«Граждане сельца Никольское вспоминаютъ васъ, относясь съ симпатіей, въ ознаменованіе чего и предлагаютъ вамъ поселиться на родномъ пепелищѣ, снявъ у нихъ въ арендное содержанье бывшую вашу усадьбу и живя въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ. Пріѣзжайте для личныхъ переговоровъ и хлопотъ, ничего не подозрѣвая, ввиду того, что теперь васъ никто пальцемъ не тронетъ, событія миновали, и рѣка вошла въ свои берега. . .»

Бдучи, думалъ: неужели и впрямь опять ѣду я туда, гдѣ встрѣтилъ когда то страшное начало этихъ «событій», откуда бѣжалъ въ одну изъ самыхъ зловѣщихъ октябрьскихъ ночей семнадцатаго года и гдѣ уже никогда не чаялъ быть снова! Не вѣрилось, что опять увижу это «пепелище», пока не увидалъ собственными глазами давно знакомыя мѣста и лица.

А затѣмъ было очень странно видѣть все прежнее, свое, собственное, чьимъ то чужимъ, — чьимъ именно,

никто еще не зналъ толкомъ во всей деревнѣ, — странно взглянуть на всѣ эти столь грубо одичавшіе за пять лѣтъ «берега» и, въ частности, на тѣ измѣненія и разрушенія, что произошли въ усадьбѣ за время пятилѣтняго мужицкаго владычества надъ ней. . . снова войти въ тотъ домъ, гдѣ родился, выросъ, провелъ почти всю жизнь, и гдѣ теперь оказалось цѣлыхъ три новыхъ семейства: бабы, мужики, дѣти, голыя потемнѣвшія стѣны, первобытная пустота комнатъ, на полу натопанная грязь, корыта, кадушки, люльки, постели изъ соломы и рваныхъ пѣгихъ попонъ. . . Стекла оконъ, ихъ зимнихъ рамъ, теперь никогда не вынимаемыхъ, точно покрыты черными кружевами — такъ засидѣли ихъ мухи.

На деревнѣ встрѣтили меня ласково, сами дивились на то, что произошло, съ жалостью разглядывали мою бѣдную одежду и все говорили, что надо хлопотать, чтобъ разрѣшили эту аренду «на вѣчность». Но вѣдь домъ то оказался занятъ, и въ домѣ ко мнѣ отнеслись, конечно, совсѣмъ по другому, особенно бабы. Тѣ тотчасъ же заявили безъ всякаго стѣсненія: «Какая такая аренда? Ну, нѣтъ, никакого міра мы и знать не хотимъ, изъ дому не выйдемъ!» И я тотчасъ же понялъ, что и впрямь какъ то нагло и глупо влѣзъ я въ этотъ домъ, въ эту чужую, уже крѣпко внѣдрившуюся въ него жизнь.

Провелъ я въ Никольскомъ всего двое сутокъ.

Уѣхалъ, зная, что уѣзжаю теперь уже навѣки.

На дняхъ встрѣтилъ на Кузнецкомъ никольскаго Степана: стоитъ передъ пустой витриной магазина и

пристально смотреть; на головѣ шапка, на плечахъ тулупъ, на ногахъ валенки, хотя жара градусовъ тридцать. Обрадовался мнѣ, какъ родному, сталъ упрекать: «Напрасно вы погордились — жили бы себѣ на покой, у насъ теперь не хуже прежняго, все хорошо, тихо.» И тутъ же рассказалъ, что вышло недавно по близости отъ Никольскаго «нехорошее дѣльце»: остановились возлѣ деревни на большой дорогѣ цыгане и свели съ деревни ночью лошадь, а мужики въ лоскъ положили за это весь таборъ: убили цѣлыхъ шестнадцать челоуѣкъ мужинъ и женщинъ и одного маленькаго цыганенка; дрались весь день, съ утра до вечера — цыгане защищались не на животь, а на смерть, особенно одинъ, совершенный красавецъ, отецъ двухъ такихъ же красавцевъ сыновей, которые такъ рядомъ и легли съ нимъ.

VI

Въ прекрасный сентябрьскій вечеръ шель въ Даниловъ монастырь. Когда подходилъ, ударилъ большой колоколь. Вотъ звукъ! Золотой, глухой, подземный... На могилѣ Гоголя таинственно и грустно свѣтилъ огонекъ неугасимой лампы и лежали цвѣты. Возлѣ стояли старичекъ и старушка, старомодные на рѣдкость. Я спросилъ, кто это такъ хорошо содержитъ могилу. Старичекъ отвѣтилъ: «Монахи. А вы думаете, что все погибло? Нѣтъ еще...» — затрясся и заплакалъ. Старушка взяла его подъ руку: «Пойдемъ, пойдемъ, ты совсѣмъ впалъ въ дѣтство», — и повела его, плачущаго, по дорожкамъ къ воротамъ.

Нынче съ утра Москва стояла въ ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ. Вышелъ на улицу — день совсѣмъ лѣтній, какъ часто бываетъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ. Легко и съ удовольствіемъ шель внизъ по Воздвиженкѣ, прямо на солнце, по сухому тротуару. День праздничный, на улицѣ много молодого народа. На солнечномъ углу, на поворотѣ на Моховую, бодро похаживалъ и поглядывалъ оборванный малый, щеголевато покрикивалъ низкимъ, хрипучимъ отъ дурной болѣзни голосомъ, предлагая проходимъ собраніе сочиненій Ленина, будто бы новое и «общедоступное.» Прохожіе усмѣхались, шли мимо. И вслѣдъ каждому онъ кривилъ глаза, кривилъ ротъ и, въ бокъ прикрывая его рукой, хрипло и быстро добавлялъ: «Есть похабненькое. . .» Постовой грозилъ ему съ улицы пальцемъ, но тоже съ усмѣшкой. А впереди меня все время бѣжалъ мальчишка въ женскихъ разбитыхъ башмакахъ, продавалъ свѣжей номеръ еженедѣльнаго журнальчика, во всю первую страницу котораго изображенъ былъ Богъ-Отецъ, сидящій на облакахъ и недовольно разглядывающій сквозь громадное пенснэ афишку, послѣдній совѣтскій декретъ. . . Я на цѣлый день уѣхалъ изъ Москвы — цѣлый день провелъ въ деревнѣ, въ одной усадьбѣ.

Пока я сидѣлъ въ вагонѣ, стали находить облака, стало скучнѣй и прохладнѣй. Потомъ, когда я шель къ усадьбѣ со станціи, сталъ еще очевиднѣй этотъ обычный обманъ ранней весны. Въ эту пору всегда рѣзкая разница между городомъ и деревней и всегда портится утренняя погода къ полудню. Такъ было и тутъ. Солнце скрылось за облаками, подулъ вѣтерокъ. . . Но и въ

этомъ была весенняя прелесть. Свѣжій запахъ земли, вѣтеръ сладко холодить щеки, руки, дуетъ въ рукава. . . Потомъ я съ радостью увидалъ апрѣльскую наготу старыхъ деревьевъ усадьбы, ея еще сѣраго и сухого парка, сквозившаго своими сучьями на холодномъ облачномъ небѣ. Въ усадьбѣ не было, конечно, ни души — только сторожъ съ семьей въ своей сторожкѣ. Я сидѣлъ на скамьѣ въ главной аллеѣ, ведущей къ дому. Солнце лишь порой проглядывало изъ-за облаковъ; все вокругъ было тихо, мертво, пустынно — только тикали какія-то птички по парку; палевыя стѣны и бѣлыя колонны пустого, безмолвнаго дома дивно и безжизненно свѣтили въ концѣ аллеи изъ-за голыхъ вѣтвей и стволовъ. . . Наконецъ, подошелъ сторожъ съ трубкой въ зубахъ, повелъ меня къ дому, отворилъ ключемъ главныя двери и пошелъ за мной, стуча сапогами по навощеннымъ поламъ, сперва по вестибюлю, гдѣ стыдливо и граціозно стояли нагія мраморныя богини, потомъ по безконечнымъ ледянымъ заламъ, среди цѣлой галлерей портретовъ, тускло блестящихъ со стѣнъ своими черными лаками и затвердѣвшими, помертвѣвшими красками, косо провожавшихъ насъ съ двухъ сторонъ млечно-голубыми бѣлками глазъ, мѣловыми париками, яичной округлостью женскихъ грудей. . . Зашли въ женскую спальню съ кожаной мебелью, съ овальнымъ заржавленнымъ зеркаломъ. . . Смотрѣлъ и думалъ: какъ повѣрить, что все это слѣды жизни, подлинно бывшей когда-то, что люди этого дома и впрямь жили здѣсь! Спросилъ сторожа: «Скучно вамъ, небось, тутъ?» — «Скучно, отвѣтилъ онъ. — Говорили, новый строй, новый строй, а на дѣлѣ все въ прежнемъ положеніи. Одинъ подлогъ, обманъ. . .» Потомъ онъ опять

заперъ домъ и ушелъ къ себѣ, а я бродилъ вокругъ дома, по парку. Заглянулъ въ одно окно въ полуподвальный этажъ — увидѣлъ сквозь желѣзную рѣшетку, какое-то подземелье, заваленное мраморными обломками — львиными головами, урнами и плоскодонными чашами, капителями колоннъ. . .

Ушелъ я изъ усадьбы только вечеромъ, когда мѣсяцъ уже сталъ класть въ паркѣ легкія апрѣльскія тѣни подъ деревьями и серебрить поляны. Уходя, думалъ: ночью паркъ побѣлѣетъ подъ мѣсяцемъ, мертвый домъ засвѣтится насквозь, всѣми своими пустыми, блестящими покаями. . .

VIII

Быль на судѣ.

Подсудимый крестьянинъ Волоколамскаго уѣзда. Мальчикомъ былъ отданъ въ обученіе къ «богомазу», затѣмъ и самъ сталъ «богомазомъ.» Въ молодости, «ознакомясь съ революціонной и матеріалистической литературой», сдѣлался «убѣжденнымъ атеистомъ.» Продолжалъ, однако, заниматься иконописью — вплоть до самаго октябрьскаго переворота. Тутъ вступилъ въ партію, зачисленъ былъ на «первые московскіе пѣхотные курсы», «велъ работу по реорганизаціи кадетскихъ корпусовъ», послѣ чего былъ назначенъ комиссаромъ тамбовскихъ командныхъ курсовъ, сражался въ рядахъ курсантовъ «противъ мамонтовскихъ и антоновскихъ бандъ, заслуживъ среди товарищей глубокое уваженіе, какъ стойкій и честный коммунистъ», и наконецъ, демобилизованный въ прошломъ 23 году, получилъ на-

значеніе на должность директора волоколамской фабрики. «Какъ же случилось то, что совершилъ онъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года и что привело его на скамью подсудимыхъ въ московскій Губсудъ?»

Передъ судомъ — человекъ небольшого роста, коренастый, крѣпкій, опрятно одѣтый, съ чисто выбритыми щеками и красиво сдѣвающей острой бородкой, съ большой блестящей плѣшью на черепѣ и съ удивительнымъ спокойствіемъ на лицѣ, — «истинное воплощеніе житейскаго благополучія, сознанія недаромъ прожитой жизни, умной и холодной разсудительности, стойкой воли и непоколебимаго резонерства», по справедливой характеристикѣ газетъ.

— Подсудимый, расскажите все дѣло по порядку.

— Я сблизился съ убитой мной Надеждой Чижь, будучи комиссаромъ тамбовскихъ командныхъ курсовъ. Она была уборщицей при курсахъ. Сначала была приходящей, затѣмъ поселилась у меня. Жениться я на ней не думалъ и никогда не обѣщалъ ей этого, ибо считалъ и считаю таковое оформленіе брака излишнимъ. Однако, она вскорѣ стала требовать именно этого. Я стремился развить ее — напрасно: читать ничего не хочетъ, посѣщать образовательныя лекціи и чтенія — тоже. . . Всѣ мечты и желанія сводятся къ тому, чтобы лучше одѣться, завиться, напудриться. . . Вижу: сущая обывательница, какъ нельзя болѣе далекая отъ склонности къ коммунизму, цинично пользующаяся своимъ положеніемъ приближенной комиссара, своими возможностями получить изъ продовольственнаго склада курсовъ наибольшее количество продуктовъ, лишнюю пару ботинокъ, лишній отрѣзъ сукна на пальто. . . Легко понять, на сколько дискредитировала она

меня своей некультурностью въ глазахъ курсантовъ, какъ коммуниста и борца.

— Такъ что, собственно, за это вы и убили ее?

— Именно за это. И кромѣ того, за назойливость ся.

— Какъ же было дѣло?

— На охотѣ. Пошелъ 4 апрѣля текущаго года на охоту. Она за мной. Взяла съ собой закусокъ, вина. Пришли въ лѣсокъ. «Давай, говоритъ, присядемъ, закусимъ.» Прекрасно. Срубилъ для нея можжевельника, она сѣла, стала развязывать узелокъ. Повторяю то, что уже говорилъ дорогой: «Мы должны разстаться.» Отвѣчаетъ: «Не разстаться, а повѣнчаться.» Возится, наклонившись къ узелку, но говоритъ твердо. Тогда я тотчасъ же выстрѣлилъ ей въ голову. Она упала, опрокинулась навзничь, не успѣвъ издать ни звука. Меня даже поразила эта картина: черепъ настолько развалился, что изъ него выпало все содержимое. Затѣмъ я вынулъ кинжалъ и сталъ рѣзать трупъ на части. Разрѣзалъ на 16 частей.

— А для чего нужно было рѣзать его?

— Для того, чтобы скорѣе растаскали трупъ птицы и звѣри, чтобы ликвидировать и скрыть слѣды преступленія. Скрыть не отъ партіи, конечно, а отъ обывателей.

— Какъ долго длилось все это?

— Мы вышли въ десять часовъ утра. Около одиннадцати сѣли закусывать. А домой я вернулся въ два.

— Что же вы дѣлали дома?

— Ничего особеннаго. Усталъ, былъ, конечно, взволнованъ. Выпилъ два стакана воды, сказалъ ста-

рушкѣ мамашѣ поставить самоваръ, самъ отправился въ трактиръ за папиросами.

— А затѣмъ?

— Что, собственно? Не совсѣмъ понимаю вашу вопросъ. Жилъ, какъ обыкновенно, дѣлалъ свое дѣло, какъ всякій сознательный коммунистъ и строитель будущаго.

IX

Іюль былъ мрачный — каждый день грозы, ливни: свинцовая чернота неба надъ жутко-бѣлѣющей Москвой, рѣжущій блескъ сургучныхъ молній и ужасающіе удары грома, отъ которыхъ звенятъ стекла. Недавно былъ такой потопъ, что мальчишки-папиросники на Кузнецкомъ и Неглинномъ раздѣлись и плавали. Въ тотъ день я увѣзжалъ изъ Москвы къ однимъ знакомымъ, на дачу: вода мѣстами шла выше колесной ступки, отъ нея кружилась голова. . .

Знакомые — мужъ и жена (и, какъ это ни странно по нынѣшнимъ временамъ въ нашемъ кругу, молодожены); пара вообще не совсѣмъ обычная: она женщина молодая (и очень серьезная), ему лѣтъ шестьдесятъ, хотя человекъ онъ очень живой, бодрый (небольшой, сухощавый, юношески легкій въ движеняхъ); оба занимаются русской исторіей, — онъ даже знаменитъ нѣкоторыми историческими трудами. А дача — недостроенная бревенчатая изба въ небольшомъ лѣсномъ поселкѣ: всего сто верстъ отъ Москвы, но въ лѣса, въ болота, къ сѣверо-востоку, и потому край опять

глухой, старинный: «черное мѣсто, дикой лѣсъ, мокрая болотина. . .»

Жили мы скучно, неуютно. Изба не въ поселкѣ, а какъ-то сама по себѣ, на отлетѣ, на мѣстѣ срубленнаго лѣса, среди пней, щепы и сучьевъ. Еще безъ фундамента — только на столбахъ по угламъ, такъ что все заходилъ подъ нее чей-то пѣтухъ и очень рано будилъ меня по утрамъ, оралъ подъ самой кроватью. И, проснувшись, видѣлъ я только сырой лѣсъ кругомъ, пни въ густомъ молочномъ туманѣ передъ окнами. . . Самоваръ, который я ставилъ среди этихъ пней, набивъ его сырымъ древеснымъ углемъ, дымилъ ужасно, выѣдалъ глаза, не грѣлся по часу, по два. А вода тутъ пахнетъ ужами, хлѣбъ липкій, зеленый. . .

Мужъ ходилъ въ довоенныхъ сѣренскихъ штанишкахъ и въ мужицкой рубахѣ, на ногахъ носилъ лыковыя бахилки. Жена одѣвалась совсѣмъ по крестьянски — тоже бахилки и суровая рубаха до пятъ, расшитая по рукавамъ и подолу красными елочками. И одѣвалась она такъ не только по необходимости: видѣла въ этомъ опрощеніи свой долгъ и даже радость. Молчаливая, черноглазая, она все твердила о древней, мужицкой Руси, къ которой намъ уже давно надо было возвратиться, о томъ, что русскіе пути особые, неисповѣдимые, что Богъ послалъ намъ великую милость — пострадать и въ страданіяхъ, какъ въ огнѣ, очиститься. . . Сны она видѣла только вѣщіе, думы думала все загадочныя, многозначительныя. Имѣла какого-то тайнаго наставника, духовнаго отца, старца святой жизни, собиралась итти осенью къ Серафиму Саровскому, который, по ея словамъ, предрекъ наши дни въ точности:

открылось будто-бы нѣкое рукописаніе, гдѣ собраны всѣ его пророчества. . .

Когда я уѣзжалъ, хозяева провожали меня до станціи. Мы шли нѣсколько верстъ лѣсомъ. Надъ соснами, надъ просѣкой, по которой мы шли, скоплялись сизобѣлыя облака, не обѣщавшія ничего добраго. И точно — какъ только мы подошли къ станціи, черный локомотивъ, уже стоявшій за ней и яростно шипѣвшій изъ подъ себя бѣлымъ паромъ, шумно осыпало крупнымъ дождемъ съ градомъ. . .

Х

Нашъ «рюриковичъ» наконецъ отстрадался. Жизнь его была ужасна: голодъ, нищета и чахотка истинно сжигали его, — я ни у кого не видалъ такихъ пылающихъ глазъ и такой худобы. А межъ тѣмъ, никто изъ насъ даже и сравниться не могъ съ нимъ въ той легкости и даже веселости, съ которой несъ онъ всѣ свои страданья и лишенья. Это меня всегда поражало за эти годы: чѣмъ знатнѣе былъ человекъ въ свое время, тѣмъ легче и проще вступалъ онъ во всѣ испытанія новой жизни. А покойный даже и среди такихъ людей выдѣлялся. Точно ничего и не случилось! Все то же оживленье, шутки, все тѣ же «друзья мои» къ каждому слову и дѣтскіе мечты, планы: вотъ-вотъ жизнь станетъ лучше, свободнѣй, и всѣ мы изъ Москвы уѣдемъ, оснуемъ на Кавказѣ поселокъ — подъ солнцемъ, у моря, въ виду горъ, вѣчно сіяющихъ снѣгами, въ чинаровыхъ рощахъ, въ цвѣтущихъ тропическихъ дѣбряхъ. . .

— И ужь тутъ съ нами не сладишь! — смѣясь, говорилъ онъ: — батраки, бѣдняки, коммунисты! И какъ еще жить то будемъ! Вонъ сестра Маша пишетъ: «Я теперь хожу въ лаптяхъ, работаю у мужиковъ на поденщинѣ. . .» И что же? Я увѣренъ, что она счастлива.

Умеръ онъ въ полдень. Я записалъ: «Полдень 12 декабря 1924 года.» За часъ до его смерти выглянуло солнце, и онъ, лежа въ своей каморкѣ на продранномъ диванѣ, сказалъ грустно и ласково:

— Вотъ и солнце, а я его уже не вижу. . .

На этомъ же диванѣ и положили его — въ остаткахъ чистаго бѣлья, въ черномъ сюртукѣ и сѣрыхъ брюкахъ. . .

XI

Въ жаркій майскій день ходилъ въ село Измайлово, вотчину царя Алексѣя Михайловича. Выйдя за городъ, не зналъ, какой дорогой итти. Встрѣчный мужикъ сказалъ: «Это, должно быть, туда, гдѣ церква съ синимъ кумполемъ.» Шелъ долго, усталъ. Но весна, тепло — было очень хорошо. Увидалъ наконецъ древній соборъ съ зелеными главами, которыя мужикъ называлъ синими, весенній сквозной лѣсъ, а въ лѣсу — стѣны, древнюю башню, ворота и храмъ Юсафа, нѣжно сіявшій въ небѣ среди голыхъ деревьевъ позолотой, — въ небѣ, которое было особенно прекрасно отъ кое-гдѣ стоявшихъ въ немъ синихъ и лазурныхъ облаковъ. . .

Теперь тутъ казармы имени Баумана. Идутъ какія-то перестройки, что-то ломаютъ внутри теремовъ, изъ

которыхъ вырываются порой клубы известковой пыли. Въ храмѣ тоже ломають. Окна пусты, рамы въ нихъ выдраны, полъ заваленъ и мусоромъ, и этими рамами, и битымъ стекломъ. Золотой иконостасъ кое-гдѣ зяеть дырами — вынуты нѣкоторыя иконы. Когда я вошелъ, воробьи ливнемъ взвились съ полу, съ мусора и съ иконостаса въ дырахъ. съ выступовъ ризъ надъ лицами святыхъ. . .

А какъ знаменита была когда-то эта вотчина! Вотъ кое-что изъ одной старой, рѣдкой книги о ней:

«Рощи 115 десятинь. Рощи, числомъ 5, заповѣдныя. Роща цапельная, гдѣ жили цапли. Звѣринецъ. Плодовые сады, числомъ 32, аптекарскіе огороды. Регулярный садъ. Виноградный садъ. Волчій дворъ. Житный дворъ въ 20 житницъ. Льняной дворъ для мятія льну. Скотный дворъ, въ немъ 903 быка, 128 коровъ, 190 телицъ и 82 тельца, 82 барана, 284 свиньи. Конюшій дворъ, въ немъ 701 иноходецъ, кони, кобылы и меринны. Воловій дворъ. Виноградная мельница. Пивоварня, медоварня, солодовня, маслобойня. Птичій дворъ, въ немъ лебеди, павлины, утки и охотничьи куры многихъ родовъ. На мукомольнѣ 7 мельницъ. Стекланный заводъ. . . Церквей каменныхъ 3, деревянныхъ 2, дворовъ поповыхъ 5 и 11 причетниковъ. Воксалъ для блистательныхъ представлений. Мостъ, мощеный дубовыми брусьями. . . 27 прудовъ, въ одномъ щуки, въ другомъ стерляди, (каковымъ щукамъ царевны вѣшали золотыя сережки и кликали въ серебряные колокольчики. . .)»

ХІІ

Суздальскія земли грустны даже лѣтомъ. Лѣсистые холмы, рѣка. Краски — зеленыя, лиловыя, синія — густы и непріятны.

Нынче къ вечеру небо на закатѣ обложилось непогожими тучками, по рѣкѣ пошла кирпичная рябь. Какіе-то мужичишки рыболовы, выплывъ на рѣку, стоя и качаясь, наклоняясь въ своихъ долбленыхъ челнахъ. вытаскивали бредни. Я долго смотрѣлъ на одного изъ нихъ, качавшаго своимъ челномъ рѣку, на его кривыя ноги, на изломанное личико съ сѣрой просѣдью подъ размятымъ теплымъ картузомъ, на линючую ситцевую рубашку на впаломъ животѣ. . . Вотъ они создатели, зиждители суздальскихъ обитателей!

Въ одной изъ этихъ обитателей мнѣ попалась рукопись древняго монаха: «Замогильныя лѣтописи созерцаній.» Въ ней есть такія строки:

О, жилище немятежное ближнихъ моихъ друзей!
Мирное обиталище всѣхъ утрудшихъ въ ней!
Вертоградъ пустынный, краснѣйшій Эдемъ!
Небурное пристанище, юдоль, сладкая всѣмъ!

Вечерами въ городѣ великая уѣздная глушь. Долго не темнѣетъ, безконечно стоитъ тускло-синій сумракъ въ пустыхъ и широкихъ улицахъ безъ одинаго фонаря. Медленно бьютъ часы на древнемъ монастырѣ. . . для кого? Городъ точно вымеръ. Ложатся спать съ вечера — цѣлая вѣчность до утра! Мой сосѣдъ по жесткому дивану на постояломъ дворѣ, какой-то мѣщанинъ, ко-

торый спить, не раздѣваясь и не разуваясь, всю ночь страшно скрипитъ зубами — точно новыми сапогами...

Видѣлъ одного мѣстнаго начетчика. Онъ въ поддевкѣ, нескладно шаткѣй и высокѣй, съ блѣдными глазами. Пользуется большой славой. За нимъ прѣзжаютъ изъ деревень, возятъ его на религіозные диспуты. Священное Писаніе знаетъ наизусть. Говоритъ очень громко, убѣжденно, сосредоточенно — и не позволяетъ сказать въ отвѣтъ себѣ ни слова. Мужики восхищаются:

— Какіе ученые люди ни прѣзжали — не гожаютъ. Никуда! А какой мелкѣй прѣдетъ, съ двухъ словъ забьетъ — и шабашъ!

ХІІІ

На Волгѣ видѣлъ Макарьевскій монастырь. Нанялъ лодку. Рыжій мужикъ, первобытный волгарь-рыбакъ, не спѣша ворочалъ веслами, стоя въ ней, и по зеркальной, тихой водѣ подвелъ ее къ самому монастырю, къ его древнимъ стѣнамъ, изъ-за которыхъ глядѣли главы шести соборовъ. Въ соборахъ все какъ было чуть не тысячу лѣтъ тому назадъ — незапамятная и нерушимая Русь: черные, средневѣковые лики иконъ, черная олифа. . . Но монаховъ въ монастырѣ осталось всего нѣсколько человѣкъ. Живутъ тѣмъ, что возятъ по приволжскимъ городамъ (на паромѣ) древній чудотворный образъ. Я, когда плылъ къ монастырю, какъ разъ встрѣтилъ этотъ паромъ. Онъ шель еще медленнѣе нашей лодки, въ глубокомъ молчаніи. Золотыя хоругви, бѣлый престоль съ образомъ, бѣлые балахоны

возцовъ и черныя рясы сопровождающихъ образъ. Всѣ фигуры — и бѣлыя и черныя — сажень ростомъ, великаны. . .

XIV

Въ августѣ ѣздилъ въ Троицкое, помѣстье Румянцева.

За станціей — не то лѣсъ, не то паркъ, дикій, дубравный. На выѣздѣ изъ деревушки — памятникъ, очень странный въ сосѣдствѣ съ мужицкими избами: Екатерина въ греческомъ шлемѣ и какая-то богиня со змѣей вокругъ ноги, а подъ ними надпись:

«Отъ Екатерины дана сему мѣсту знаменитость, навсегда оглашающая заслуги графа Румянцева-Задунайскаго.»

За мостомъ черезъ ручей, среди вѣковыхъ березъ, церковь съ двумя колокольнями, напоминающая нѣкоторыя римскія церкви. Въ часовнѣ при ней стоитъ громадная яшмовая гробница послѣдняго Румянцева. Возлѣ часовни — огненный кустъ настурціи.

Кругомъ, изъ-подъ темныхъ деревьевъ, сквозь ихъ стволы, видны далекія деревни, сине-лиловые лѣса, золотомъ горящія на солнцѣ жнивья.

Дальше — безконечно длинная, страшно высокая аллея. Еще дальше — развалины дворца, пролеты въ развалинахъ стѣнъ. . .

XV

Послѣ дождей — опять свѣтлая, тихая осень. Ъхаль бариномъ: заливной звонъ колокольчиковъ подъ росписной дугой, тарантась, тройка. . . Только тройка — три задранныхъ клячи, тарантась — допотопная рухлядь, ямщикъ — въ сплошныхъ заплатахъ. И ни души встрѣчной за всю дорогу. Ямщикъ сказалъ:

— Теперь все пошло на старый жребій!

Въ монастырѣ Саввы соборъ 14 вѣка, теперь запечатанный. Поднялся на крутую гору, на Старое Городище. Тамъ тоже древняя церковь — одиноко бѣлѣть на самой верхушкѣ; за ней древнія земляныя укрьпленія, вѣковыя сосны. Кругомъ ясная и четкая пустыня полей и лѣсовъ, солнечная теплая колкость. . .

XVI

Вчера весь день несло страшной вьюгой. Ночью, возвращаясь домой, думалъ, что погибну въ снѣжной пустынь своего переулка. Это въ Москвѣ-то, въ двадцать пятомъ году двадцатаго столѣтія!

Нынче пришлось быть возлѣ Красныхъ Воротъ. Вечерѣло, было снѣжно, тихо, всюду тоска и грусть. Вспомнилъ, что тутъ, гдѣ-то близко, въ Хоромномъ тупикѣ, находится загородный домъ Ивана Грознаго. Отыскалъ тупикъ, спустился немного и вошелъ въ ворота широкаго, занесеннаго снѣгомъ двора. Неожиданно открылась какая-то странная глухая усадьба, и спереди и съ боковъ состоящая изъ теремовъ съ крылечками

и маленькими окошечками. Снѣгъ былъ свѣжъ и настолько глубокъ, что я тонулъ по колѣно. Единственный слѣдъ чьихъ-то очень большихъ ногъ велъ къ главному крылечку. Я пошелъ по слѣду, надѣясь, что въ домѣ кто-нибудь есть, — тамъ теперь музей. Поднялся на крылечко — дверь оказалась заперта, хотя на ней и висѣло подъ стекломъ объявленіе, что музей открытъ каждый день отъ девяти утра до пяти вечера. Я сталъ стучать — ни звука въ отвѣтъ. Откуда-то изъ-за дома вышелъ мужикъ въ тепломъ картузѣ, въ длинной стеганой курткѣ и, не обращая на меня вниманія, пошелъ по двору. Я его окликнулъ:

— Музей открытъ?

Онъ пріостановился:

— Закрытъ. По воскресеньямъ только открытъ.

— А почему же виситъ объявленіе, что открытъ каждый день?

— Да такъ виситъ, не снимають. . .

Я пошелъ къ нему, и мы вышли изъ снѣга къ крыльцу одного изъ флигелей.

— А что, интересно въ музеѣ?

— Есть люди — интересуются, говорятъ, хорошо.

— А какъ по вашему?

— Какъ-то не могу понять. Не могу вамъ разъяснить. Тамъ, конечно, разное украшеніе старинное, разные орудія, всякіе топоры, молотки. . . Все собирали. . .

Онъ легонько вздохнулъ. По его тону можно было заключить, что онъ хочетъ высказать какую-то болѣе глубокую мысль.

— А гдѣ же домъ самого Грознаго? Средній и есть?

— Средній. На его собственную ассигновку строень. Четыреста лѣтъ, говорятъ, стоитъ. . .

Онъ опять вздохнулъ:

— Да. Жили-наживали, хозяйство пріобрѣтали. . .

Темнѣло и опять стало бѣлѣть въ воздухѣ, опять пошелъ снѣжокъ на этотъ глухой обширный дворъ, на старыя, съ грубыми деревянными лафетами пушки, которыми обставленъ онъ. . .

XVII

Прошое воскресенье провелъ въ Троицкой Лаврѣ. Облазилъ всѣ стѣны, всѣ башни, подземелья. . . .

Въ соборѣ, тамъ, гдѣ стоитъ открытая серебряная рака, горитъ только одна лампада. Мощи какъ-то мелко лежатъ на днѣ раки, въ какихъ-то почернѣвшихъ, до ужаса древнихъ остаткахъ ветоши. . . Кругомъ плотная толпа — бабы, мужики, старухи съ крысиными глазами. Ни страха, ни благоговѣнія, ни вздоховъ — ничего. Только любопытство, кое-какія замѣчанія, иногда остроты и смѣхъ.

Въ ризницѣ — кафтанъ Грознаго: потертая золотая парча на голубомъ шелку, съ золотыми шнурами. Концы рукавовъ истерты особенно. . . Тупо смотрятъ и на кафтанъ.

Во дворѣ собора попрежнему нищіе калѣки, недужные, «пораженные язвами и червія воскипѣніемъ.» Лежатъ, сидятъ, переползаютъ. . . Костыли, лохмотья, головы, повязанныя платками и тряпками, безносыя или безгубыя, съ кровавыми, какъ бы выдранными глазами или съ оловянными бѣльмами, тщетно ищущими зрѣнія. «Подайте слѣпому, безрукому. . . Кормители, питатели. . . Обратите вниманіе. . .» Бодро и дѣловито

прошли среди этой орды два рослыхъ монаха: одинъ здоровый мужикъ въ гимнастеркѣ и грубыхъ сапогахъ, въ черной шляпѣ, другой въ рясѣ — круглолицій красавецъ Алеша Поповичъ съ шелковой каштановой бородкой, съ темносиними, какъ бы налитыми масломъ женскими глазами. . . Все еще Русь, Русь. Но уже на исходѣ, на исходѣ.

XVIII

Опять весна и опять живу въ большой глуши — въ тѣхъ самыхъ краяхъ, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ жилъ подвижникъ, про котораго сказано:

Ты въ пустыню суровую,
Въ мѣста болотныя, непроходимыя
Поселился еси. . .

Городокъ маленькій, деревянный. Основанъ чуть не въ самомъ началѣ Руси, стоитъ на мутной рѣчкѣ, нижній берегъ который болотистъ, серебрится кустами ольхи. Середина города окружена высокимъ землянымъ валомъ съ тремя проходами. На валу еще замѣтно мѣсто, гдѣ была когда-то сторожевая башня. Валъ заросъ густой травой, въ травѣ высыпали по веснѣ желтыя лиліи. За валомъ соборъ, нѣсколько деревянныхъ домишекъ, два государственныхъ зданія и три березовыхъ аллеи, въ которыхъ поютъ птицы. Нѣкоторое пространство въ этомъ зеленомъ кремлѣ не застроено и тоже зарастаетъ какими то цвѣтами. Тутъ же прудъ,

отражающій берега и весну. Вода имѣеть цвѣтъ фіалки. Возлѣ пасутся лошади. Полное затишье, вѣтеръ сюда не заходитъ. . .

Я живу не въ городѣ, а за городомъ, на горѣ. Городъ съ церквами и соборомъ внизу, на широкомъ разлужьи, полускрытъ тополями и липой. Съ горы открывается даль: перевалы, холмы, кое-гдѣ покрытые лѣсомъ, кое-гдѣ — полосами запашекъ и озимей, идущихъ внизъ какъ бы холстами; запашки — розоватыми (отъ песчаной земли), озими — ярко-зелеными. Дальше, за холмами, лѣса все гуще и темнѣе. . .

Край этотъ церковный, монастырскій: куда ни глянь, всюду монастырь. Слѣва отъ меня, совсѣмъ близко, бѣлѣть каменной стѣной и башнями по угламъ женскій монастырь двѣнадцатаго вѣка. Онъ наполовину скрытъ столѣтними, уже засыхающими деревьями, весь осѣлъ, вросъ стѣнами въ свои зеленые берега. Вечерами подъ его тяжелыя ворота съ золотымъ крестомъ надъ ними идутъ черныя фигуры монахинь. Справа — скать, дальше плоскодонный логъ, а за нимъ невысокій холмъ, на которомъ, подъ старыми деревьями, раскинутъ старый погостъ, гдѣ козодои, не смолкая ни на минуту, тянуть всю ночь напролетъ все одну и ту же жужжащую ноту. Птица эта очень идетъ къ скитамъ. Вылетаетъ она беззвучно изъ подъ самыхъ ногъ, повьется надъ головой, безшумно трепеща крыльями, и опять упадетъ на какую-нибудь могильную плиту. Глаза у нея — два красныхъ карбункула. Могильныя плиты на погостѣ мшисты и загажены птицами, мшистые кресты сѣры, мягки, точно на нихъ фланель. Есть, конечно, развалившійся склепъ богатаго купца, нелѣпый и безобразный, изъ черныхъ оконъ-дыръ котораго пахнетъ нечистота-

ми. А рядомъ чей-то новый крестъ, подъ которымъ лежать свѣжіе цвѣты и густо выютя пчелы. . .

Въ монастырѣ есть могилы очень древнія. Какъ-то, возвращаясь съ вечерней прогулки, вошелъ во дворъ монастыря, прельщенный краснымъ огонькомъ, горѣвшимъ въ келіи подъ навѣсомъ деревьевъ монастырскаго сада. Были уже сумерки — полусвѣтъ сѣверной ночи. Во дворѣ было пусто. Золотой ангелъ съ крыши притвора благословлялъ дворъ. Въ притворѣ чернѣли двѣ рясы, бѣлѣли два капюшона. Одна изъ монахинь была молода, нѣжна, тиха. Я попросилъ ее показать, гдѣ на монастырскомъ кладбищѣ могилы самыя древнія. Она достала изъ ниши фонарикъ, зажгла его и повела меня въ полумракъ сада, среди смѣшанныхъ весеннихъ запаховъ — и сладкихъ, и терпкихъ, и какихъ-то водянистыхъ, травяныхъ. Иногда она останавливалась и освѣщала могилы. Въ полусвѣтѣ фонарика выдѣлялся ея бѣлый капюшонъ. Она разыскала старую-старую могильную плиту, вросшую въ землю особенно глубоко, всю во мху, въ порахъ и углубленіяхъ, суженную къ изножію. Буквы, насѣченные на ней, покрытыя мохомъ совсѣмъ чернымъ, гласили:

«Лѣта такого-то (шестьсотъ лѣтъ назадъ) . . . схимонахъ Терапонтъ. . . рода Долгорукихъ. . .»

Когда я уходилъ, монахиня поклонилась мнѣ въ поясъ. Колокола били часы. Колокола здѣсь есть шестнадцатаго вѣка. Среди этой сѣверной ночи ихъ серебряная, пѣвуче дрожащая игра надъ монастырскимъ садомъ и городомъ очаровательна. Особенно поздней ночью, когда все спитъ. Ночь же здѣсь прозрачная, блѣдная. Что-то блѣдно-лимонное, тонкое освѣщаетъ небо. Венера стоитъ высоко, играетъ какимъ-то тающимъ,

просвѣтленнымъ блескомъ. Мохнатая лѣсная зелень въ этомъ прозрачномъ свѣтѣ бѣловата и кажется мягкой, какъ лебяжій пухъ. Въ полночь свѣтаетъ. Лимонный свѣтъ становится ярче, лѣса — темнѣе, сырѣе, бархатнѣй, и запахи цвѣтовъ, очень сильные ночью, тонуть въ одномъ, особенно сильномъ запахѣ ландышей. . .

XIX

У стѣнъ одного изъ т-скихъ монастырей встрѣтилъ монаха изъ уѣзда. Онъ отвязывалъ отъ дерева старую лошадь съ вытекшимъ глазомъ, запряженную въ старомодную колымажку, на дрогахъ, съ загнутыми сзади полурессорами. Очень маленькаго роста, въ свромъ подрясникѣ и черной шляпѣ; лицо худое, длинное, рѣдкой, въ оловянныхъ очкахъ; на грудь спускается по плечамъ два жгута волосъ, маслянисто-каштановыхъ, съ серебромъ. Разговорились, я присѣлъ къ нему въ колымажку, и мы выѣхали за городъ, поѣхали по лѣсной дорогѣ. Въ пути онъ сталъ рассказывать про свой монастырь, про хозяйство, которое тамъ опять понемногу налаживается. Разказалъ также про святого, основавшаго монастырь, и про знаменитаго юродиваго, погребеннаго въ монастырѣ. Юродивый былъ «какъ-бы Голяфъ», ходилъ въ одной рубахѣ, подъ которой носилъ цѣлый пудъ тяжелой собачьей цѣпи (до сихъ поръ хранимой въ монастырской ризницѣ). Пришелъ въ монастырь неизвѣстно откуда, ископалъ себя по близости отъ него, въ дремучемъ ельникѣ, землянку. Каждый день, услыхавъ монастырскій колоколъ,

приходилъ къ монастырской церкви и становился на паперти, — стоялъ на ней босикомъ и въ одной рубахѣ даже зимой, не боясь ни морозовъ, ни мятелей. Послѣ обѣдни являлся въ хлѣбодарню, залѣзалъ въ печь и закрывалъ за собой заслонку, говоря: «Въ аду еще жарче будетъ!» Какъ то разъ не пришелъ. На другой день тоже. Монахи стали тревожиться: не случилось-ли чего? А какъ нарочно шла сильная мятель. Стали бить въ колокола. День и ночь, сквозь бурю и снѣгъ, въ дремучихъ еловыхъ лѣсахъ, въ снѣжномъ тустомъ бору, гудѣлъ колокольный звонъ — его все не было. Когда стихло, пошли искать по лѣсамъ окрестъ — не нашли и въ лѣсахъ. А потомъ пошелъ какъ-то на медвѣдя мужикъ — и видитъ: лежитъ юродивый возлѣ своей хижины, окруженный сугробами, но не на снѣгу, а на весенней зеленой травѣ, посреди благоуханныхъ цвѣтовъ. . .

XX

На престольный праздникъ возлѣ уѣзднаго монастыря была ярмарка.

Нищихъ, калѣкъ, убогихъ, слѣпцовъ съ поводырями стеклось безъ счета.

Во время обѣдни все это лежало и сидѣло на травѣ у стѣнъ монастыря, со всѣми своими палками, мѣшками. Особенно видѣлялись коричневые до блеска, до перламутра, сожженные солнцемъ и до костей изсохшіе старцы съ голыми черепами, да одинъ страшный малый: вмѣсто носа, губъ и части подбородка у него было что то сплошное, вродѣ огромнаго шрама лиловаго

цвѣта, съ дырой посрединѣ въ кулакѣ величиной, куда онъ запихивалъ сразу половину французской булки и мялъ ее остатками мышць и связокъ. Ужаснѣй всего было то, что это былъ человекъ очень веселый, голу-боглазый (хотя и въ кровавыхъ вѣкахъ) и мялъ булку даже для потѣхи. . .

Когда изъ монастырскихъ воротъ, изъ-подъ расписныхъ сводовъ, показалась парчевая рака, вся эта толпа бросилась къ ней, давя другъ друга, слышались крики, вопли. Пѣніе, ладанъ, черныя рясы монахинь, эта рака, медленно плывущая надъ головами, и эти крики, вопли. . . Позади всѣхъ, задравъ голову, слѣпо и неотразимо пыряя впередъ палкой, не поспѣвая за поводыремъ-мальчишкой, бѣжалъ мужикъ въ бѣльмахъ. . .

А на ярмаркѣ стоялъ балаганъ, гремѣлъ, билъ въ мѣдныя тарелки оркестріонъ, и все прочее являло картину, тоже давно извѣстную: гамъ, говоръ, дикій и дурацкій крикъ клоуна, зазывавшаго въ балаганъ на представленіе, густая толпа бабъ, мужиковъ, дѣвокъ, бѣлые баранчики въ телѣгахъ, тонкое ржаніе жеребятъ съ замшевыми мордочками, острый запахъ лошадинаго навоза и растоптаннаго сѣна, малый, сидящій на землѣ съ шарманкой между ногъ и подъ ея ревъ и свистъ поющій во весь звонкій голосъ:

— Всѣ пташки, канарейки. . .

А на крылечкѣ чайной, подъ краснымъ флагомъ, — кумовья и сваты: раскраснѣвшіяся отъ чая и сувухи лица съ мутными, умиленными глазами, головы и бороды мудрецовъ Элады. . .

Воротясь на постоялый дворъ, легъ на деревянный диванъ, очень утомленный долгимъ шатаніемъ по яр-

маркѣ, и закрылъ глаза. Погода портилась, — въ неприкрытое окно дулъ холодный вѣтеръ, слышался все усиливающийся шумъ деревьевъ. . . На минуту забылся, потомъ очнулся: дождь частой дробью осыпалъ стекла, остро сверкали молніи, сквозь громъ и сердитый шумъ деревьевъ съ ярмарки ревѣлъ «Интернаціональ.»

XXI

Былъ еще въ одномъ монастырѣ (опять въ другомъ краю).

Пришелъ рано утромъ. Золотыми сердцами горѣли на солнцѣ монастырскіе кресты. Въ церкви шла служба, изъ раскрытыхъ церковныхъ дверей несло пѣніе. Церковь была пуста — только по обѣимъ сторонамъ ея, противъ боковыхъ алтарей, стояли въ два ряда черныя монахини, съ четками въ рукахъ. Царственно-суровая игуменья, положивъ лѣвую руку на черный посохъ съ желтой костяной рукояткой, стояла противъ среднихъ царскихъ вратъ въ высокомъ дубовомъ креслѣ, устремивъ взоръ на высоко уходящій вверхъ золотой иконостасъ, весь покрытый ликами святыхъ, мужчинъ и женщинъ, списанныхъ съ членовъ одного древняго рода. Служба шла стройно, спокойно, возгласы и чтенія звучали съ нарочитой безжизненностью, ровно и безстрастно, высокими женскими альтами, пѣніе неожиданно прерывало эту безжизненность минутами сладостныхъ или скорбныхъ изліяній вдругъ оживавшихъ душъ. А двери церкви были раскрыты на воздухъ, свѣтлое лѣтнее утро окружало монастырь, ра-

достно и мирно сіяло въ окрестныхъ поляхъ и росистыхъ перелѣскахъ. . .

Когда служба отошла, и монахини, подъ звонъ колоколовъ, подъ жаркимъ солнцемъ, стали расходиться изъ церкви въ разныя стороны, къ своимъ кельямъ, я спросилъ у одной изъ нихъ, гдѣ монастырская библіотека. Она указала мнѣ на часовню, возлѣ которой была пристроена какая-то особая келья. Я пошелъ туда, постучалъ въ дверь. Вышла мужественная монахиня съ черными внимательными глазами, вся въ черномъ, съ бѣлой коленкоровой наколкой на головѣ. Выслушавъ меня, помолчала, потомъ ввела въ келью. Я увидѣлъ двѣ маленькихъ комнатки, необыкновенно чистыхъ, озаренныхъ солнцемъ. Въ одной горѣла на столикѣ розовая лампадка, было необыкновенно уютно, пахло чѣмъ-то очень пріятнымъ. Другая была заставлена книжными шкапами, тамъ стояли два стола для чтенія. Монахиня дала мнѣ каталогъ, сама сѣла на подоконникъ, все продолжая слѣдить за мной серьезными и даже пронзительными глазами. Я выбралъ исторію монастыря. Монахиня, найдя ее, подала мнѣ и вышла. Я, невольно стараясь быть какъ можно скромнѣй и тише, сѣлъ читать и дѣлать выписки возлѣ раскрытаго окна, за которымъ шелъ ровный лепетъ зеленой древесной листвы. . .

Между прочимъ, я узналъ, что подъ монастыремъ находится громадное подземелье, сплошь уставленное гробницами предковъ того рода, съ лицъ котораго списаны святыя на иконостасѣ въ церкви. Историкъ монастыря, перечисляя гробницы, даетъ и краткія жизнеописанія погребенныхъ въ нихъ. «Въ гробницѣ такой-то погребень такой-то, обезглавленный царемъ Иваномъ

Васильевичемъ Грознымъ. . . Въ гробницѣ такой-то — тотъ-то, убитый въ 1612 году. . .» Въ слѣдующей — «отрокъ Сергій, убитый лошадыю; родился въ 1698 году, преставился въ 1715; былъ инокомъ съ четырнадцати лѣтъ; красавецъ собой, одаренный несравненнымъ для пѣнія голосомъ, страстью къ музыкѣ и большими познаніями въ оной, съ дѣтства стремился онъ къ Богу и вѣчности, куда и восхищенъ былъ преждевременной кончиной своею. . .»

Въ полдень, простясь съ монахиней и выйдя изъ кельи, пошелъ къ склепу, откуда идетъ спускъ въ это подземелье. Однако спуститься въ него не рѣшился: только заглянулъ между прогнившихъ и провалившихся досокъ пола въ его тьму, увидѣлъ двѣ какихъ-то громадныхъ осмоленныхъ колоды — и поскорѣе пошелъ прочь. . .

XXII

И еще одно старинное мѣсто.

. . . Изъ полутьмы большой гостиной, въ окна которой глядѣлъ одичавшій садъ, прошелъ въ еще болѣе просторный, но свѣтлый залъ, весь позлащенный солнцемъ, сіяющій зеркальнымъ паркетомъ. Опять портреты. . . Неужели не пріукрашали старинные художники этихъ женщинъ? Особенно поразилъ меня одинъ молодой женскій портретъ, глядѣвшій со стѣны сквозь золотистую солнечную сѣтку, падавшую на него изъ сада. Несравненная прелесть формъ, облитыхъ тонкимъ шелкомъ, неземная красота восторженныхъ очей, ихъ чистѣйшей небесной бирюзы! Въ библіотекѣ — порт-

реть стариннаго владѣльца усадьбы. Что-то вольтеровское, какъ часто это бывало въ тѣ годы: бѣлый густой парикъ, нѣжное румяно-желтое лицо съ впалыми щеками, ѣдкіе, пронизательные глаза и тонкая линія рта. Сколько уже лѣтъ молча смотритъ онъ на эту молчаливую комнату? А комната такая, что, кажется, такъ и остался бы въ ней навѣки: низкіе книжные шкапы съ инкрустаціей, золотые узоры на кожаныхъ и сафьяновыхъ корешкахъ за ихъ стеклами, посреди, подъ дубовымъ полированнымъ столомъ, горитъ на солнцѣ красный бархатный коврикъ, по лаковому полу блескъ и игра лучей, а за широкими полукруглыми окнами — безбрежные серебристые лѣса. . . Въ «Расходной книгѣ» этого имѣнія прочель между прочимъ: «Отпущено псарю Тимофею 60 аршинъ алаго атласу на кафтанъ. . .» — и мысленно увидѣлъ охоту, несущуюся по этимъ серебристымъ лѣсамъ за какимъ-нибудь лосемъ, который мчится отъ собакъ по кустамъ и полянамъ, вываливъ на сторону закушенный языкъ. . . Потомъ смотрѣлъ другія книги: откуда и въ нихъ, въ самый расцвѣтъ благосостоянія, такихъ тонкихъ и сильныхъ вкусовъ къ жизни, эти вѣчныя стремленія «къ Богу и вѣчности», эти горестно-возвышенные упреки землѣ и человѣку?

Почто, о человѣкъ! стремишься
Всегда за счастіемъ земнымъ?
Неужли ты надеждой льстишься
Во вѣки наслаждаться имъ?

Приморскія Альпы, 1930.

БЕРНАРЬ

— Я крѣпко спалъ, когда Бернаръ швырнулъ горсть песку въ мое окно. . .

Такъ начинается «На водѣ» Мопассана, такъ будиль его Бернаръ передъ выходомъ «Бель Ами» изъ антибскаго порта 6 апрѣля 1888 года.

— Я открылъ окно, и въ лицо, въ грудь, въ душу мнѣ пахнулъ очаровательный холодокъ ночи. Прозрачная синева неба трепетала живымъ блескомъ звѣздъ. . .

— Хорошая погода, сударь.

— А вѣтеръ?

— Съ берега, сударь.

Черезъ полчаса они уже въ морѣ:

— Горизонтъ блѣднѣлъ, и вдали, за бухтой Ангеловъ, виднѣлись огни Ниццы, а еще дальше — вращающійся маякъ Вильфранша. . . Съ горь, еще невидимыхъ, — только чувствовалось, что онѣ покрыты снѣгомъ, — доносилось иногда сухое и холодное дыханіе. . .

— Какъ только мы вышли изъ порта, яхта ожила, повеселѣла, ускорила ходъ, заплясала на легкой и мелкой зыби. . . Наступалъ день, звѣзды гасли. . . Въ далекомъ небѣ, надъ Ниццей, уже зажигались какимъ

то особеннымъ розовымъ огнемъ снѣжные хребты Верхнихъ Альп. . .

— Я передалъ руль Бернару, чтобы любоваться восходомъ солнца. Крѣпнувшей бризъ гналъ насъ по трепетной фіолетовой волнѣ, я слышалъ далекій колоколь, — гдѣ то звонили, звучалъ *Angelus*. . . Какъ я люблю этотъ легкій и свѣжій утренній часъ, когда люди еще спятъ, а земля уже пробуждается! Вдыхаешь, пьешь, видишь рождающуюся тѣлесную жизнь міра, жизнь, тайна которой есть наше вѣчное и великое мученіе. . .

Это утро было всего сорокъ лѣтъ тому назадъ, а вотъ уже нѣтъ въ мірѣ ни того, кто писалъ эти строки съ такой жадностью къ жизни, ни того, кто дѣлилъ съ нимъ его морскія скитанія: недавно умеръ и Бернаръ — въ тѣхъ самыхъ Антибахъ, откуда, 6 апрѣля 1888 года, онъ выходилъ на «Бель-Ами», вмѣстѣ со своимъ знаменитымъ хозяиномъ и другомъ.

— Бернаръ худъ, ловокъ, необыкновенно приверженъ чистотѣ и порядку, заботливъ и бдителенъ. Все лицо его до глазъ заросло бородой, но все дышитъ добротой, равно какъ и звукъ его голоса. Это чисто-сердечный и вѣрный человекъ и превосходный морякъ. . .

Такъ говорилъ о Бернарѣ Мопассанъ. А самъ Бернаръ сказалъ про себя слѣдующее:

— Думаю, что я былъ не плохой морякъ. *Je crois bien que j'étais un bon marin.*

Онъ сказалъ это умирая, — это были его послѣднія слова.

Человекъ, который видѣлъ Бернара незадолго до его смерти, рассказываетъ:

— Въ продолженіи многихъ лѣтъ Бернаръ дѣлилъ бродячую жизнь великаго поэта, не разставался съ нимъ до самаго рокового отъѣзда его къ доктору Бланшъ.

— Бернаръ умеръ въ Антибахъ, гдѣ протекли послѣдніе годы его долгой мореходной жизни.

— Еще недавно встрѣтилъ я его на солнечной набережной маленькаго антибскаго порта, гдѣ такъ часто стояла «Бель-Ами.»

— Высокій, сухой, съ энергичнымъ и продубленнымъ морской солью лицомъ, Бернаръ не легко пускался въ разговоры. Но стоило только коснуться Мопассана, какъ голубые глаза Бернара мгновенно оживали, и нужно было слышать, какъ говорилъ онъ о немъ!

— Теперь онъ умолкъ на вѣки. Послѣднія его слова были: «Думаю, что я былъ не плохой морякъ.»

И вотъ, я все представляю себѣ, какъ именно сказалъ онъ эти слова. Онъ сказалъ ихъ, конечно, твердо, съ гордостью, перекрестившись черной, изсохшей отъ старости рукой:

— Je crois bien que j'étais un bon marin.

А что хотѣлъ онъ выразить этими словами? Радость сознанія, что онъ, живя на землѣ, приносилъ пользу ближнему, будучи хорошимъ морякомъ? Нѣтъ, то, что Богъ всякому изъ насъ даетъ вмѣстѣ съ жизнью тотъ или иной талантъ и возлагаетъ на насъ священный долгъ не зарывать его въ землю. Зачѣмъ, почему? Мы этого не знаемъ. Но мы должны знать, что все въ этомъ непостижимомъ для насъ мірѣ непременно должно имѣть какой-то смыслъ, какое то высокое Божье намѣреніе, направленное къ тому, чтобы все въ этомъ мі-

рѣ «было хорошо», елико возможно хорошо, и что усердное исполненіе этого Божьяго намѣренія есть всегда наша заслуга передъ Нимъ, а посему и радость, гордость. И Бернаръ зналъ и чувствовалъ это. Онъ всю жизнь усердно, достойно, вѣрно исполнялъ скромный долгъ, возложенный на него Богомъ, служилъ Ему не за страхъ, а за совѣсть. И какъ же ему было не сказать того, что онъ сказалъ, въ послѣднюю минуту своей службы? «Нынѣ отпускаеши, Владыко, раба Твоего, и вотъ я осмѣливаюсь сказать Тебѣ и людямъ: думаю, что я былъ неплохой морякъ.»

— Въ морѣ все заботило Бернара: и внезапно повстрѣчавшееся теченіе, говорящее, что гдѣ-то въ открытомъ морѣ идетъ бризъ, и облака надъ Эстерелемъ, обозначающія мистраль на западѣ, и даже поднимающійся барометръ, ибо это можетъ предвѣщать шквалы съ востока. . . Чистоту на яхтѣ онъ соблюдалъ до того, что не терпѣлъ даже капли воды на какойнибудь мѣдной части. . .

Да, какая польза ближнему могла быть въ томъ, что Бернаръ сейчасъ же стиралъ эту каплю? А вотъ онъ стиралъ ее. Зачѣмъ, почему?

Но вѣдь самъ Богъ любитъ, чтобы все «было хорошо.» Онъ самъ радовался, что Его творенія хороши. «И поставилъ Богъ свѣтила на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю, и управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. . .»

Каждый, каждый изъ насъ долженъ заслужить себѣ право сказать въ нѣкій часъ такъ, какъ сказалъ, умирая, Бернаръ.

1930.

ПРЕКРАСНѢЙШАЯ СОЛНЦА

— Смерть, гдѣ жало твое? Воспомнимъ, что сказала Она, прекраснѣйшая солнца, возлюбленному своему, представъ ему въ ту самую ночь, когда предали Ея тѣло могилѣ: не плачь обо мнѣ, ибо дни мои черезъ смерть стали вѣчны; въ горнемъ свѣтѣ навсегда раскрылись мои вѣжды, что, казалось, навсегда смежились на смертномъ моемъ ложѣ. . .

— Въ лѣто Господне тысяча триста двадцать седьмое синьоръ Франческо прибылъ въ городъ Авиньонъ въ Провансѣ, въ числѣ многихъ прочихъ, послѣдовавшихъ въ изгнаніе за Святѣйшимъ Престоломъ. Черезъ годъ же послѣ того случилось, что онъ встрѣтилъ на пути своей юной жизни донну Лауру и полюбилъ Ее великой любовью, приобщившей Ее къ лику Беатриче и славнѣйшихъ женщинъ міра. Въ тотъ годъ, въ шестой день мѣсяца апрѣля, въ пятницу Страстной недѣли, слушалъ онъ утреннюю службу въ церкви Сэнъ-Клэръ, въ Авиньонѣ; и вотъ, когда, отстоявъ службу, вышелъ изъ церкви на площадь, глядя на другихъ выходящихъ, то увидѣлъ донну Лауру, дочь рыцаря Одибера, юную супругу синьора Уго, коего достойный, но обычный образъ не удержался въ памяти потомства. . .

Онъ увидѣлъ ее въ ту минуту, когда она показалась въ церковномъ порталѣ.

— Та весна была въ его жизни двадцать третьей, въ Ея — двадцатой. И, если обладалъ онъ всей красотой, присущей юнымъ лѣтамъ, пылкому сердцу и благородству крови, то Ея юная прелесть могла почитаться небесной. Блаженны видѣвшіе Ее при жизни! Она шла, опустивъ свои черныя, какъ эбень, рѣсницы; когда же подняла ихъ, солнечный взоръ Ея поразилъ его навѣки. . .

Шестой день того апрѣля былъ сумрачный, дождливый, одинъ изъ тѣхъ, какихъ всегда бываетъ не мало ранней весной въ Авиньонѣ, было, значить и въ то время, которое называется теперь древнимъ, и въ которомъ все кажется прекраснымъ: и весеннее ненастье, и старый каменный городъ, потемнѣвшій подъ дождями, всѣ его стѣны, церкви, башни и холодная грязь узкихъ улицъ, и всѣ люди, шедшіе въ нихъ посерединѣ, и вся ихъ жизнь, весь бытъ, всѣ дѣла и чувства. . .

— Это было въ часъ крестной смерти Господа нашего Иисуса, когда само солнце облакается вретисцемъ скорби. . .

На страницахъ Вергилія, своей любимѣйшей книги, съ которой онъ никогда не разставался, которая всегда лежала у его изголовья, онъ, въ старости, пишетъ:

— Лаура, славная собственными добродѣтелями и воспѣтая мною, впервые предстала моимъ глазамъ въ мою раннюю пору, въ лѣто Господне тысяча триста двадцать седьмое, въ шестой день мѣсяца апрѣля, въ Авиньонѣ; и въ томъ же Авиньонѣ, въ томъ же мѣсяцѣ апрѣлѣ, въ тотъ же шестой день, въ тотъ же пер-

вый часть, лѣто же тысяча триста сорокъ восьмое, угасъ чистый свѣтъ ея жизни, когда я случайно пребывалъ въ Веронѣ, увы, совсѣмъ не зная о судьбѣ, меня постигшей: только въ Пармѣ настигла меня роковая новость, въ томъ же году, въ девятнадцатый день мая, утромъ. Непорочное и прекрасное тѣло Ея было предано землѣ въ усыпальницѣ братьевъ Меноритовъ, вечеромъ въ день смерти; а душа Ея, вѣрю, возвратилась въ небо, свою отчизну. Дабы лучше сохранить память объ этомъ часѣ, я нахожу горькую отраду записать о немъ въ книгѣ, столь часто находящейся передъ моими глазами: должно мнѣ знать твердо, что отнынѣ уже ничто не утѣшитъ меня въ земномъ мірѣ. Время покинуть мнѣ его Вавилонъ. По милости Божьей, это будетъ мнѣ не трудно, памятуя суетныя заботы, тщетныя надежды и печальные исходы моей протекшей жизни. . .

Пишутъ, что въ молодости онъ былъ силенъ, ловокъ, голову имѣлъ небольшую, круглой и крѣпкой формы, носъ средней мѣры, тонкій, овалъ лица мягкій и точный, румянецъ нѣжный, но здоровый, темный, цвѣтъ глазъ карій, взглядъ быстрый и горячій. «Уже былъ онъ извѣстенъ своимъ высокимъ талантомъ, умомъ, богатствомъ знаній и неустанными трудами. Уже былъ одержимъ той безпримѣрной любовью, что сдѣлала его имя безсмертнымъ. Но жилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми дѣлами своего вѣка, отдавалъ свой геній и на созиданіе всѣхъ благихъ его движеній; въ обществѣ отличался расположеніемъ къ людямъ, прелестью въ обращеніи съ ними, блескомъ рѣчи въ бесѣдахъ. . .»

Портретъ въ Авиньонѣ изображаетъ его въ зрѣлые годы: капитолійскіе лавры, которыми онъ былъ коронованъ, какъ величайшій человекъ своего вѣка, благо-

родный флорентійскій профиль, взглядъ, полный мысли и жизни. . .

Въ старости онъ пишетъ:

— Уже ни о чемъ не помышляю я нынѣ, кромѣ Нея: пусть же торопитъ Она нашу встрѣчу въ небѣ, влечетъ и зоветъ меня за собой!

Но пишетъ и другое, — въ письмѣ къ одному другу:

— Я хочу, чтобы смерть застала меня за книгой; съ перомъ въ рукѣ, или, лучше, если угодно Богу, въ слезахъ и молитвѣ. Будь здоровъ и благополученъ. Живи счастливо и бодро, какъ подобаешь мужу!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого письма, 20 июня 1374 года, въ день своего рожденья, сидя за работой, онъ «вдругъ склонился, уронилъ голову на свое писанье. . .»

Въ ней тоже было «это сочетание земли и неба.»

Тотъ день, когда они впервые увидали другъ друга, былъ роковымъ и для нея:

— Было и Ея сердце страстно и нѣжно; но сколь непреклонно въ долгъ и чести, въ вѣрѣ въ Бога и Его законы!

— Владычица моя, Она прошла мимо меня, одиноко сидѣвшаго въ сладкихъ мысляхъ о моей любви къ Ней. Дабы привѣтствовать Ее, я всталъ, смиренно склоняя передъ Нею свое поблѣднѣвшее чело. Я трепеталъ; Она же продолжала свой путь, сказавши мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ. . .

Двадцать одинъ годъ онъ славилъ земной образъ Лауры; еще четверть вѣка — ея образъ загробный. Онъ сосчиталъ, что за всю жизнь видѣлъ ее, въ общемъ, меньше года; но и то все на людяхъ и всегда

«облеченную въ высшую строгость.» Но онъ вспоминаетъ и другое:

— И она поблѣднѣла однажды. Это было въ минуту моего отъѣзда. Она склонила свой божественный ликъ, и ея молчаніе, казалось, говорило: зачѣмъ покидаешь меня мой вѣрный другъ?

Внѣшне онъ жилъ въ радостяхъ и печаляхъ простыхъ смертныхъ; зналъ и женскую любовь, тоже смертную, простую, не мѣшавшую другой, «безсмертной», даже имѣлъ двухъ дѣтей. Имѣла и она ихъ, супругой была вѣрной и достойной. «Но душа Ея всю жизнь ожидала загробной свободы — для любви Ея къ Иному. . .»

Черная чума 1348 года, въ нѣсколько недѣль паразитившая въ Авиньонѣ шестьдесятъ тысячъ человекъ, поразила и ее. Въ темный вечеръ, при смоляныхъ факелахъ, своимъ бурнымъ, трещащимъ пламенемъ «разгонявшихъ заразу», люди въ смоляныхъ балахонахъ, съ прорѣзами только для глазъ, похоронили ее тамъ, гдѣ она за три дня до смерти завѣщала. Ночью же душа ея, наконецъ обрѣтшая свободу для своей любви «къ Иному», поспѣшила къ нему на первое свиданье:

— Ночь, послѣдовавшая за этимъ зловѣщимъ днемъ, когда угасла звѣзда, сіявшая мнѣ въ жизни, или, точнѣе сказать, вновь засіяла въ небѣ, ночь эта начинала уступать мѣсто Аврорѣ, когда нѣкая Красота, столь же дивная, какъ и Ея земная, коронованная драгоценнѣйшими алмазами Востока, встала предо мной. И, нѣжно вздыхая, подала мнѣ руку, столь долго желанную мною; узнай, сказала она, узнай ту, что навсегда преградила тебѣ путь въ первый же день ея встрѣчи съ тобою; узнай, что смерть для души высокой есть лишь исходъ изъ темницы, что она устраша-

еть лишь тѣхъ, кои все счастье свое полагають въ бѣдномъ земномъ мірѣ. . .

Въ Парижской Національной Библіотекѣ хранится манускриптъ Плинія, принадлежавшій Петраркѣ. На одной страницѣ этого манускрипта сдѣланъ рукой Петрарки рисунокъ, изображающій долину Воклюза, скалу, изъ которой бьетъ источникъ, на вершинѣ скалы — часовню, а внизу — цаплю съ рыбой въ клювъ; подь рисункомъ его подпись по-латыни: «Заальпійское мое уединенье.»

Въ этой долинѣ, находящейся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Авиньона, было его скромное помѣстье.

Гдѣ жила когда-то, въ этомъ столь глухомъ теперь, старомъ и пыльномъ Авиньонѣ Лаура? Будто бы, возлѣ нынѣшней мэри, въ улочкѣ Дорэ. Погребена она была въ церкви братьевъ Меноритовъ, въ одной изъ капеллъ. Но въ какой? Церковь эта разрушена въ революціонное время, почти полтора вѣка тому назадъ; извѣстно, однако, что въ ней было двѣ капеллы — Святого Креста и Святой Анны. Въ которой изъ нихъ была ея гробница? Полагають, что въ послѣдней, такъ какъ она была сооружена ея свекромъ, синьоромъ де Саде. Въ 1533 году король Францискъ Первый, проѣзжая Авиньонъ, приказалъ вскрыть полуразрушенную гробницу, находившуюся въ этой капеллѣ, убѣжденный горожанами Авиньона, что именно въ ней покоятся останки Лауры. Въ гробницѣ оказались кости. Но чьи? Точно ли Лауры? Имени, написаннаго на гробницѣ, прочесть было уже невозможно.

Авиньонъ, апрѣль, 1932 г.

ВОДЫ МНОГИЯ

Господь надъ водами многими. . .

Псалтирь.

12 февраля 1911 г., ночью, въ Портъ-Саидъ.

Первая ночь на «Юнанъ.» Капитанъ сказалъ, что пойдемъ не спѣша, на Цейлонъ будемъ не раньше, чѣмъ черезъ полмѣсяца, и я чувствую себя въ этой большой и покойной каютѣ уже какъ дома, хозяиномъ.

Вышло какъ разъ то, о чемъ мы мечтали зимой въ Египтѣ: попасть на одинъ изъ тѣхъ пароходовъ, которые, будучи пассажирскими, ходятъ теперь въ качествѣ грузовыхъ по своей отсталости отъ современныхъ удобствъ, по слишкомъ ограниченному числу каютъ, по долгимъ стоянкамъ въ портахъ. «Юнанъ» довольно великъ, простъ и старъ, но чистъ, крѣпокъ, сидитъ глубоко, его каютъ-компанія и двѣнадцать пассажирскихъ помѣщеній расположены не на кормѣ, а на спардѣкѣ. Всѣ каюты, кромѣ двухъ нашихъ, пусты, — «вы будете какъ на собственной яхтѣ», пошутилъ капитанъ, принимая насъ въ видѣ исключенія на «Юнанъ». Онъ прибавилъ: «Только вамъ придется жить съ экипажемъ»

«совсѣмъ по-семейному, довольствоваться тѣмъ, что готовятъ намъ, время проводить почти въ одиночествѣ, — вѣдь мы круглая сутки заняты.» Но это-то намъ и нравится, сказали мы ему.

Капитанъ, крѣпкій, полнѣющій французъ, по-французски самодовольнъ и увѣренъ въ себѣ, по-французски предупредителенъ и вѣжливъ съ нами, но и равнодушенъ по-французски, говоритъ любезности и остроты, не мѣняя выраженія лица. Два его помощника и младшій механикъ мало замѣтныя фигуры. Механикъ старшій, — большой, грузный, усатый брюнетъ съ нѣсколько какъ бы яростными и изумленными глазами, — я думаю, не далекъ, горячъ и отходчивъ. Остальные обитатели «Юнана» — поваръ, два поваренка, подростокъ китаецъ для мелкихъ услугъ, красавецъ лакей, нѣсколько кочегаровъ и десятокъ матросовъ.

Мы перебрались на «Юнанъ» къ обѣду. И обѣдъ имѣлъ совсѣмъ домашній характеръ. По домашнему приготавливалось и кофе, — не въ поварской, а въ столовой, собственноручно: мололъ старшій механикъ, засыпалъ и варилъ первый помощникъ. Это было вѣнцомъ обѣда, нѣкоторымъ священнодѣйствіемъ. Послѣ обѣда всѣ разошлись, кто на вахту, кто спать передъ вахтой.

На пароходѣ уже давно тишина. Тихо и на рейдѣ. Вотъ вторая склянка, — успокаивающій и слегка грустный звонъ, — бамъ-бамъ, бамъ-бамъ, — десять часовъ. Я выбралъ себѣ одну изъ трехъ каютъ возлѣ каютъ-компаніи, — каюты на верхней палубѣ меньше и будутъ въ тропикахъ жарче. У меня просторно и все прочно, на старинный ладъ. Есть даже настоящій письменный столъ, тяжелый, прикрѣпленный къ стѣнѣ, и

на немъ электрическая лампа подъ зеленымъ колпакомъ. Какъ хорошъ этотъ мирный свѣтъ, какъ свѣжъ и чистъ ночной воздухъ, проникающій въ открытое окно сквозь рѣшетчатую ставню, и какъ я счастливъ этимъ чистымъ, скромнымъ счастьемъ!

Суздальская древняя иконка въ почернѣвшемъ серебряномъ окладѣ, съ которой я нигдѣ не расстаюсь, святыня, связующая меня нѣжной и благоговѣйной связью съ моимъ родомъ, съ міромъ, гдѣ моя колыбель, мое дѣтство, — иконка эта уже виситъ надъ моей корабельной койкой. «Путь твой въ морѣ и стезя Твоя въ водахъ великихъ и слѣды Твои невѣдомы. . .» Сейчасъ, благодарный и за эту лампу, и за эту тишину, и за то, что я живу, странствую, люблю, радуюсь, поклонюсь Тому, Кто незримо хранитъ меня на всѣхъ путяхъ моихъ своей милосердной волей, и лягу, чтобы проснуться уже въ пути. Жизнь моя — трепетное и радостное причастіе вѣчному и временному, близкому и далекому, всѣмъ вѣкамъ и странамъ, жизни всего бывшаго и сущаго на этой землѣ, столь любимой мною. Продли, Боже, сроки мои!

13 февраля, Суэцкій каналъ.

Не слыхаль, какъ снялись, — пошли раньше, чѣмъ предполагали, задолго до разсвѣта, когда крѣпко спалъ. Потомъ сталъ будить скрежетъ надъ головой, — это взадъ и впередъ ползала по верхней полубѣ рулевая цѣпь: каналъ извилистъ, то и дѣло надо лавировать. Но этотъ же скрежетъ и усыплялъ, усыпляло его однообразіе и ощущение, что ты уже въ дорогѣ.

День облачный, мутный, сильный и мягкій вѣтеръ. Къ полудню мы были уже далеко отъ Портъ-Саида, въ совершенно мертвомъ, отъ вѣка необитаемомъ царствѣ. И долго провожала насъ слѣва, маячила въ мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая, и весь день прошелъ подъ его величавымъ и священнымъ знакомъ, былъ связанъ съ чувствомъ его близости, его ветхозавѣтнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчнаго владычества, ибо это вѣчно, вѣчно: «Азъ есмь Господь Богъ твой. . . Помни дни Господни. . . Чти отца и мать твою. . . Не дѣлай зла ближнему твоему. . . Не желай достоянія его. . .»

Я ходилъ по верхней палубѣ, сидѣлъ, читалъ, думалъ о многомъ и разномъ, но за всѣмъ былъ Синай. Я смотрѣлъ въ туманную пустыню справа, въ сторону Египта, смотрѣлъ на пески впереди, но все время чувствовалъ тотъ жуткій въ своей древности и вѣчности образъ, что сопутствовалъ намъ слѣва, съ аравійской стороны, своей какъ бы повисшей въ неясномъ небѣ, надъ розовымъ туманомъ, громадой. И это и страшило, какъ страшить все великое, и восторгало. Развѣ эта гора какъ всѣ горы на землѣ? Несчетные мириады тѣхъ, что рождались на землѣ въ теченіе этихъ тысячелѣтій, узнавали о немъ съ младенчества, на первомъ порогѣ жизни, и до самой могилы жили (покорно или строптиво, грѣшно или свято, а все таки жили) подъ властью того, что заповѣдано на немъ, на Синаѣ. Вотъ истинно незыблемый маякъ человечества, столпъ и основаніе его бытія, престоль законовъ, ихъ же безъ кары не преступишь!

Мысль объ этой незыблемости и о той связи, которую рождаетъ между людьми почитаніе синайскихъ

скрижалей, вмѣненное въ одинаковую священнѣйшую обязанность милліонамъ людей, отзывается въ сердцѣ великимъ утѣшеніемъ. Да, уже цѣлыя тысячелѣтія, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ часа въ часъ, изъ сердца въ сердце передается всѣхъ и вся равняющій и единящій заветъ: *чти скрижали Синая*. Сколько разъ человечество возставало на нихъ, дерзко требовало пересмотра, отмѣны ихъ велѣній, воздвигало кровавыя схватки изъ за торжества новыхъ заповѣдей, въ кощувственномъ буйствѣ плясало вокругъ золотыхъ и желѣзныхъ тельцовъ! И сколько разъ, со стыдомъ и отчаяніемъ, убѣждалось въ полномъ безсиліи своихъ попытокъ замѣнить своей новой правдой ту старую, какъ міръ, и до дикости простую правду, которая нѣкогда, въ громахъ и молніяхъ, возвѣщена была вотъ въ этой дикой и вѣчной пустынѣ со скалистыхъ синайскихъ высотъ!

Я сидѣлъ, смотрѣлъ. . . Сильно дулъ въ лицо лѣтній вѣтеръ, тепло солнца, все скрывавшагося за легкими, сливающимися клубами облаковъ, грѣло меня, грѣло бѣлую сухую палубу. Вѣтеръ несъ незримую, тончайшую песчаную пыль, съ мѣста на мѣсто пересыпая песчаные бугры и заноса каналъ все съ тѣмъ-же безцѣльнымъ прилежаніемъ и упорствомъ, съ которымъ заносилъ онъ и каналы фараоновъ, давно погибшіе, невѣдомые намъ. Каналъ извивался, вода его зеленѣла то блѣднѣе, то ярче въ зависимости отъ солнца, то заходившаго въ облака, то опять озарявшаго тепломъ, свѣтомъ, радостью. Медленно проходили мимо засыпанные пескомъ кустарники, насаженные по песчанымъ буграмъ вдоль канала. Міръ былъ безгранично пустъ — ни единаго живого существа вокругъ, ни единаго жилья, кромѣ рѣдкихъ сторожевыхъ мазанокъ, такихъ

одинокихъ въ этомъ сѣро-желтомъ морѣ и со всѣхъ сторонъ тѣснимыхъ желтыми сугробами. Но, казалось, душа всего человѣчества, душа тысячелѣтій была сомной и во мнѣ. «Не пожелай дома ближняго твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его. . .» И меня охватывало умиленіе. Какая пастушеская наивность выражений! Но какъ это трогаетъ и радуетъ, — то, что человѣчество и до нынѣ сохранило въ полной неприкосновенности эти древнія, наивныя формы заповѣдей! Мы и не подозреваемъ всей силы таинственнаго вліянія этой архаичности, ея неизмѣнности и независимости отъ преходящихъ земныхъ условій. Она разрушаетъ преграды времени, мѣста, національности, она говоритъ всѣмъ языкамъ людскимъ только однимъ, только своимъ, только аравійскимъ языкомъ, и изъ тысячелѣтій въ тысячелѣтія міриады самыхъ разноплеменныхъ человѣческихъ душъ, начинающихъ свое земное существованіе, младенческими голосами внушающихъ себѣ и другимъ для всѣхъ равно обязательные синайскіе законы, твердятъ только этотъ языкъ: ни раба его, ни осла его.

Я сидѣлъ и думалъ: все-таки оно есть въ мірѣ, — нѣчто незыблемо-священное. Въ гигантскомъ человѣческомъ таборѣ, который стремится, не взирая на всѣ свои блужданія, все-таки впередъ, въ какую-то обѣтованную землю, въ пестромъ и шумномъ станѣ, который ютится въ низкой земной юдоли, а все-таки у подножія нѣкихъ горнихъ высотъ, кипитъ мелкая, будничная жизнь, царитъ человѣческое ничтожество, человѣческая слабость, убогая гордыня, злоба, зависть, и Божьи избранники, пророки, мудрецы не разъ содрогались въ этомъ таборѣ отъ ужаса передъ его мерзо-

стью, въ отчаяннїи дробили о камень скрижали синай-скаго завѣта между человѣкомъ и Богомъ — и все-таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все тѣ-же самые уставы, ибо снова и снова гремѣли изъ мглы и тучь омраченныхъ высотъ все тѣ-же страшные, но и утѣшающіе, указующіе спасительный путь глаголы:

— Вы видѣли, что Я сдѣлалъ съ Египтянами (за зло ихъ) и какъ носилъ Я васъ на орлиныхъ крылахъ (на крылахъ вѣчной мощи Моей). . . Вотъ Я прихожу къ вамъ въ густомъ облакѣ и молніяхъ (ибо омраченъ престолъ правды Моей и разгнѣвано сердце Мое): пусть слышитъ народъ, какъ Я буду говорить, и пусть повѣритъ *навсегда*. . .

Тамъ, въ вѣчной Книгѣ Книгъ, такъ и сказано: *навсегда*. Младенчески бѣдны уставы, *навсегда* долженствующіе быть нашей вѣрой и нашимъ правиломъ, но въ этомъ-то и сила ихъ. Пастушеской простотой звучать они, но въ простотѣ-то и вѣчность ихъ, подобная вѣчности вотъ этого неба (простого синѣющаго воздуха), вотъ этой земли (простыхъ песковъ и камня).

«Чти отца и мать твою» — что, казалось бы, можетъ быть проще и бѣднѣе этихъ словъ? А межъ тѣмъ скорѣе солнце сойдетъ съ своего пути, чѣмъ потеряютъ они свою повелительную силу и свою святость, ибо во вѣки вѣковъ будетъ свято чувство рожденнаго къ родившимъ его, къ тѣмъ, которые всей силой своей любви сохранили его въ пору его слабости и незащитности. Да и такъ-ли ужъ проста она, эта нѣжнѣйшая изъ заповѣдей? Она говоритъ: «чти отца и мать твою» — и прибавляетъ: «дабы продлились дни твои.» Къ чему оно здѣсь, это добавленіе о долготѣ дней? И о

чемъ идетъ въ немъ рѣчь? О наградѣ отъ Бога за почитательность? Нѣтъ, смыслъ заповѣди гораздо глубже. Она говоритъ: чувство связи, — а не можетъ быть связи безъ почитанія, — чувство единства съ родившими тебя, съ жизнью отцовъ твоихъ, расширяетъ твою собственную, личную, краткую жизнь; возвышая ихъ, воздавая сыновнюю дань своимъ отцамъ, утружденнымъ жизненнымъ бременемъ, таинствомъ Бытія и любовью къ тебѣ, ты возвышаешь самого себя, то есть существо во всемъ подобное имъ: ты ихъ порожденіе, ихъ плодъ; чти-же древо, давшее плодъ, если притязашь быть и самъ достойнымъ почитанія, ибо не можетъ быть плода добраго съ недобраго древа; единая жизнь совершаетъ свое таинственное странствованіе черезъ тѣла наши, — стремись же ощущать это единство и благоговѣй: въ немъ твое безсмертіе (долгота дней) и самоутвержденіе.

А заповѣдь о достояніи? «Не пожелай дома ближняго твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его, ни всякаго достоянія его. . .» Какая опять какъ будто нехитрая и, главное, спорная, истина! Не пожелай! А я вотъ желаю и желаю съ очень достаточными основаніями: «собственность есть кража, и ужъ во всякомъ случаѣ ничего священнаго я въ ней не вижу!» Но и тутъ только видимость простоты и легкой оспоримости. Нѣтъ, надо весьма немного подумать, чтобы понять всю вѣчность и глубину и этого синайскаго наказа. Нѣтъ, сколько бы ни изрекала дерзостей человѣческая глупость, человѣческая зависть, оно поистинѣ священо, это достояніе ближняго моего, приобретаемое не всегда же случаемъ, а обычно цѣною не только всей ея жизни, но и жизни цѣлаго его рода. И посему три-

жды священна пальма, посаженная его отцомъ и потому никакъ не могущая быть общей; священъ колодець, вырытый его дѣдомъ, то есть хранящій нѣкую частицу дѣда, его труда, его мысли, его души и, значитъ, какъ бы даже нѣкое его безсмертіе, продолженіе, продленіе его земной жизни; священъ старый домъ, гдѣ мой ближній жилъ и хочетъ жить по-своему, во всей сокровенности своей личности, своихъ особенностей, своего гнѣзда, и гдѣ онъ то и дѣло ощущаетъ, вспоминаетъ (то есть *воскрешаетъ*) себя то ребенкомъ, то отрокомъ, то юношей, то мужемъ, со всѣми своими былыми горестями и радостями, и, кромѣ того, чувствуетъ себя наследникомъ, продолжателемъ всѣхъ тѣхъ традицій, всей той культуры, которая уже создана на мѣстѣ его дома... Какая кровь можетъ смыть вторженіе посторонняго въ это «достояніе», въ это святая святыхъ челоуѣка!

14 февраля, Красное море.

Вчера, какъ только стемнѣло, на бакѣ «Юнана» подняли большой электрической фонарь, цѣлое солнце, и далеко ударилъ въ темноту впереди бѣлый слѣпящій свѣтъ. Влчасъ по изгибамъ канала, точно китъ, заплывшій въ рѣку, «Юнанъ» зорко озиралъ все то, что было на его пути, — мутную воду, пласты бураго ила на побережьяхъ, пересыпанные пескомъ кустарники, лодки возлѣ сторожевыхъ пунктовъ, женскія фигуры босоногихъ феллаховъ, на корточкахъ сидѣвшихъ въ своихъ длинныхъ рубахахъ на кормахъ лодокъ... Этоть иль, эти аравійскіе пески, эти первобытные лю-

ди опять напоминали о жизни глухой, ветхозавѣтной, но впереди то и дѣло пронизывали темный горизонтъ прожекторы встрѣчныхъ пароходовъ. И разъ «Юнанъ» даже совсѣмъ притихъ, неуклюже привалился къ берегу, чтобы пропустить чуть не цѣлый пловучій городъ: встрѣчный великанъ надвигался на насъ, рѣзко и фиолетово, подобно горящему магнію, сіяя широкими и нестерпимо блестящими лучами своего солнца, потомъ совершенно затопилъ насъ какъ бы дневнымъ свѣтомъ — и съ шумомъ прошелъ мимо всѣми своими этажами, высокими мачтами и черными трубами, золотомъ освѣщенныхъ иллюминаторовъ и раскрытыхъ дверей, за которыми играла послѣбѣдненная музыка въ переполненныхъ народомъ залахъ. . . Странное для синайскихъ песковъ зрѣлище!

Когда насъ снова окружила темнота, я посмотрѣлъ на небо. Вѣтеръ стихъ, небо было чисто. Небо отъ большого количества звѣздъ первой величины было мрачно и торжественно.

Въ двѣнадцатомъ часу чуть видные въ темнотѣ берега стали расходиться, воздухъ измѣнился, сталъ болѣе влажный, морской; чувствовалось, что кругомъ только одна вода, впереди были разсыпаны далекіе огни на Суэцкомъ рейдѣ. . .

Проснулся уже въ Красномъ морѣ. Ночью опять поднялся вѣтеръ и развелъ такое волненіе, что, выйдя нынче въ каютъ-компанію къ кофе, я увидѣлъ въ ней странный полусвѣтъ, — всѣ иллюминаторы, выходящіе на бакъ, были закрыты на-глухо: такъ швыряло волной навстрѣчу.

На палубѣ слѣпало. Въ снастяхъ выло, свистало. Въ воздухѣ вѣяла водяная свѣжесть, которая, однако, мѣ-

шалась со зноемъ високаго, високаго солнца. Все море ходило долинами, холмами, верхушки этихъ холмовъ ярились пѣной. Вѣтеръ рвалъ ее, и бѣлые хлопья, залетавшіе иногда на палубу и быстро скипавшіе съ гладкихъ досокъ, рѣзко горѣли серебромъ. «Юнанъ» медленно кланялся солнечному морю, шедшему на него ухабистой и сіяющей равниной. Какія то странныя сѣрыя птички съ совершенно круглыми крылышками въ черной каемкѣ перелетали по снастямъ, по поручнямъ бортовъ. Откуда ихъ занесло? Сколько разнообразнѣйшихъ жизней въ мірѣ, о которыхъ мы и не знаемъ, никогда не думаемъ!

Я долго не безъ нѣкоторой хищной хитрости ходилъ за этими птичками по заваливающемуся то на одинъ, то на другой бокъ пароходу. Онѣ подпускаютъ очень близко, эти птички, а все-таки чувуютъ правду — въ концѣ концовъ пугаются и улетаютъ. Сидитъ и неподвижно смотритъ на тебя чернымъ глазкомъ: кто ты такой, что хочешь со мной сдѣлать? И едва сдѣлаешь лишній шагъ — птичка порхъ и уже гдѣ-нибудь высоко, на реѣ. Нѣтъ, никакая жизнь не вѣритъ другой! И не безъ основанія. . .

Сейчасъ звонятъ къ завтраку. Блескъ и зной, море успокаивается, вѣтеръ слабѣетъ.

15 февраля.

За вчерашній день все чрезвычайно измѣнилось, — мѣнялось чуть не каждый часъ. И вотъ оно уже наступило, то вѣчное свѣтоносное лѣто совершенно новаго для меня міра, которое говоритъ о какой-то давно за-

бытой нами, райской, блаженной жизни. Къ вечеру всѣмъ намъ пришлось надѣть все бѣлое, и въ этомъ было что-то праздничное. Вѣтеръ совсѣмъ упалъ, море совсѣмъ улеглось и вообще все, по словамъ моряковъ, пришло въ полный порядокъ, въ тотъ покой, въ то радостное и сіяющее однообразіе, изъ котораго мы теперь не выйдемъ до самаго возвращенія въ Средиземное море.

А поздно вечеромъ капитанъ поздравилъ насъ со вступленіемъ въ тропики. Итакъ, завѣтная черта, о которой столько мечталъ я, перейдена. Ночью долго стояли на кормѣ. Слѣдъ отъ винта горитъ, въ его бушующей пѣнѣ плаваютъ тысячи синихъ звѣздъ, то и дѣло возникаютъ и распускаются въ лазурный дымъ цѣлыя блюда пламени.

Спать было уже душно. Мѣрно жужжить въ теплой темнотѣ каюты электрической вентиляторъ, но его вѣяніе только ласкаетъ.

Нынче утро еще жарче. Проснулся въ шесть отъ шума воды — матросы, какъ всегда въ этотъ часъ, «скачивали» палубу, затопляли ее изъ шланговъ, терли швабрами, и этотъ шумъ, свѣжій, водяной, былъ очень сладокъ въ томъ зноѣ и блескѣ, присутствіе котораго въ мірѣ я почувствовалъ еще въ постели.

Затѣмъ натянули бѣлые тенты надъ нижней палубой — dokonчили картину. Вотъ теперь уже совершенно все по тропически: и эта легкая жаркая тѣнь подъ тентами, и рѣзкое серебро бѣлыхъ одеждъ, бѣлой обуви и бѣлыхъ шлемовъ на морякахъ, и ихъ страшныя черныя очки.

Начали и мы тропическую жизнь, — блаженное бездѣлье, лежанье въ длинныхъ камышевыхъ креслахъ на

палубѣ, въ прозрачной, полной свѣта, тѣни. Лежимъ и смотримъ на свѣтлую пустоту сіяющаго неба, видную между бортомъ и тентомъ, дивимся на воду, что сквозить въ рѣшоткѣ поручней. Это драгоценный прозрачный камень, сплавъ непередаваемыхъ зеленыхъ самоцветовъ, въ прозрачности котораго дымится зеленая муть. Сплавъ идетъ, качается, по временамъ растеть острыми хребтами и закипаетъ съ сильнымъ и чарующимъ шумомъ. Поварь, — онъ родомъ откуда-то изъ Пиренеевъ, — работаетъ на кухнѣ и поетъ чудеснымъ, порою очень высокимъ голосомъ. И пѣсня со сладкой грустью говоритъ о счастье жить, любить, мечтать въ этомъ свѣтоносномъ Божьемъ мѣрѣ. . .

Послѣ обѣда сидѣли наверху, въ большой каютѣ капитана. Онъ водилъ насъ въ штурманскую рубку, показывалъ небесный глобусъ, тѣ новыя южныя звѣзды, которыя уже открываются намъ.

Ночью.

Второй часъ. Не могу заснуть, — такимъ счастливымъ чувствую себя.

Лежа въ темнотѣ, вспоминалъ штурманскую рубку, думалъ о рулевомъ. Вотъ онъ и сейчасъ прямо и ровно стоитъ тамъ, наверху, бѣлѣетъ своей матроской въ сумракѣ, держитъ за рога рулевое колесо, глядитъ на большой мѣдный дискъ, лежащій передъ колесомъ и таинственно освѣщенный низко спущенной лампочкой подъ чернымъ колпакомъ, а на дискѣ зыбко дрожитъ и, дрожая, медленно ходитъ, какъ живая, магнитная стрѣлка. . . Истинно высокимъ саномъ облеченъ теперь этотъ

человѣкъ, ведущій нашу морскую стезю, сопряженный съ тѣми непостижимыми, Божьими силами, которыя колеблютъ, правятъ эту стрѣлку!

Восторженно волнуясь, лежалъ въ темнотѣ и думалъ, а вѣтеръ вѣялъ и вѣялъ въ каюту, въ открытое окно, въ растворенную дверь, глухо билось гдѣ-то внизу какъ бы нѣкое огромное сердце и мѣрно возникалъ, падалъ и снова росъ шумъ волнъ, неустанно летѣвшихъ вдоль бортовъ.

16 февраля.

Въ два часа прошли островъ Джебель-Таиръ. Совсѣмъ не похожъ на Средиземные острова. Тѣ всегда очертаніями волнисты, мягки и всегда въ голубоватой или нѣжно-сиреневой дымкѣ воздуха. Этотъ же совершенно четкій, голый и со всѣхъ сторонъ точно топоромъ обрубленъ. И цвѣтъ его совсѣмъ новый для глаза, — верблюжій.

Передъ вечеромъ слѣва шли мелкіе острова, довольно далеко другъ отъ друга разбросанные. Ближніе въ упоръ, но мягко были освѣщены солнцемъ, ихъ известковые откосы сіяли желто-розовой бѣлизной, а дальній, самый большой, цвѣтъ имѣлъ опять верблюжій. Это Двѣнадцать Апостоловъ. Вода была какъ въ Черномъ морѣ. И все время насъ плавно, медленно качало.

Въ шесть часовъ, тотчасъ же послѣ заката солнца, увидалъ надъ самой своей головой, надъ мачтами, въ страшно большомъ и еще совсѣмъ свѣтломъ небѣ, серебристую розсыпь Оріона. Оріонъ днемъ! Какъ благодарить Бога за все, что даетъ онъ мнѣ, за всю эту

радость, новизну! И неужели въ нѣкій день все это, мнѣ уже столь близкое, привычное, дорогое, будетъ сразу у меня отнято, — сразу и уже навсегда, навѣки, сколько бы тысячелѣтій ни было еще на землѣ? Какъ этому повѣрить, какъ съ этимъ примириться? Какъ постигнуть всю потрясающую жестокость и нелѣпость этого? Ни единая душа, не взирая ни на что, втайнѣ не вѣритъ этому. Но откуда же тогда та боль, что неотступно преслѣдуетъ насъ всю жизнь, боль за каждый безвозвратно уходящій день, часъ и мигъ?

А за обѣдомъ — человѣческая суета суетъ. «Въ мысляхъ у нихъ, что дома ихъ вѣчны и что жилища ихъ въ родъ и родъ. . .» Разговоръ начался съ Россіи. И, конечно, вскорѣ перешелъ на «царизмъ», — вѣдь это для европейцевъ образъ всей Россіи, нѣчто особенно загадочное и даже ужасное, — коснулся японской войны и перелома, вызваннаго ея послѣдствіями, затѣмъ тѣхъ событій, которыми этотъ переломъ сопровождался и наконецъ, общихъ вопросовъ: о парламентаризмѣ и абсолютизмѣ, о консерваторахъ, о социальныхъ неравенствахъ, о собственности. Тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, вспыхнули страсти.

Капитанъ оказался крутымъ собственникомъ, первый помощникъ его тихимъ, но стойкимъ сообщникомъ, въ то время, какъ второй, маленькій, черноглазый, похожій на южнаго итальянца, злымъ, огненнымъ социалистомъ, а старшій механикъ вообще революціонеромъ, яростнымъ метателемъ театрално-напыщенныхъ общихъ фразъ. Онъ, огромный, черный, усатый, свирѣпо скрежеталъ ручкой кофейной мельницы и, пожирая глазами капитана, мощно декламировалъ.

Второй помощникъ не отставалъ отъ механика, го-

ворилъ вмѣстѣ съ нимъ въ одно и то же время, не громко, однообразно и тоже остановивъ на немъ свои злые, какъ у змѣи, сплошь черные глаза. А капитанъ смотрѣлъ на того и на другого надменно-презрительно, отлично зная и чувствуя, что, не взирая на всю свою видимую независимость, на всю свободу, съ которой будто бы могутъ французскіе граждане имѣть какія угодно мнѣнія и сужденія, эти социалисты побаиваются его. И онъ былъ правъ, потому что, какъ только онъ раскрывалъ ротъ, рѣчи обрывались, и онъ, не спѣша, бросалъ короткія наставительныя фразы.

— У меня на родинѣ домъ, хозяйство, семья, — сказалъ онъ наконецъ особенно вѣско и раздѣльно. — У меня есть нѣкоторый капиталъ, заработанный двадцатилѣтнимъ плаваніемъ, — а вы хорошо знаете, что значитъ плавать двадцать лѣтъ, — и вотъ, въ одинъ прекрасный день, вы, господа социалисты, придете отнимать у меня все это. Какъ же вы думаете, что я сдѣлаю? А вотъ что: я безъ всякаго колебанія задушю перваго, кто двинется на мой порогъ, я зажгу домъ, перерѣжу скоть, опустошу садъ и швырну деньги въ море! Пусть послѣ этого ваши сообщники дѣлаютъ со мной все, что имъ угодно, — жизнь для меня уже не будетъ стоить ни гроша!

И, сказавъ такъ, капитанъ медленно допилъ послѣднюю, самую сладкую капельку кофе, аккуратно надѣлъ картузь, поднялся съ видомъ сытаго, сильнаго и во всемъ собой довольнаго человѣка, съ небрежной вѣжливостью пробормоталъ обычное привѣтствіе и пошелъ изъ столовой. И старшій механикъ проводилъ его глазами разъяреннаго кота и театрално прошипѣлъ:

— О, старый реакціонеръ!

17 февраля.

Утромъ прошли Перимъ.

Сейчасъ, послѣ завтрака, идемъ очень близко возлѣ африканскаго берега, низменнаго, пустыннаго, сѣраго, какъ слонъ. Виденъ Обокъ. Дальше, въ безконечной дали, даже туманной отъ обилія солнечнаго свѣта, поднимаются въ небо смутные, знойные призраки Абиссинскихъ горъ. Лежу въ камышовомъ креслѣ на палубѣ, въ жаркой, свѣтлой и душной тѣни подъ тентомъ. Бѣжитъ, вспыхиваетъ блескъ воды за бортомъ, но онъ тусклый. Гляжу изъ-подъ тента: и солнце печетъ тускло, и эти далекія, таинственныя горы, словно тускляя, чуть видныя, тучи... И какая-то великая тоска во всемъ. Откуда она? Отъ смутной мысли о тѣхъ, которыхъ забросила судьба въ этотъ безконечно одинокій, маленькій фортъ, на эту пядь дикой земли, затерянную среди отъ вѣка необитаемыхъ пустынь, свѣтоносныхъ и знойныхъ береговъ таинственной Африки?

Въ четыре стали на рейдъ противъ Джибутти, довольно далеко отъ него. Громадный заливъ, вода зеленая. Вдалекѣ налѣво, за линіей рифовъ, эта зелень рѣзко обрѣзана синью, — тамъ уже Индійскій Океанъ. Впереди, на низкомъ побережьѣ, бѣлѣетъ городокъ, мавританскій дворецъ французскаго губернатора. Я стоялъ на верхней палубѣ, смотрѣлъ на него и вдругъ увидѣлъ: къ пароходу быстро несло нѣсколько узкихъ и темныхъ, глубоко сидѣвшихъ въ зеленой водѣ,

пирогъ, изъ которыхъ торчали худые и голые черные торсы и сѣдые волосы. А черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого на бакѣ «Юнана» уже стояла кучка еще никогда мной невиданныхъ людей, тѣхъ самыхъ «дикихъ», о которыхъ читалъ въ дѣтствѣ: кучка высокихъ черно-шоколадныхъ тѣлъ, одинаково узкихъ въ плечахъ и въ бедрахъ, шелковисто-сухихъ даже на видъ. Это были сомалии, о которыхъ говорятъ, что они еще и теперь не прочь отъ людоедства. Зубы у нихъ сверкали, на головахъ высоко курчавилась желтоватая шерсть, — у нихъ обычай обезцвѣчивать волосы, — шеи поражали длиной, въ тонкихъ профиляхъ было что-то козлиное. Нѣкоторые были съ луками въ ростъ человѣка. А я смотрѣлъ на ихъ наготу и испытывалъ какое-то странное, даже какъ будто стыдное, райское (да, истинно райское) чувство.

До заката сомалии работали, — изъ Джибутти пришла баржа съ углемъ, и они перекидывали уголь изъ баржи въ нутро нашего парохода. Къ закату баржа опустѣла. Сомалиямъ выдали по булкѣ и по бумажному фунтику финиковъ. И, отдыхая, они сидѣли въ баржѣ и ужинали, а одинъ стоялъ на кормѣ барки и по мусульмански молился. Никогда, кажется, не видалъ я такой молитвы, — такой горячей благодарности Богу за жизнь, за день труда, за эту булку и горсточку финиковъ!

18 февраля.

Вѣдрили въ Джибутти. Гребцы голые, голы и тѣ, что встрѣчаются въ пирогахъ, то есть, по нашему, дубкахъ. Глубоко, почти съ краями, сидитъ этотъ дубокъ въ теплой водѣ, а изъ него по-поясъ торчитъ голое тѣло,

работающее однимъ весломъ. И опять сильное, живое чувство первобытнаго, теплаго, райскаго.

Городъ маленькій, новый, но какой то забытый Богомъ, захолустный. Магазины какъ у насъ въ уѣздныхъ городахъ. Ходили на окраину; тамъ лачуги, мухи на мусорѣ и нечистотахъ, жара, базарь. Дальше — пески, полная пустыня, таборъ сомаліевъ, живущихъ уже совсѣмъ по своему, съ первобытной дикостью. Шатры, козы, голыя черныя дѣти и, конечно, опять нечистоты. . . Мерзко? Нѣтъ, страшно по первобытности, по древности, а разъ такъ, чувства пробуждаются совсѣмъ иныя, высокаго, почти жуткаго порядка. Тысячелѣтіями идетъ эта полуживотная жизнь. Но надъ нею — намъ невѣдомыя Божьи цѣли. Въ этомъ грязномъ человѣческомъ гнѣздѣ, среди этой первозданной пустыни, тысячелѣтіями длятся рожденія и смерти, страсти, радости, страданія. . . Зачѣмъ? Безъ нѣкоего смысла быть и длиться это не можетъ.

Все же какая-то великая тоска, великая безнадежность царить надъ этимъ глухимъ и скуднымъ человѣческимъ жильемъ.

19 февраля.

Уже въ Океанѣ. Совсѣмъ особое чувство — безграничной свободы.

Прохладиѣ отъ муссона, весь день боковая качка.

Поздно вечеромъ опять были въ штурманской рубкѣ, смотрѣли карту нашего пути: путь нашъ прямо на востокъ. Потомъ былъ на верхней палубѣ. Четверть мѣсяца стоитъ очень высоко и свѣтитъ очень ярко, —

съ правой стороны настоящая лунная ночь. Розсыпь Ориона въ зенитѣ. Южный Крестъ на югѣ, въ большомъ пространствѣ почти пустаго неба. Смотрѣлъ на него и вдругъ вспомнилъ, что у Данте сказано: «Южный Крестъ освѣщаетъ преддверіе Рая.» Слѣва низко лежала серебромъ раскинутая по темносинему небосклону Большая Медвѣдица, подъ нею, почти на горизонтѣ, печально бѣлѣла Полярная Звѣзда. А на востокѣ точно вѣтромъ раздувало какую-то огромную и великолѣпную звѣзду, ровно и сильно пылавшую краснымъ огнемъ. И ходъ нашъ былъ прямо на нее.

20 февраля.

Легкій, веселый день, вѣтеръ.

Въ полдень встрѣча: далеко вдали, въ крупной и блестящей волнѣ, плавно и мягко ныряющая барка. Капитанъ сказалъ, что это арабы изъ Персидскаго залива: путешествуютъ по древнему, совершаютъ въ такихъ утлыхъ ладьяхъ огромные переходы, въ дорогу съ собой беря только рисъ и прѣсную воду. И мысль объ этихъ арабахъ восхитила: люди иныхъ, далекихъ и блаженныхъ въ своей бѣдной простотѣ время, къ нашему великому счастью еще существующіе на землѣ!

Долго ходилъ по палубѣ съ необыкновенной легкостью, наслаждаясь бьющимъ въ лицо вѣтромъ. Потомъ рѣшительно пошелъ въ каюту, развязалъ набитый книгами чемоданъ, который мы съ ненавистью таскали всю зиму по отелямъ въ Египтѣ, и торопливо сталъ отбирать прочитанное и не стоящее чтенія. А отобравъ, сталъ бросать за бортъ и съ большимъ облегче-

ніемъ смотрѣть, какъ развернувшаяся на лету книга плашмя падаетъ на волну, качается, мокнетъ и уносится назадъ, въ океанъ — на вѣки. Думала-ли она, въ свое время мирно лежавшая въ орловской деревнѣ, побывать въ Каирѣ, у пороговъ Нила, въ Красномъ морѣ, а потомъ кончить свои дни въ Индійскомъ Океанѣ! Поразительна полная неизвѣстность и случайность всякой земной судьбы. Развѣ я, наприимѣръ, могу быть увѣренъ, что увижу Цейлонъ, возвращусь въ Россію? Можетъ быть, завтра, послѣ завтра сбросятъ мое тѣло вотъ въ эти же самыя волны. . . И вообще съ немалымъ основаніемъ преслѣдуютъ меня всю жизнь подобныя мысли. Я именно изъ тѣхъ, которые, видя колыбель, не могутъ не вспомнить о могилѣ. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существованіе — каждую секунду висишь на волоскѣ! Вотъ я живъ, здоровъ, а кто знаетъ, что будетъ черезъ секунду съ моимъ сердцемъ, которое, какъ и всякое человѣческое сердце, есть нѣчто такое, чему нѣтъ равнаго во всемъ твореніи по таинственности и тонкости? И на такомъ же волоскѣ виситъ и мое счастье, спокойствіе, то есть жизнь, здоровье всѣхъ тѣхъ, кого я люблю, кѣмъ я дорожу даже гораздо больше, чѣмъ самимъ собою. . . За что и зачѣмъ все это?

Выбросивъ нѣсколько книгъ и успокоившись, будто сдѣлалъ что то очень нужное, послѣ чего все должно пойти гораздо лучше, глядѣлъ съ палубы въ пустой просторъ этихъ «водъ многихъ», со всѣхъ сторонъ безотвѣтно объемяющихъ насъ, все съ тѣмъ же вопросомъ въ душѣ: за что и зачѣмъ? — и въ этой же самой Божьей безотвѣтности, — непостижимой, но никакъ не могущей быть безъ смысла, — обрѣтая какую то свя-

тую беззаботность. Прошелъ капитанъ и, такъ какъ на колѣняхъ у меня лежало «На водѣ» Мопассана, я спросилъ его, знаетъ-ли онъ эту книгу и нравится-ли она ему.

— О, да, — отвѣтилъ онъ, — это очень мило.

Вѣроятно, въ другое время такой отвѣтъ показался бы мнѣ возмутительно глупымъ. Но тутъ я подумалъ, что, пожалуй, онъ совершенно правъ въ своей снисходительной небрежности. Какъ смѣшно преувеличиваютъ люди, принадлежащіе къ крохотному литературному мірку, его значеніе для той обыденной жизни, которой живетъ огромный человѣческой міръ, справедливо знающій только Библию, Коранъ, Веды!

«За что, зачѣмъ?» Вотъ для тѣхъ арабовъ, которыхъ мы встрѣтили давеча, не существуетъ этого вопроса. Они знаютъ одно — древнюю «покорность Вожатому», Тому, Кто говоритъ о себѣ въ Коранѣ: «Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная жила.»

Ночью.

Зажегъ настольную лампу, — какъ успокоительно освѣщаетъ она сквозь свой зеленый колпакъ каюту! — сѣлъ за столъ и чувствую: медленно уходитъ, ползетъ столъ изъ-подъ руки, осѣдаетъ, погружается полъ въ бездонную силу, волнующуюся подо мною, косо клонятся стѣны, размахивается дверная занавѣска. . .

Въ девять часовъ былъ на носу. Очень сильный и необыкновенно пріятный вѣтеръ навстрѣчу, такой сильный, что рябитъ въ глазахъ, когда смотришь впередъ. Море впереди совсѣмъ черно, небо очень чисто и со-

всѣмъ пусто, и опять низко стоитъ на немъ и кровью переливается большая жуткая звѣзда. Далеко сзади, за кормой — бесконечно разлитъ по зыби розоватый блескъ луны, золотой ломоть которой почти лежитъ на водѣ.

Въ десять съ половиной опять ходилъ туда-же, и опять глядѣлъ назадъ. Ломоть луны меркнетъ, умираетъ, картина пріобрѣтаетъ трагическій характеръ. Мимо бортовъ горами несутся маслянисто-черныя волны, взвиваются гребнями свѣтящейся зеленой пѣны. А тамъ, далеко вдали за кормой, красно-золотой и уже густой и тусклый блескъ, разлитый по морю, весь изрытъ черными ухабами и весь движется, какъ бы кишитъ какими-то живыми существами, ночными морскими чудищами. . .

Сейчасъ качаетъ такъ, что писать уже трудно. Лягу, и будетъ всю ночь баюкать меня, какъ въ колыбели. «Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная жила.»

22 февраля.

И вчера и нынче ослѣпительно солнечно, но такой вѣтеръ, такой свистъ въ снастяхъ и такая крупная зыбь, что ни стоять, ни ходить. . . Завтракали, обѣдали не безъ труда, хотя особенно весело. Нашъ кривоногій бой проявилъ чудеса китайской ловкости, въ присядку носясь изъ кухни въ столовую и обратно съ кушаньями и съ посудой.

Нынче уже тише. Къ ночи, говорятъ, все придетъ въ полный порядокъ.

23 февраля.

Да, опять все какъ слѣдуетъ.

И опять радостное и жаркое солнце, тишина, корабельная чистота, всѣ двери, окна раскрыты, и все пусто, — всѣ на работѣ, по своимъ мѣстамъ, — и мы со всѣмъ одни, точно и впрямь на своей собственной яхтѣ. И все утро поютъ матросы. Какая грусть! И какое сладкое счастье — это солнечное утро, это наше одиночество, этотъ отъ вѣка и до скончанія времянь свѣтоносный океанъ и эта пѣсня, то есть жизнь, душа какой-то далекой, намъ невѣдомой страны, — Бретани, Вандеи, Прованса? — со всей своей французской стариной, исторіей, со всѣми преданіями и особенностями быта, нравовъ, то есть со всѣмъ тѣмъ своимъ особеннымъ, въ чемъ священная поэзія каждаго народа. . .

Все утро идемъ мимо Гвардафуя: далекій берегъ коричневаго цвѣта, полосы желтѣющихъ у моря песковъ. Страшное мѣсто, славное въ лѣтописяхъ кораблекрушеній. Но такой изумительно прекрасный день, что этому какъ-то не вѣрится.

Впереди били какіе-то фонтаны. Капитанъ сказалъ, что это китъ. Потомъ прибавилъ:

— А кораблекрушенія возлѣ Гвардафуя и теперь не рѣдкость. Тогда сбѣгаются туземцы, грабятъ гибнущее судно, добиваютъ тонущихъ и ѣдятъ ихъ.

Богъ меня прости, — во мнѣ шевельнулось что-то похожее на радость. Вѣдь это опять то далекое, старинное, изъ тѣхъ путешествій, которыя съ такимъ восхищеніемъ читалъ въ дѣтствѣ.

24 февраля.

Все та же прелесть однообразія.

Всѣ послѣдніе дни солнце садилось совершенно чисто. Небо передъ закатомъ было неизмѣнно золотое, сіяющее; потомъ оно краснѣло, вмѣстѣ съ краснѣющимъ солнечнымъ шаромъ, который, коснувшись горизонта, слегка вытягивался, становился огненно-багряной митрой.

Нынче весь день заходили облака, солнце припекало, какъ передъ грозой, — близится земля, Индія. Въ пять часовъ красота этихъ легчайшихъ, истинно эдемскихъ облаковъ, раскинувшихся въ небосклонѣ надъ предзакатнымъ солнцемъ, была ни съ чѣмъ несравнима.

Сейчасъ уже ночь, девять часовъ. Былъ на кормѣ. Тамъ пахнетъ сѣномъ, стоятъ въ загородкѣ быки. Завтра утромъ одного изъ нихъ убьютъ. Послѣдняя его ночь! Это невозможно, этому не вѣрится, но это такъ. Впрочемъ, такъ ли? Можетъ быть, послѣдняя только на землѣ? Даже въ смерть быка отказывается вѣрить сердце. . .

А ночь прелестная, съ мирной луной и бѣлыми облаками, съ рѣдкими и тѣмъ болѣе прелестными звѣздами среди нихъ. Совсѣмъ бы одна изъ нашихъ орловскихъ ночей, если бы не дивная игра Конопуса, этого двойника Сиріуса, только ярче отливающего краснымъ блескомъ. Южный Крестъ не высоко, склоненъ вправо. И все заходятъ облака на востокѣ, величавыми и грозными горами. Такъ заходили они весь день, и опять весь день росла качка вмѣстѣ съ ровно растущимъ муссономъ. Теперь валить уже совсѣмъ хорошо, хотя все съ той-же медлительной плавностью и не мѣшая мир-

ной прелести ночи (той, что надъ нами, а не на восточномъ горизонтѣ, гдѣ тѣ бѣлыя грозныя тучи).

Съ кормы я долго смотрѣлъ вправо, на югъ. Тамъ, въ свѣтломъ и совсѣмъ пустомъ небѣ, подъ Южнымъ Крестомъ, все мерцаетъ одинокая низкая звѣзда. Какая? Надо завтра спросить моряковъ. Можетъ быть, Альфа Центавра? — Какъ плѣнительно, загадочно звучали для меня всю жизнь подобныя слова! И вотъ Богъ далъ мнѣ великое счастье видѣть все это. . .

Послѣдняя ночь быка все таки не выходитъ изъ головы. Онъ долженъ умереть, чтобы я могъ жить, продолжать видѣть прекрасныя ночи — и думать о его судьбѣ, дивиться ей. . . Всю жизнь суждено мнѣ дивиться чуть не каждую минуту, ничего не понимать и смирять себя: значить, такъ надо.

25 февраля.

Вчера, потушивъ огонь, долго лежалъ, мысленно видя тѣ облачныя горы на восточномъ горизонтѣ. Въ открытое окно, за тѣнью отъ навѣса палубы, бѣлѣла лунная ночь, въ открытую дверь доходило сладкое вѣяніе вѣтра. Думалъ о тѣхъ грозахъ, которыя, по рассказамъ моряковъ, начинаются здѣсь съ апрѣля и бываютъ такъ страшны. Въ полуснѣ стало представляться, что облака эти становятся все величавѣе, темнѣе, ужаснѣе и уже блещутъ зарницами. . . Потомъ очнулся и, не зажигая огня, записалъ:

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,

Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.
Всходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріиль, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ вѣнцѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ. . .

Нынче все такъ же медленно и плавно поднимаетъ, слегка валить на одну сторону, потомъ на другую, еще медленнѣе опускаетъ и опять начинаетъ все сначала. И спокойно стоятъ весь день далекія облака на сѣверо-востокъ, надъ этой таинственной Индіей. Въ пустой столовой жужжитъ и дуетъ изъ угла электрической вентиляторъ. Все читаю, читаю, бросая прочитанное за бортъ. — Жить бы такъ безъ конца!

Я даже къ консервированному молоку, которое подаютъ къ утреннему кофе, привыкъ; освѣженный послѣ жаркой постели душемъ, надѣвши все бѣлоснѣжное, чувствую себя двадцатилѣтнимъ, сажусь за столъ съ юношеской жадностью. А въ одиннадцать другое острое удовольствіе — запахи изъ кухни, завтракъ. Подаютъ вздоръ — омлетъ, что-то вродѣ зеленого луку, какое-то подобіе рагу, часто улитокъ. . . Но блещутъ стаканы, рюмки, скатерть, радуется здоровый загаръ и пикейная одежда моряковъ, красавецъ лакей, тоже весь въ бѣломъ, и сонная улыбка очень подвижного, когда надо, но вѣчно безмолвнаго кривоногаго нашего китайченка; радуется порядокъ корабельной жизни. А тамъ чай среди дня, а тамъ и обѣдъ, завершенье правильного трудового дня. . . За обѣдомъ моряки часто что-нибудь рассказываютъ.

Какъ это ни странно, капитанъ рассказываетъ от-

лично, лучше всѣхъ. И вообще, несмотря на свои многія непріятныя черты, — какое, на примѣръ, презрѣніе ко всему, что не французское! — онъ мнѣ очень нравится: очень цѣльный человѣкъ. Нравится и то, что сидитъ онъ во главѣ стола, какъ высшій между нами, съ сознаниемъ, что онъ высшій, имѣющій надъ нами неограниченную власть. Да, конечно, неограниченную, — развѣ можетъ быть иначе въ морѣ, на кораблѣ? Въ морѣ, въ пустынѣ, непрестанно чую надъ собой высшія Силы и Власти и всю ту строгую іерархію, которая царитъ въ мірѣ, особенно ощущаешь, какое высокое чувство заключается въ подчиненіи, въ возведеніи въ нѣкій санъ себѣ подобнаго (то есть самого же себя).

Нынче весь день летѣли летучія рыбки. Мы идемъ, а онѣ, какъ молодые воробьи, поднимаются цѣлыми стаями, несутся плоско, прямо и опять съплываютъ въ воду, разбрасывая брызги вокругъ себя, и опять взрываются цѣлымъ ливнемъ и опять летятъ. . .

Ночь похожа на вчерашнюю.

Та звѣзда, что по ночамъ переливается кровью на горизонтѣ передъ нами, мигаетъ, цвѣтетъ и какъ будто манитъ, завлекаетъ все дальше въ глубь своей таинственной тропической страны, есть Спика.

Быка уже нѣтъ на свѣтѣ. Все тотъ-же плескъ, шумъ воды за кормой, все тотъ же мирный запахъ сѣна и все та-же сладость ночного вѣтра, а его уже нѣтъ. Непостижимо!

Въ каютѣ все жарче. Сплю совсѣмъ Адамомъ. Качаетъ и качаетъ то углое, что хранить и нести насъ среди этихъ безконечныхъ хлябей, вѣетъ во всѣ окна и двери нѣжный воздухъ, жужжитъ изъ угла вентиляторъ. . . Иногда представляю себѣ себя самого, спя-

щаго, — беспомощно, безъ мысли и сознанія лежащаго въ этой каютѣ, затеряннаго въ океанѣ. Какъ страшно и какъ хорошо! Я сплю, мы всѣ спимъ, кромѣ тѣхъ двухъ-трехъ безсонныхъ, безмолвныхъ, недвижныхъ, что бдятъ за насъ тамъ, наверху, на вахтѣ, мы спимъ, а ночь, вѣчная, неизмѣнная, — все такая-же, какъ и тысячелѣтія тому назадъ! — ночь, несказанно-прекрасная и неизвѣстно зачѣмъ сушая, сіяетъ надъ океаномъ и ведетъ свои свѣтила, играющія самоцвѣтными огнями, а вѣтеръ, истинно Божіе дыханіе всего этого прелестнаго и непостижимаго міра, вѣетъ во всѣ наши окна и двери, во всѣ наши души, такъ довѣрчиво открытыя ей, этой ночи, и всей той неземной чистотѣ, которой полно это вѣяніе.

26 февраля.

Спаль въ каютѣ на верхней палубѣ, думалъ, что въ ней, болѣе доступной вѣтру, все-таки не такое знойное тепло, не такая горячая духота, какъ въ нижней. Но нѣтъ, тамъ еще жарче, за день она, вся открытая солнцу, накаляется, какъ духовая печь.

Проснулся, по обыкновенію, въ шесть, — зашуршали швабры, зашумѣла вода изъ шланговъ, — и тотчасъ же вскочилъ. Спать въ этихъ солнечныхъ странахъ можно очень мало, и сонъ, чуть откроешь глаза, отлетаетъ мгновенно. Всегда есть надежда на что то новое, счастливое въ начинающейся утренней жизни, тутъ же, среди этого вѣчно-юнаго Божьяго лона, въ первозданности океана, особенно. Отдернулъ дверную занавѣску, — уже всходитъ жаркое солнце, сладокъ

шумъ воды, дающій обманчивое чувство прохлады, пріятень видъ молодыхъ и здоровыхъ людей за работой, ихъ босыхъ ногъ, крѣпкихъ икръ и до пояса обнаженныхъ бурыхъ тѣлъ. Еще разъ здравствуй, утро! Еще разъ выкатилось могучее тропическое свѣтило, какъ выкатывалось оно въ эту минуту уже сотни тысячъ лѣтъ и снова будетъ выкатываться миллионы, когда отъ меня не останется даже пылинки.

За день муссонъ ослабѣлъ. Но качаетъ еще шире и глубже, — какъ на качеляхъ весь день качаешься.

Дочиталъ «На водѣ.» — «J'ai vu de l'eau, du soleil, des nuages, je ne puis raconter autre chose. . .» Дочитавъ, бросилъ книгу за бортъ. Поднялся на верхнюю палубу, потомъ еще выше, на крышу капитанской рубки, стоялъ и качался вмѣстѣ со всѣмъ пароходомъ, который былъ весь подо мною и весь виденъ, отъ бугшпри-та до кормы, со всѣми своими мачтами, снастями и тяжелой черной трубой, ея круглотой и тяжестью, ея чуть дымящей пастью. Все это поднималось, опускалось, косо валилось то туда, то сюда. . . Куда забросило меня! Я подъ экваторомъ!

Сейчасъ пять. Океанъ все штильветъ и принимаетъ нѣжно-синій тонъ, — та зыбь, что качаетъ насъ, мертвая. И уже есть кое-гдѣ вдали поля свѣтло-стальной глади.

Ночью.

Солнце нынче опускалось въ спящее золото. Океанъ все штильветъ. Всюду вокругъ насъ, по матово-

стальнымъ медленно перекатывающимся волнамъ, тоже текло, переливалось, блистало золото.

Мы поднялись съ верхней палубы еще выше, на мостикъ. Океанъ за это мгновение сталъ уже весь млечно-стальной съ голубымъ налетомъ, и по этой безграничной млечности пошли отъ заката (ставшаго менѣе слѣпящимъ, оранжево-золотымъ) оранжевые глянцы, межъ тѣмъ какъ небо на востокъ стало геліотроповымъ, а вдоль бортовъ медленно изгибалась, какъ лилово-синіе удавы, мертвая волна.

Мы поспѣшили на самую высшую точку, на капитанскую рубку: солнце успѣло уже скрыться, восточное небо стало фіолетовымъ, а западное позеленѣло и пошло по зеленому огненно-оранжевыми полосами, надъ нами же, въ бездонной глубинѣ, ткани облаковъ, легчайшія, какъ дамасскій газъ, окрасились въ нѣжно-малиновый цвѣтъ.

А черезъ мгновение все опять измѣнилось: восточный небосклонъ сталъ сине-лиловый, море подъ нимъ — густо-фіолетовое. И все огненнѣй разгорались полосы на небосклонѣ закатномъ. Когда же, съ быстро набѣгающимъ вечеромъ, превратилось въ фіолетовое и западное море, эти полосы раскалились какъ темно-рдяное желѣзо въ горнѣ. Темнѣло все быстрѣе, надъ закатомъ сверкнула первая звѣзда. Непримѣтная и маленькая луна, все время бѣлѣвшая очень высоко надъ нами, стала оживать. Мы простояли еще нѣсколько минутъ и побѣжали внизъ на звонокъ къ обѣду: она уже сіяла! Вдоль бортовъ потекло блестящее серебро, на палубѣ обозначились въ лунномъ свѣтѣ тѣни отъ снастей. . . И потянуло съ востока бризомъ.

За обѣдомъ всѣ говорили, что видѣли при закатѣ

знаменитый зеленый лучъ. Какъ когда то пльнялъ онъ мое воображеніе! Увы, я его не видѣлъ.

Потомъ безъ конца ходилъ по верхней палубѣ, наслаждаясь даже хрустѣніемъ подъ ногами угольной пыли, невидимо сыплющейся изъ жерла трубы. Луна надъ самой головой, такъ высоко, что нигдѣ въ морѣ нѣтъ отъ нея отблеска. И такая яркая блѣдность чехловъ на шлюпкахъ, точно они серебряно-мѣловые. Опять вѣтеръ съ востока, звѣзды чисты. Мѣрно и крѣпко бьется стальное сердце «Юнана», мѣрно шагаю въ ладъ ему и, мѣрно взвиваясь и падая, несутся назадъ, мимо бортовъ, холмистыя волны. И качаются и дрожатъ, дрожатъ ярко-блѣдные виндзейли (холщевыя трубы вентиляторовъ изъ кочегарной), привязанные за боковыя треугольныя полотнища къ палубнымъ стойкамъ возлѣ трубы: будто какіе-то дьяволы въ саванахъ съ треугольными врозь растянутыми рукавами.

27 февраля.

Просыпался въ пять, — спалъ опять въ верхней каютѣ, — выглянулъ, поднявъ дверную занавѣску: солнца еще нѣтъ, но уже совсѣмъ день; впереди, за океаномъ, много красивыхъ облаковъ, крупныхъ, нѣжно лиловыхъ; среди нихъ нѣжно алѣетъ востокъ.

Полдень. Сильный вѣтеръ навстрѣчу, — все отъ близости земли, какъ говорятъ моряки. Бѣлыя круглыя об-

лака покрыли все небо, такіа наши, орловскія лѣтнія! Океанъ совсѣмъ синій, въ мелкой зыби. Матросы уже готовятся «къ берегу», усиленно стирають свое бѣлье, — на бакѣ все увѣшено рубахами, рукавами внизъ. Вѣтеръ ихъ треплетъ, надуваетъ, — туловища съ отрубленными головами.

Закатъ, звонять къ обѣду. Океанъ сталь бронзовый, а по бронзѣ текутъ зелено-металлическіе, съ краснымъ оттѣнкомъ переливы. Облака легкія, страшно высокія, розово-рыжія. И все мягко, мягко, дивно-нѣжно: вѣтеръ, воздухъ и всѣ краски, всѣ оттѣнки.

Опять на самомъ верху, пишу при лунномъ свѣтѣ. Все огромно: и океанъ, и небо, и все пространство между ними, и все такъ высоко, высоко: и небо, и луна, и эти кучевыя облака. Охъ, какъ сладокъ и силенъ вѣтеръ и какъ носить, качаетъ! Вѣтеръ, шумъ, плескъ — и я среди всего этого въ истинномъ блаженствѣ!

Проснулся, чтобы записать:

Звѣзда пылала на горизонтѣ впереди цѣлымъ золотымъ костромъ. Я стоялъ на мостикѣ, я былъ капи-

тань и командовалъ, отрывисто бросалъ назадъ, въ рулевую рубку, радуясь быстроу ходу:

— Такъ держать!

А въ рубкѣ были, кромѣ рулевого, отецъ и мать, давно, какъ я хорошо понималъ, умершіе, но живые все-таки, — я никогда не вижу ихъ во снѣ мертвыми и никогда не дивлюсь во снѣ, видя ихъ живыми. И я чувствовалъ къ нимъ необыкновенную нѣжность въ отвѣтъ на тѣ ласковыя, милыя улыбки, съ которыми они смотрѣли на меня, гордясь мной, моею отвагой. И было въ ихъ улыбкахъ и еще что-то, смутный смыслъ чего былъ, кажется, таковъ: да благословить тебя Богъ, живи, радуйся, пользуйся тѣмъ краткимъ земнымъ срокомъ, что и ты получилъ въ свой чередъ отъ Него!

28 февраля.

Все ближе земля — день облачный, съ горячимъ, припекающимъ солнцемъ, съ тѣмъ, что называется «парить.» Подъ тентомъ на верхней палубѣ было жарче и душнѣе всѣхъ дней. И все больше чувствуется ненужность одежды, хотя мы и такъ уже почти раздѣты.

Шесть часовъ, пишу на кормѣ. Закатъ страшно далеко, равнина океана видна къ западу безъ конца. Закатъ, среди великолѣпныхъ сиреневыхъ облаковъ, весь огненно-красный, захватываетъ весь небосклонъ.

Возвращаясь съ кормы къ обѣду, ахнулъ: луна — зеленая! Посмотрѣлъ изъ столовой въ окно, выходящее на бакъ: да, зеленая! Нѣжно-зеленая, на геліотроповомъ небѣ, среди пепельныхъ облаковъ, надъ зеленымъ блескомъ океана! И такъ качаетъ, что носъ «Юнана» лѣзетъ въ небо, а въ окно бьетъ блаженно проникающій до самой глубины души вѣтеръ. И опять все такъ нѣжно, такъ ласково, такъ вѣтеръ раемъ, истинно раемъ!

1 марта ночью.

Земля, рай все ближе — всю ночь облака, всю ночь луна сіяетъ между ними, серебромъ озаряя ихъ края.

Послѣдняя ночь въ океанѣ, завтра Цейлонъ, Коломбо.

«Путь Твой въ морѣ и стезя Твоя въ водахъ великихъ и слѣды Твои невѣдомы. . .» И я былъ въ страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь къ Тебѣ, и крѣпка вѣра въ родимое, отчее лоно Твое!

Вотъ я, — какъ бы одинъ во всемъ мірѣ, — въ послѣдній разъ мысленно преклоняю колѣни на этой свѣтлой отъ луны палубѣ. Словно нарочно разошлись облака, и радостно и мирно сіяетъ лунный ликъ въ высоту передо мной, а ниже, въ свѣтлой и прозрачной бездонности южнаго небосклона, тихо теплятся алмазы Южнаго Креста. Спокойнымъ и предвѣчнымъ веселиемъ веселится свѣтлая ночь Твоя. — Какъ мнѣ благодарить Тебя?

ГОРОДЪ ЦАРЯ ЦАРЕЙ

Вотъ старая, старая карта земного шара. Опять гляжу на нее, — въ который разъ въ жизни и все еще жадно! — опять блуждаю глазами по великой пустотѣ Индійскаго океана, вижу черту экватора, останавливаюсь на томъ завѣтномъ мѣстѣ немного выше его, гдѣ удлиненной каплей падаетъ отъ треугольника Индостана, какъ бы отъ острія древеснаго листа, Цейлонъ, священный Львиный Островъ, и опять вспоминаю: Городъ Царя Царей, Анарадхапура. . .

Что такое Анарадхапура? Кто знаетъ или хотя бы слышалъ о ней? А межъ тѣмъ Анарадхапура, величайшая святость буддійскаго міра, древнѣйшая столица Цейлона, Анарадхапура, нынѣ заросшая джунглями, превратившаяся въ одно изъ самыхъ глухихъ цейлонскихъ селеній и поражающая пилигрима только чудовищными останками былой славы, насчитываетъ болѣе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ своего существованія, изъ которыхъ цѣлыхъ двѣ тысячи она процвѣтала на диво всему древнему Востоку, по размѣрамъ почти равняясь современному намъ Парижу, золотомъ и мраморомъ зданій не уступая Риму, а своими Дагобами, воз-

двигнутыми для храненія священныхъ буддѣйскихъ реликвій, превосходя пирамиды Египта.

Создатель одарилъ Цейлонъ всѣмъ, что только есть на землѣ цѣннаго и прекраснаго. Создатель сдѣлалъ его Раемъ, мѣстомъ сотворенія человѣка, и отдалъ Адаму въ полное владѣніе лишь съ однимъ запретомъ: не стремиться ни мечтой, ни зрѣніемъ за предѣлы Рая. Но, искушаемый жаждой далекаго и невѣдомаго, жаждой «знать и имѣть», съ восторгомъ и корыстью созерцалъ Адамъ въ часъ утренній, съ высочайшей горы Рая, царства и моря, въ солнечно-голубыхъ туманахъ лежавшія окрестъ, — и преступилъ запретъ, ушелъ съ Евой въ Индію, мостомъ нагромоздивъ рядъ скалъ въ проливѣ между Индіей и райскимъ островомъ. Авель, не пожелавшій противиться Божьему запрету, остался въ Раю. Каинъ послѣдовалъ за родителями. Но всюду и непрестанно томила его тоска по оставленному Раю, и вотъ, постранствовавъ въ мірѣ, возвратился онъ въ Рай и убилъ Авеля, дабы владѣть Раемъ «нераздѣльно и вѣчно.»

То, что извѣстно намъ о Цейлонѣ, по существу глубоко сходно съ этимъ цейлонскимъ сказаніемъ. Соединенный съ Индіей такъ называемымъ Мостомъ Адама, цѣпью рифовъ и скалъ, дѣйствительно былъ нѣкогда Цейлонъ частью нашей Прародины. И необыкновенно многообразно его географическое строеніе и неисчислимы природныя сокровища. Горный хребетъ Цейлона, занимающій три четверти его поверхности и за много миль маячащій мореходу своимъ острымъ Адамовымъ Пикомъ, изобилуетъ глубокими долинами и многоводными рѣками, тонетъ въ первобытныхъ лѣсахъ. Возвышенны, лѣсисты и восточные его берега, а полную

противоположность имъ составляютъ берега западные, низменные, отягченные буйной растительностью влажныхъ тропическихъ мѣстъ, равно какъ и болотистыя джунгли сѣвера. Океанъ вокругъ Цейлона цвѣтетъ жемчугомъ, кораллами и населенъ, какъ въ первые дни творенія. Въ горныхъ цейлонскихъ нѣдрахъ таятся великія залежи хрусталя и графита, въ рѣчныхъ ложахъ — сказочныя богатства драгоцѣнныхъ камней. Растительный же міръ Цейлона, равнаго которому, въ смыслѣ обилія породъ, нѣтъ на землѣ, міръ отъ вѣка и непрестанно цвѣтущей и благоухающей, служитъ приютомъ для несмѣтныхъ видовъ птицъ, пресмыкающихся и для несмѣтнаго множества всякихъ обезьянъ, летучихъ лисицъ, кабановъ, пантеръ, слоновъ, оленей. . .

Исторія Цейлона темна. Все же на основаніи лѣтописей, начатыхъ въ буддійскихъ монастыряхъ Анарадхапурѣ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, и по древнимъ книгамъ Китая, Бирмы, Сіама, съ достовѣрностью установлено, что и исторія человѣческой жизни на Цейлонѣ весьма точно намѣчена въ иносказаніяхъ цейлонскихъ мифовъ объ Адамѣ и его несчастныхъ чадахъ. Да, первымъ обладателемъ Цейлона былъ дѣйствительно человѣкъ *первозданный*, пращуръ того (крохотнаго теперь) племени, которое вымираетъ въ горныхъ лѣсахъ юго-восточнаго цейлонскаго побережья подъ именемъ Лучниковъ: современнымъ знаніемъ Лучники признаны за древнѣйшую въ міру расу, за потомковъ праобитателей земли. Я увидѣлъ эти лѣса. Они доисторически глухи, имѣютъ много общаго съ дѣвственными лѣсами Австраліи, дебри ихъ сѣрыхъ стволовъ и узловатыхъ сучьевъ покрыты кожистой темной листвою, опутаны непролазными тенетами лианъ; англича-

не прорубаютъ въ этихъ дебряхъ многомильныя просѣ-
ки, пролагаютъ шоссейныя дороги, но пока только од-
ни удавы переходятъ ихъ своими волнистыми трубами.
И вотъ эта-то отъ вѣка заповѣдная глушь и даетъ убѣ-
жище Лучнику, прямому наслѣднику того, кто былъ
цейлонскимъ Авелемъ.

Я смотрю на карту: вотъ заповѣдная точка зем-
ного шара, гдѣ живетъ древнѣйшій изъ насъ. Помню
ослѣпительный и въ то же время прохладный (по при-
чинѣ высоты) полдень. Я на гребнѣ Цейлона, на Пи-
дуруталагаллѣ, и весь Цейлонъ подо мною. Въ необоз-
римыя дали расходится туманно-синеватая картина его
горнаго хаоса, сплошь покрытаго лѣсомъ, и великій
просторъ океана объемлетъ горизонты вокругъ, и вся
душа моя охвачена опьяненіемъ какой-то восторженной
гордости, вѣчно присущей высотамъ. Но обманчивы
всѣ человѣческія гордыни! И великой грустью земной
тщеты смѣняется моя гордыня при видѣ тѣхъ горныхъ
лѣсовъ, что лежатъ подо мною: тамъ тоже бьется че-
ловѣческое сердце, а какъ жалокъ и страшенъ этотъ
человѣкъ, это существо, потаеннѣ всякаго звѣря скры-
вающееся отъ меня, своего единоутробнаго брата, въ
этихъ древесныхъ притонахъ! Онъ и теперъ еще не зна-
етъ ни огня и никакихъ орудій, кромѣ лука да камен-
наго топора. Онъ питается кореньями и плодами, лако-
мится ящерицами, дохлыми обезьянами. Религіи у не-
го нѣтъ, — онъ только смутно почитаетъ (то есть, бо-
ится) духа предковъ, и даже смерть его не освящается
никакимъ обрядомъ. Нѣтъ у него и никакихъ
основъ права, нравственности и нѣтъ даже семьи.
— развѣ его дѣтеныши и его самка (чаще всего
его родная сестра) составляютъ семью? А тѣломъ онъ

черень, ростомъ карлъ, хотя сложенъ прекрасно и ловокъ необыкновенно, черепъ имѣеть самый маленькій въ мірѣ, волосы буйные, уши торчащія и подвижныя. . . Замѣчательнѣй всего то, что цейлонскій Авель никогда не смѣется: этого человѣческаго дара онъ лишенъ совершенно.

А Каинномъ былъ на Цейлонѣ пришлецъ изъ Индіи. Индіей, согласно буддійскимъ лѣтописямъ, владѣли суріи, арійцы. Они были будто бы очень мирны, эти «Дѣти Солнца», но вотъ родился среди нихъ вождь, великій царь, родился чудесно («отъ женщины и льва») и уже въ юности приобрѣлъ славное имя: Жестокій Виджая. Подъ его водительство суріи вторглись по Мосту Адама въ царство Авеля, овладѣли Раемъ и назвали его (въ честь своего вождя) Львинымъ Островомъ (Сингала), а своихъ побѣжденных противниковъ, тѣхъ самыхъ, которые извѣстны теперь подъ именемъ Лучниковъ, частью истребили, частью обратили въ рабство, частью загнали въ горы, въ лѣса. И тогда наступила уже не райская, а чисто земная слава Острова: цѣлыхъ двѣ тысячи лѣтъ процвѣтало новое арійское царство, царство сингальское. Весь міръ дивился его могуществу, его трудамъ, всяческому строительству: обработкѣ земель, осушенію болотъ, созданію городовъ, дворцовъ и храминъ, циклопическихъ плотинъ, ограждающихъ поля отъ разливовъ, великихъ каналовъ, распредѣляющихъ водныя орошенія, и величайшихъ въ мірѣ священныхъ пирамидъ. И цѣлыхъ двѣ тысячи лѣтъ не было во всей Азійской части свѣта города, равнаго сингальской столицѣ, воздвигнутой среди расчищенныхъ джунглей на сѣверѣ острова и возвеличенной пышнымъ именемъ: Городъ Царя Царей, Анарадхапура. . .

Помню, съ какимъ страннымъ чувствомъ смотрѣлъ я съ высоты Пидуруталагаллы въ ту смутную синь сѣверной дали, гдѣ въ безграничныхъ лѣсныхъ дебряхъ, снова разросшихся теперь такъ же мощно и буйно, какъ во времена незапамятныхъ, покоились забвенные останки Анарадхапуры. . .

Человѣческая исторія есть прежде всего исторія человѣческихъ кровопролитій. И лѣтописи сингальскаго царства говорятъ о его непрестанныхъ войнахъ съ прочими «сынами женщины и льва», съ тѣми, которые, слѣдуя примѣру перваго завоевателя Рая, непрестанно вторгались изъ Индіи на Львиный Островъ уже для нападенія на потомковъ Виджайи. И шли вѣка, и безъ конца длилась борьба. Но царство сингальское неизмѣнно одолевало и все ширилось и крѣпло. Въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. оно достигло вершины своего матеріальнаго могущества, а съ третьяго столица его становится оплотомъ новой вѣры, данной человечеству царицей изъ рода Сакіа, и начинаетъ прославляться какъ священный городъ. «Кроткое и мощное слово Того, чей голосъ прозвучалъ по всему міру, какъ серебряный колоколь, подвѣшенный къ небесному своду», уже дошло и до Львиного Острова.

Въ третьемъ вѣкѣ новая религія объявляется единой истинной съ высоты самаго престола. Царствуетъ царь Тисса. Въ нѣкій день онъ забавляется охотою въ окрестностяхъ Анарадхапуры и достигаетъ горы Михингале, поднимается въ джунгли, покрывающія ея вершину. Съ лукомъ наготовѣ, одолеваетъ онъ цвѣтушія заросли, какъ вдругъ пестрой стрѣлой взвивается передъ нимъ великолѣпный олень. Царь кидается за нимъ, но въ этотъ-же мигъ и столь-же внезапно пре-

граждаетъ дорогу царю появившійся изъ-за тѣхъ-же листьевъ, цвѣтовъ и вѣтвей человѣкъ въ легкой хламидѣ, ослабляющей среди зелени своимъ солнечнымъ, желтымъ цвѣтомъ. Онъ босъ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ и съ темнымъ, худымъ, вдохновеннымъ ликомъ.

— Царь, не разрушай жизни! — говоритъ онъ. — Сбрось съ себя покрывало грѣха и невѣжества. Я Махинда, сынъ царя Асоки Великаго, служителя правды, зову тебя на кроткую стезю Того, Кто научилъ Нирванѣ и Закону.

И царь Тисса попросилъ его сказать Колесо Закона и, выслушавъ, со смиреніемъ преклонился передъ первымъ буддѣйскимъ апостоломъ, посѣтившимъ Львиный Островъ.

Царь Тисса отдалъ гору Михинтале святымъ соратникамъ Махинды, «кроткой братіи желтаго облаченія», стекавшейся къ Махиндѣ со всего Острова: онъ построилъ на горѣ Михинталѣ и въ окрестностяхъ Анарадхапуры множество обителей для нихъ, для ихъ пребыванія тамъ въ дождливое время года; онъ выдѣлилъ лучшій участокъ въ столицѣ для посадки вѣтви со священнаго дерева Бо, подъ которымъ Будда позналъ истину, онъ посвятилъ весь остатокъ своей жизни на мысли и дѣла благочестія, на то, чтобы сдѣлать Анарадхапуру какъ бы престольнымъ городомъ самаго Будды, и на всяческое украшеніе, достойное ея славы и святости. Наслѣдники же его въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ продолжали его труды. И богаты были плоды этихъ трудовъ!

Царство сингальское, говоритъ Фа-Сьянь, китайскій монахъ, жившій въ пятомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. и стя-

жавшій себѣ большую извѣстность своими путешествіями по святымъ мѣстамъ и описаніемъ ихъ, по справедливости гордится своей столицей. Анарадхапура есть великолѣпный городъ огромныхъ размѣровъ. Онъ занимаетъ шестнадцать миль въ ширину и столько же въ длину. Главныя улицы его суть: Песочная, Рѣчная, Царская и Лунная, малыхъ-же — безъ числа. На каждой главной улицѣ помѣщается десять тысячъ большихъ и богатыхъ домовъ въ два и три этажа. Улицы эти усыпаны пескомъ, — бѣлымъ по срединѣ, чернымъ по бокамъ, — и украшены множествомъ триумфальныхъ воротъ въ цвѣтахъ и знаменахъ. И тысячи людей, лошадей, зебу, слоновъ, паланкиновъ запружаютъ ихъ съ утра до вечера. А надо всей этой прекрасной картиной шумной человѣческой жизни, надъ великимъ множествомъ домовъ и базаровъ, высятся золотыя кровли и золотыя острія монастырскихъ дворцовъ, Ступь и Дагобъ. . .

Почти то же самое и съ такимъ же восхищеніемъ говорятъ объ Анарадхапурѣ и другія древнія записи. И читая ихъ, представляешь себѣ огромную низменную страну, многолюдную, райски богатую, воздѣланную до послѣдней своей пяди, покрытую селеніями, рощами, садами, изрѣзанную рѣками и каналами, и посреди нея — огромный и великолѣпный городъ, вокругъ котораго и надъ которымъ гигантски блещутъ золотомъ и бѣлизною пирамидальныя, куполообразныя и колоколоподобныя зданія, болѣе похожія на горы, чѣмъ на дѣла человѣческихъ рукъ.

Благословенное дерево Бо, подъ которымъ, въ рощахъ Урувелы, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ истязаніи тѣла и духа, въ глубочайшихъ думахъ, въ

поискахъ истины, Будда былъ однажды озаренъ ею внезапно, точно молніей, росло въ Индіи, слишкомъ далеко отъ Львиного Острова, чтобы каждый живущій на немъ хоть разъ въ жизни обрѣлъ высокое блаженство быть осѣненнымъ его листвою. И вотъ, изъ Анарадхапуры было отправлено въ Индію священное паломничество за вѣтвью этого дерева, и вѣтвь была доставлена на Львиный Островъ подъ попеченіемъ дочери царя Асоки, царевны Сангамиты, сестры Махинды, на особомъ кораблѣ, и посажена на особомъ участкѣ на окраинѣ Анарадхапуры съ такимъ торжествомъ, о которомъ вѣрные говорили и писали впоследствии цѣлые вѣка. Затѣмъ было начато возведеніе Дагобы Тхупарамы и Бронзоваго Дворца (то есть, той обители, развалины которой и донинѣ стоятъ въ ближайшемъ соседствѣ съ двухтысячелѣтнимъ отпрыскомъ Священнаго Дерева) и состоялось перенесеніе изъ Индіи другой величайшей святыни — ключицы Будды. . .

Теперь Анарадхапура — маленькое и глухое лѣсное селеніе, черезъ которое пролегаетъ единственная улица, вѣрнѣе, дорога подъ вѣковыми деревьями, еще сохранившая древнее названіе: Священная Улица. На этой-то дорогѣ, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ попираемой стопами пилигримовъ, и стоитъ съ одной стороны Мага-Вихара, въ оградѣ которой растеть Дерево Бо, и Лога-Пазада, то-есть, Бронзовый Дворецъ, съ другой.

Мага-Вихара есть мѣсто, окруженное низкой каменной стѣной. У воротъ ея въ полной неприкосновенности лежитъ двухтысячелѣтній гранитъ, Луна-Камень. За воротами стоятъ двѣ громады — два Будды, а по серединѣ двора уступами высятся нѣсколько земляныхъ насыпей, лежащихъ другъ на другѣ — нѣсколько квад-

ратовъ, изъ которыхъ каждый менѣ предыдущаго, ибо уже нѣсколько разъ со времени благочестивой сестры Махинды достигало дерево такой величины и ветхости, что нужно было, ради сохраненія его отъ гибели, заключать его въ земляную насыпь, оставляя на свободѣ только его вѣтвистую вершину. И три уступа широкой каменной лѣстницы ведутъ теперь подъ сѣнь благословеннаго дерева, такъ широко раскинушагося на верхней площадкѣ, что въ вѣтвяхъ его свободно поднимается великолѣпная пальмира, по которой вверхъ и внизъ носятся маленькія, игривыя обезьянки.

Въ Бронзовомъ Дворцѣ было нѣкогда девятьсотъ келій и обитало девятьсотъ иноковъ. Девять этажей его покоилось на тысячѣ шестистахъ гранитныхъ колоннахъ, высота которыхъ постепенно, по мѣрѣ приближенія къ серединѣ Дворца, все увеличивалась, межъ тѣмъ, какъ размѣры cadaго этажа уменьшались по мѣрѣ возвышенія, такъ что Дворецъ имѣлъ форму пирамидальную, «блисталь-же своей мѣдной кровлей, какъ небесная обитель.»

Самодержавный государь Ланни, говорится въ одной священной лѣтописи пятаго вѣка нашей эры, назначилъ великое богатство денегъ, одежды и сосудовъ съ сахаромъ, масломъ и медомъ на постройку Бронзоваго Дворца, не желая обременять тѣхъ, которые строили Дворецъ, трудомъ безвозмезднымъ. Дворецъ былъ окруженъ стѣной, покрытой бронзовыми бляхами, что и дало Дворцу его названіе, — Лога-Позада, Бронзовая Обитель. Всѣ келіи Дворца были украшены съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ: стѣны ихъ блистали инкрустаціей изъ драгоценныхъ камней, образующихъ цвѣты; вдоль стѣнъ стояли сидѣнья изъ рѣзнаго дере-

ва; на полу лежали чудесные ковры. Въ серединѣ же Дворца была большая зала, вся золоченая, мѣстами унизанная жемчугомъ и прочими самоцвѣтами, потолокъ которой держали колонны съ изображеніемъ различныхъ божествъ и животныхъ. И тронъ, который стоялъ въ этой залѣ, былъ изъ слоновой кости и на его возглавіи сіяли: золотое солнце, серебряная луна и перловыя звѣзды. Возлѣ трона лежало опахало слоновой кости — знакъ великаго жреца, и былъ раскрытъ зонтикъ бѣлаго шелка — знакъ царской власти. «Сосуды же, гдѣ мыли руки и ноги, и ложка, употреблявшаяся въ кухнѣ при варкѣ риса, — все было золотое...» Теперь отъ этого великолѣпія осталась только каменная голая чаща въ тысячу шестьсотъ столбовъ.

Прочія руины разбросаны въ рощахъ и джунгляхъ рокрытъ Анарадхапуры. Это останки Упозадъ, то есть святилищъ, гдѣ жрецы читали два раза въ мѣсяцъ собранію вѣрующихъ велѣнія Будды и принимали общую исповѣдь, затѣмъ пруды, заросшіе лотосами, полные черепахъ, а иногда и крокодиловъ, водоемы для омовенія, каменные корыта и саркофаги неизвѣстнаго назначенія, полукруглыя Луны-Камни съ изображеніями на нихъ слона, лошади, буйвола, льва, лотоса и гуся, затѣмъ многочисленныя бѣлоснѣжныя колокола Ступъ и наконецъ Дагобы.

Царь Тисса подарилъ монахамъ землю въ рощахъ за городомъ и золотымъ плугомъ, который влекли два бѣлыхъ царскихъ слона, собственноручно провелъ границы ея. Мѣсто это называлось Роща Магамега, и въ ней-то царь и воздвигъ изъ священнаго доломита (бѣлаго известняка, употреблявшагося лишь для храмовъ и царскихъ дворцовъ) первую изъ цейлонскихъ Да-

гобъ — Дхупараму, древнѣйшій памятникъ всей Индіи, святая святыхъ Цейлона, гдѣ хранилась ключица Будды. Поднимаясь въ небесную высоту, она еще до нынѣ сверкаетъ своею снѣжной бѣлизной и окружена тремя рядами орнаментированныхъ колоннъ, многія капители которыхъ валяются на землѣ и заросли кустарникомъ и травами.

При Тиссѣ построена была и Иссурумунія-Дагоба, а нѣсколько позднѣе — Дагоба Руанвели. Теперь она превратилась въ совершенную руину: издали видишь только гигантскій холмъ, покрытый чащей кустарниковъ, а приблизясь — гигантскую груду кирпича, насквозь проросшую травами и деревьями.

И всѣ эти Дагобы превосходить своими страшными размѣрами Дагоба-Абхапари, соперничавшая съ пирамидой Хеопса. Теперь отъ ея высоты осталась половина, и большого труда стоитъ взойти на нее по ея разрушеннымъ ступенямъ. Но до сихъ поръ дивный и необъятный видъ открывается съ ея вершины на океанъ окрестныхъ джунглей, болотъ, рѣкъ и островами подымающіяся среди нихъ скалистыя возвышенности. Недалекъ отъ нея уже двѣ тысячи лѣтъ сидитъ въ лѣсу и улыбается грустно-насмѣшливой улыбкой огромная черная статуя Будды, по плечамъ которой то и дѣло цвѣтистой молніей мелькаютъ хамелеоны. А если взять двуколку, запряженную бычкомъ, то черезъ часъ доберешься до джунглей, гдѣ бурыми могильными холмами стоятъ муравейныя кучи и перебѣгаютъ дорогу шакалы, олени и кабаны, а потомъ доѣдешь до подножья Михинтале съ высѣченными на ней двумя тысячами ступеней. На темени этихъ скалъ — могильный храмъ Махинды, осѣненный кокосовыми пальмами. На

пальмахъ сидятъ сиворонки, обезьяны. На жертвенныхъ столахъ передъ храмомъ лежатъ ящерицы. Скалы окрестъ одиноко возносятся изъ древеснаго моря низменности. И великая тишина почиетъ надъ мертвой священной страной.

1924.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Цикады	7
Notre Dame	24
Поруганный Спасъ	32
Обуза	35
Въ саду	41
Божье древо	49
Пингвины	75
Старый портъ	79
Къ роду отцовъ своихъ	86
Алексѣй Алексѣичъ	95
Исторія съ чемоданомъ	108
Ландо	117

Убійство	118
Обреченный домъ	120
Идолъ	122
Слонъ	124
Телячья головка	126
Романъ горбуна	128
Молодость	130
Благосклонное участіе	133
Красные фонари	140
Грибокъ	143
Ущелье	147
Первая любовь	149
Небо надъ стѣной	151
Свиданіе	152
Пѣтухи	153
Муравскій шляхъ	154
Распятіе	155
Марья	157
Ужась	159
Русь	161
Пожаръ	163

Журавли	164
Соколь	166
Людодѣдка	168
На базарной	169
Илюшка	172
Полдень	175
Бродяга	176
Слезы	177
Капиталь	178
Блаженные	179
Коренной	180
Комета	181
Стропила	182
Лѣтній день	183
Дѣдушка	184
Постоялецъ	186
Подснѣжникъ	191
Первый классъ	196
Канунъ	198
Сестрица	199
Маска	201

До побѣднаго конца	204
Письмо	205
Серпъ и молотъ	206
Бернарь	241
Прекраснѣйшая солнца	245
Воды многія	251
Городъ царя царей	286